

С Царем и за Царя

МУЧЕНИЧЕСКИЙ ВЕНЕЦ
ЦАРСКИХ СЛУГ

С ЦАРЕМ И ЗА ЦАРЯ

МУЧЕНИЧЕСКИЙ ВЕНЕЦ
ЦАРСКИХ СЛУГ

Русский Хронографъ 1901

20 08

Москва

Книга написана и издана по благословению архимандрита Кирилла (Начиса) (†10. III. 2008), духовника Санкт-Петербургской епархии, первого наместника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, после ее возрождения.

Посвящается его светлой памяти.

Ковалевская О. Т. **С Царем и за Царя. Мученический венец Царских слуг.** — М.: «Русский Хронограф»¹⁹⁹¹, 2008 — Илл. Фот. 416 стр.

Главный редактор: К.К. Мельник-Боткин.

Книга посвящена одной из неизученных тем — Царским слугам, погибшим в Екатеринбурге в подвале дома Ипатьева вместе с Царственными Узниками. Через судьбу каждого из слуг Государя и Его Семьи открываются все ясней и ясней личности Царственных Мучеников. Их лики были много десятилетий сокрыты от нас ложью и клеветой атеистического государства. Сегодня, в год 90-летия злодейского убийства Царской Семьи, когда мы молитвенно вспоминаем Их мученическую кончину, нам как никогда необходимо знать всю правду об Их подвиге, чтобы, наконец, опомниться и обратиться всем сердцем к истинным Державным Заступникам Русской земли.

Во второй части издания впервые с момента выхода в свет в 1908 г. публикуется книга «Свет и тени Русско-японской войны», написанная доктором Евгением Сергеевичем Боткиным, одним из погибших вместе с Царской Семьей преданных слуг и друзей. Эта книга, созданная не просто военным врачом, но и талантливым писателем, — замечательное, точное как диагноз свидетельство о времени, событиях и современниках.

E-mail издательства: rus.chronograph@gmail.com

ISBN 5-85134-121-1

Составитель: О. Т. Ковалевская.

Оригинальные фотографии и фоторепродукции: Б. Д. Гессель.

Оригинал-макет, оформление, верстка: В. В. Архипов.

Дизайн, электронная обработка фотографий: Д. К. Ковалевский.

Компьютерный набор: И. А. Пашкова.

Корректоры: Н. Ю. Жуланова, А. Г. Земцова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена каждому из четырех слуг, погибших с царской семьей в подвале дома Ипатьева в ночь на 17 июля 1918 года. Их было больше, преданных Государю людей, стремившихся разделить с ним и его семьей их участь. Мы преклоняемся перед их верностью и бесстрашием.

Но Божий Промысел избрал только четырех: Боткина, Демидову, Труппа, Харитонову. Из этих четырех хочу выделить врача, Евгения Сергеевича Боткина. Он поддерживал каждого из узников в эти страшные дни заточения, являл собой высокий пример служения русского врача — такими были лучшие представители отечественной медицины — Пирогов, Сеченов, Бехтерев, отец Евгения Сергеевича — Сергей Петрович Боткин... Как и его отец, Евгений Сергеевич исповедовал то убеждение, что лечить надо не болезнь, а больного. Он обладал глубокими знаниями, которые получил в Императорской Военно-медицинской академии. Углублял полученное образование, стажирясь у ведущих специалистов Европы, знакомясь с передовыми медицинскими технологиями, проходя практику в специализированных клиниках. Работа в Мариинской больнице для бедных помогла ему приобрести колоссальный опыт лечащего врача. Отвечая за оперативную организацию помощи раненым во время

Русско-японской и Первой мировой войн, он стал уникальным специалистом в самых разнообразных сферах медицины.

Император, его супруга, его сын, находившиеся в заточении в доме Ипатьева, были измощены недугами. Постоянно болели великие княжны. Узники испытывали тяжелые нравственные мучения в атмосфере издевательств и оскорблений охраны. Будучи сам тяжело болен, Евгений Сергеевич лечил и разделял с каждым его страдания. Он буквально просил у властей для узников лишний глоток свежего воздуха, добиваясь продления короткой прогулки и возможности в 30-градусную жару открыть форточку.

Доктор Боткин был поддержкой и опорой не только царской семьи, но и маленького коллектива слуг. Он единственный знал о предстоящем расстреле. Отказавшись от свободы, он помог сделать слугам свой нравственный выбор. До последнего мгновения он не терял самообладания, спокойствия и высоты духа.

Эта книга будет интересна для самого широкого круга читателей и, несомненно, внесет свою лепту в дело нравственного и духовного возрождения России.

**Главный государственный
санитарный врач Российской Федерации,
академик Российской Академии
Медицинских Наук,
профессор Г. Г. Онищенко**

*Издание осуществлено по благословению Леушинского
Подворья Иоанно-Предтеченского монастыря в
Петербурге, храма святого апостола Иоанна Богослова.*

Благодарю протоиерея Геннадия Беловолова, протоиерея Николая Беляева, протоиерея Димитрия Амбарцумова, иерея Владимира Чурашова (Санкт-Петербург) за молитвенную помощь в работе над этим изданием. А также родственников Царских слуг, которые сопутствовали моей работе на всем протяжении создания книги, — внука лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина Константина Константиновича Мельник-Боткина, главного редактора этой книги (Париж); внука Царского повара Ивана Михайловича Харитонов Валентина Михайловича Мультиатули-Харитонов (Санкт-Петербург); внучатую племянницу Анны Степановны Демидовой Наталью Алексеевну Фрайман (Санкт-Петербург) и Нину Алексеевну Опарину (Череповец). Сотрудников Государственного архива Российской Федерации (Москва): заместителя начальника отдела научно-информационной и справочной работы Игоря Сергеевича Тихонова, заведующую архивохранилищем личных фондов XIX — начала XX вв. Елену Николаевну Засыпкину, ведущего специалиста Ирину Владимировну Петрову, заведующую читальным залом Нину Ивановну Абдуллаеву. Заместителя директора по библиотечной работе «Библиотеки-фонда Русское зарубежье» (Москва) — Татьяну Александровну Королькову; военного историка Алексея Федоровича Белоусова. В Санкт-Петербурге: библиографа Российской Национальной библиотеки Лидию Федоровну Капралову; филолога, переводчика с немецкого языка Наталью Борисовну Ветошникову; филолога, переводчика с английского языка Валентина Александровича Ступина. Особая благодарность исследователю истории Семьи Императора Николая II Сергею Владимировичу Лизунову (Москва) за ценные консультации по теме данной книги, а также Валерию Архипову, взявшему на себя труды по разработке макета и верстке книги. Благодарю фотографа Бориса Давидовича Гесселя (Париж) за созданные фотографии и фототеплопродукции; также благодарю за помощь Наталью Ивановну Пономареву, директора Школы Народного Искусства Императрицы Александры Феодоровны (Санкт-Петербург) за помощь.

Сотрудники «Международного центра Духовного Единения» оказали финансовую помощь при покупке авиа- и железнодорожных билетов до Парижа и Москвы, обеспечив тем самым возможность работать в архивах.

Низкий всем поклон — за неоценимую помощь и содействие в создании этой книги. Каждый из перечисленных выше единомышленников внес свой вклад в создание этой книги.

Ольга Ковалевская.

ЧАСТЬ I

Ольга Ковалевская

СЛУГИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

*Будь верен до смерти,
и дам тебе венец жизни
(Откр. 2, 10).*

Вступление

Забытые Новомученики

Господь давно совершил Свой суд над убийцами и их жертвами. Но и по сей день «Царское дело» не раскрыто — «мирского» судебного расследования и разбирательства убийства Царской Семьи так и не было.

И только теперь, приближаясь к столетней годовщине памяти убиенных в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме Екатеринбурга Одиннадцати Мучеников, мы начинаем обретать сведения, факты, документы и другие свидетельства, которые, наконец, стали публиковаться. Такие свидетельства, прежде всего, дают возможность выяснить, какими были все те, над которыми произвели зверскую расправу в глухом Ипатьевском подвале, узнать, что это были за личности. Понять это чрезвычайно важно, ибо произошла подмена понятий. Каждое убийство — преступление перед человечеством, но на протяжении почти всего XX века твердили не о том, что *убили*, а что *убили*, дескать, *мироедов*, как сказал один из убийц: «собакам — собачья смерть». Мироедов

Общая фотография. В первом ряду: Е. А. Шнейдер (слева), графиня А. В. Гендрикова, князь В. А. Долгоруков (справа). Во втором ряду — генерал И. Л. Татищев, рядом — Пьер Жильяр. Март 1917 г.

и слуг, их *прихвостней*. Слуги особенно раздражали красных революционных матросов.

Промысел Божий откроет все ныне сокрытое от нас, и тайное станет явным в свое время. Но уже теперь нам дана возможность прочесть свидетельства, связанные с Царственными Мучениками, которые давно явлены, но почему-то обойдены нашим вниманием, — либо потому, что глаза наши «были удержаны», либо потому, что мы «медлительные сердцем». Здесь

мы имеем в виду четырех Царских слуг, вместе с Царем и Его семьей понесших мученический крест и разделивших с Ними до конца Их страдания за Христа в Ипатьевском подвале.

Они, эти четверо, будто забыты, будто преданы забвению. Так, в 1992 году, при обсуждении строительства часовни на месте расстрела Царской Семьи и Их слуг в Екатеринбурге, в беседе с супругой родного племянника Императора Николая II Тихона Николаевича Куликовского-Романова (сына сестры Государя Великой Княгини Ольги Александровны), Ольгой Николаевной¹, некоторыми важными лицами были произнесены следующие слова: «...по количеству умученных членов Царской Семьи на ней (часовне) будет семь куполов...»².

Не стоит, все же, забывать, что такая часовенка — это лишь наше, малое, человеческое приношение Царственным Мученикам. А у Господа все святые увенчаны Небесной славой, притом очень многие из них нам неведомы. Поэтому необходимо помнить и то, что умученных на месте теперь уже построенного храма было *одиннадцать*. Господь и слуг Царских — врача, повара, камердинера и комнатную девушку — вместе с Царем, Царицею и Их чадами *венчает*.

Одно из первых значений слова «венчать» в русском языке — возложить на кого-либо венец в знак присвоения ему высокого звания или в знак особой почетной награды за заслуги. Митрополит Антоний Сурожский в одной из своих про-

поведей о венчании — речь идет о церковном обряде браковенчания, знаменующем великое Таинство брака, — говорит: «...венцы славы вам приготовлены; эти венцы Он хранит, чтобы их вам дать, когда вы одержите последнюю победу — верности»³. Высказывание митрополита Антония открывает нам смысл этого удивительного слова — «верность». Значит оно — поступить «по вере». А по вере поступить порой очень трудно, порой мучительно трудно; вот почему владыка Антоний называет верность подвигом, «последней одержанной победой». Последней, ибо это последняя проверка, испытание Господне.

Внук повара Харитонова — Валентин Михайлович Мультатули-Харитонов — написал об этом *выборе-верности* стихи, посвященные четырем слугам. Стихи так и называются:

ЧЕТВЕРО СЛУГ

*Памяти всех тех, кто до
конца остался верен Долгу.*

«Доктор, служанка, лакей и повар
Могут уйти, они тут ни к чему.
Вы свободны, вы можете скоро
Живыми покинуть эту тюрьму».
От боли тревожней забилося сердце,
Вспомнился дом и семья.
Из подвала на волю открыта дверца,
Но шагнуть за порог нельзя.
А как же любимые, как же дети

Навеки одни и без них?
Но разве возможно жить на свете,
Если предашь других?
В темнице светлые души томилась,
Светлые лики Русской земли.
Четверо верных Им не изменили,
Четверо слуг от Них не ушли.
И каждый стал навеки покоен
И боль свою к звездам унес,
И каждый был Царя достоин,
И каждого обнял Христос.

17 июля 2001 г.

Господь венчает Своим венцом, этой высшей Небесной наградой, которой удостоиваются святые в Царствии Небесном, не только семерых Царственных Мучеников. Но и Их четырех верных слуг. Как поется в одном из тропарей Царю-Мученику Николаю, «Царства земного лишение, узы и страдания многоразличные кротко претерпел еси, свидетельствовав о Христе даже до смерти от Богоборцев, страстотерпче великий Боговенчанный царю Николае, сего ради мученическим венцем на Небесех венча тя с Царицею и Чады, и слуги Твоими Христос Бог, Егоже моли помиловати страну Российскую и спасти души наша».

Отметим, что в тропаре не случайно сказано: «С Царицею, и Чады и слуги Твоими...».

Только в 2002 г., 16 сентября, уже после причисления Царской Семьи к лику святых Русской Православ-

ной Церкви, в России, в Петербурге, в Петропавловском соборе была отслужена первая панихида по четырем приближенным Государя. Панихида была заказана внуком доктора Евгения Сергеевича Боткина — Константином Константиновичем Мельник-Боткиным⁴, приехавшим специально по этому поводу из Парижа. На панихиде присутствовали внук и правнучка повара И. М. Харитоновы и внучатая племянница комнатной девушки А. С. Демидовой.

Их было немного, пожелавших разделить с Царской Семьей изгнание. И не все из тех, кто пожелал, были допущены к Царственным Узникам. Среди них, например, был князь Эристов. В августе 1917 г., когда уже подходило к концу заключение Царской Семьи в Царском Селе, он писал А. Ф. Керенскому:

«Господин министр! Желаю быть назначенным на должность воспитателя, или инструктора гимнастики, или на подходящую должность к Великому Князю Алексею Николаевичу и идти с Ним не только в ссылку, но и на эшафот, если придется. В чем прошу сделать мне счастье, дав свое согласие.

Штаб-ротмистр лейб-гвардии
Гродненского гусарского полка
князь Эристов»⁵

Генерал от кавалерии граф Келлер⁶ телеграфировал «министру председателю Керенскому» 8 августа 1917 года из Харькова: «...Ходатайствую перед Временным правительством о разрешении мне последовать за Государем Императором Николаем Александровичем в

Царские Дети. Царское Село. Весна 1917 г.

Сибирь и о разрешении мне состоять при особе Его Величества [...]

Согласие Их Величеств иметь меня при себе сочту для себя за особую милость, о которой в виду невозможности для меня лично о ней ходатайствовать, очень прошу Вас запросить Государя Императора и, в случае Его на это согласия, не отказать в приказании спешно выслать мне в Харьков пропуск на беспрепятственный проезд и проживание в месте местопребывания Их Величеств»⁷.

Нужно сказать, что немногие тогда осмеливались именовать Императора Николая II титулом «Ваше Импе-

раторское Величество». О нем и в адресе начали писать «б. государю» — бывшему государю (кстати, после 1917-го года появляется термин «из бывших», вполне достаточный для того, к кому относилось это определение, чтобы быть арестованным без суда и следствия).

Свидетельства верности, чести, преданности своему Государю и Его Семье, оставшиеся от тех подлых и страшных лет, отнюдь не единичны. Среди особо пронумерованных папок, собранных в Государственном Архиве Российской Федерации, есть одна, в которой хранятся письма и записки со словами признательности, с выражением любви и сочувствия царско-сельским узникам, много их от детей, студентов, молодежи⁸. Но есть и другая, страшная папка — в ней письма, наполненные ненавистью, злобой, отвратительными оскорблениями.

Из тех, кто изъявил желание отправиться в сибирскую ссылку вместе с Царской Семьей, лишь некоторым выпало счастье сопровождать их. Среди этих лиц — баронесса София Карловна Буксгевден, фрейлина Императрицы Александры Феодоровны; Алексей Андреевич Волков, камердинер Императрицы; графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, фрейлина Императрицы; англичанин Сидней Иванович Гиббс, преподаватель английского языка детей Императора Николая II, гувернер Цесаревича Алексея; Василий Александрович Долгоруков, генерал-майор свиты Императора, гофмаршал; швейцарец Пьер Жильяр, преподаватель

французского языка Великим Княжнам, затем Наследнику, впоследствии — Его наставник; Климентий Григорьевич Нагорный, из матросов Гвардейского экипажа, служивший на императорской яхте «Штандарт» и состоявший при Цесаревиче Алексее; Иван Дмитриевич Седнев, матрос императорской яхты «Штандарт», лакей дочерей Николая II, вместе с ним был племянник Леонид, четырнадцатилетний мальчик, ученик повара, сверстник Цесаревича Алексея, который играл с ним, возил в инвалидной коляске; Татищев Илья Леонидович, генерал-лейтенант — на его попечении находились Царские Дети, остававшиеся до конца мая 1918 года в Тобольске; вместе с князем Долгоруковым и П. Жильяром он входил в число трех особо доверенных лиц Императорских Особ; Терентий Иванович Чемодуров — камердинер Императора Николая II; Екатерина Адольфовна Шнейдер, гоф-лектриса Императрицы и преподаватель русского языка⁹.

Как известно, после нескольких месяцев жизни в Тобольске, Царскую Семью разделили. В конце апреля 1918 г. Император, Императрица и Их Дочь, Великая Княжна Мария Николаевна, были отправлены в Екатеринбург. Их сопровождали: лейб-медик Государя Боткин, Чемодуров, Леонид Седнев, Демидова. Вскоре за первой группой в Екатеринбург была выслана и оставшаяся часть Семьи и сопровождавшие Их Буксгевден, Волков, Гендрикова, Гиббс, Долгоруков, Татищев, царский лакей

Алоизий (Алексей) Егорович Трупп, царский повар Иван Михайлович Харитонов, Шнейдер, Нагорный, Седнев. Сразу по приезде в Екатеринбург Царскую Семью изолировали от тех, кто добровольно последовал за Ними, *желая разделить Их судьбу*¹⁰.

Нагорный и Седнев стали первыми жертвами убийц. Их расстреляли 27 мая, когда они решились воспрепятствовать охране «ДОНа» (Дом Особого Назначения — так назывался дом Ипатьева, где содержалась арестованная Царская Семья, — одна из первых аббревиатур, столь любимых представителями революционной власти) разворовывать имущество арестованной Царской Семьи. Арестовали, увезли в тюрьму и в тот же день расстреляли. Сразу арестовали Татищева, Долгорукова, Гендрикову, Шнейдер и Волкова. Долгоруков, долгое время томившийся в одиночке, был расстрелян чекистом, помощником коменданта Ипатьевского дома, участником расстрела Царской Семьи Г. П. Никулиным. Графиня А. В. Гендрикова, Е. А. Шнейдер и А. А. Волков из 2-й Екатеринбургской тюрьмы, куда они были заключены по приезде, были переведены в Пермь. Графиня Гендрикова очень нуждалась, как рассказывает в своей книге о Царской Семье Татьяна Мельник-Боткина. Не имея при себе никаких вещей, она стирала свое белье под краном — у нее была одна смена. Стирая блузу, надевала рубашку, стирая рубашку, надевала блузу.

Однажды, вызвав ее на допрос, комиссары спросили, отчего она не попросит свои вещи?

— Мне ничего не нужно, — спокойно сказала графиня.

— Что Вы хотите?

— Служить Их Величествам до конца дней своих.

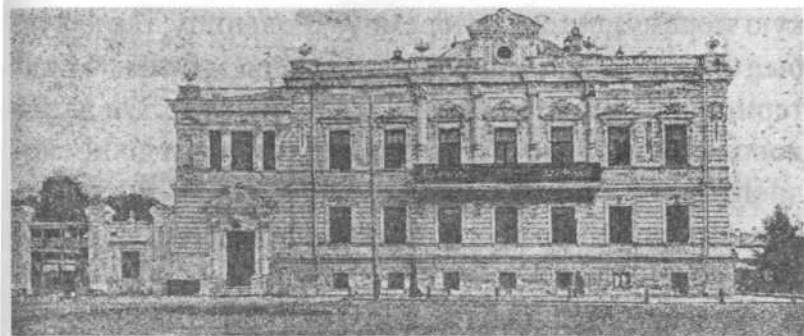
— Ах, так?

— Да, так.

— Ведите обратно в тюрьму¹¹.

20 июля 1918 года Гендрикову, Шнейдер и Волкова¹² перевели в Пермь, где их содержали в тюрьме; в ночь на 4 сентября они были вывезены с группой заключенных на расстрел¹³. Волкову удалось совершить дерзкий по своей смелости побег. Затем через линию фронта с большими трудностями он пробрался обратно в Екатеринбург, где давал ценные показания следствию по делу о гибели Царской Семьи, которое началось вскоре после взятия города армией Колчака. Впоследствии он эмигрировал во Францию, и в 1928 г. опубликовал воспоминания о Царской Семье. Екатерина Адольфовна Шнейдер и Анастасия Васильевна Гендрикова в ту ночь на 4 сентября были расстреляны.

Баронесса С. К. Буксгевден, фрейлина Императрицы, по прибытии в Екатеринбург со второй группой Царственных Узников, в конце мая 1918 года, жила некоторое время, так же, как и Жильяр, в вагоне на запасных путях городского вокзала, где скопились тысячи беженцев — больных, голодных, без средств к существова-

Дом купца Корнилова в Тобольске, где были размещены члены свиты и слуги, добровольно поехавшие в ссылку вместе с Царской Семьей

нию и медицинской помощи. Избежав ареста и гибели, София Карловна эмигрировала в Копенгаген к обосновавшейся там вдовствующей Императрице Марии Федоровне, матери Императора Николая II (до замужества датской принцессе Дагмаре). Умерла баронесса в 1956 году, в Лондоне.

Пьер Жильяр не погиб, главным образом, потому, что был швейцарским подданным. Буксгевден и Жильяр иногда могли видаться с доктором В. Н. Деревенко, который до определенного времени мог проходить к узникам в Ипатьевский дом, и получали от него сведения о происходящем с Царской Семьей.

Терентий Иванович Чемодуров, приехав с Императором, Императрицей и Великой Княжной Марией Николаевной в Екатеринбург, сначала помогал в приготовлении пищи, по хозяйству, но затем стал прихварывать. 24 мая 1918 г. его отправили во 2-ю Екатеринбургс-

кую тюрьму, а затем в тюремную больницу, так как он был очень тяжело болен. С вступлением белых в Екатеринбург Чемодуров оказался на свободе. Он давал довольно путанные показания следствию и до последней минуты своей жизни не верил, что Царская Семья погибла. Умер он в Тобольске, примерно, в начале 1919 года.

Сидней Гиббс, прибывший со второй группой заключенных в Екатеринбург, как иностранный подданный избежал заключения, хотя в середине апреля из Москвы поступило распоряжение о его аресте.

К началу июня 1918 года с Царской Семьей остались Евгений Сергеевич Боткин — врач; Иван Михайлович Харитонов — повар; Алоизий Егорович Трупп — теперь он исполнял должность камердинера при Государе; Анна Степановна Демидова — комнатная девушка.

Кто же были те люди, которые по Божьему Промыслу остались с Царской Семьей, чтобы разделить до конца Ее участь? Об этом наша книга.

Алоизий (Алексей) Егорович Трупп

1856–1918

«Позвольте, я передам об этом Его Величеству...».

Из ответа Царского слуги офицеру караула
Александровского дворца в Царском Селе

Писать о простых слугах Царской Семьи чрезвычайно сложно — о них мало что известно.

Эти люди ближе всех стояли к Царским особам. Так как повседневная жизнь Царской Семьи была скрыта от посторонних глаз, а именно в бытовой, семейной обстановке и проходило их служение, то понятно, что о камердинерах, комнатной девушке, поварах, лакеях, горничных, нянях история не сохранила сведений. А между тем, как раз с ними Император, Его Супруга и Дети были просто *обычными людьми*, со своими скорбями и заботами.

Однажды в Спале¹⁴, где Император со Своей Семьей находился на отдыхе, к ним пожаловало множество великосветских гостей, среди которых были и представители разных иностранных держав. Для прибывших гостей был организован торжественный прием и дан бал.

Алоизий (Алексей) Егорович Трупп

Как раз в это время заболел Цесаревич. Он был настолько тяжело болен (это был самый сильный приступ из всех, что ему постоянно приходилось переносить), что родители стали обдумывать формулировку бюллетеня, который должен был проинформировать общество о тяжелой болезни и возможной кончине Наследника.

Императрица, которая и так очень редко бывала в свете, обязана была по этикету присутствовать на торжестве.

Она появилась среди гостей блистательная, прекрасная, озаряя всех сияющей улыбкой. Незаметно, под незначительным предлогом, Ей удалось ускользнуть от внимания гостей и вернуться к больному сыну, у постели которого врачи боролись со смертью. И вот совершенно случайно, в коридоре, с обливающейся слезами Императрицей столкнулся Жильяр — Она бежала к больному ребенку, покинув бал.¹⁵

Через некоторое время Александра Феодоровна снова появилась среди веселящихся гостей — такая же спокойная, приветливая, улыбающаяся. Никто из присутствующих не догадывался о том, что сердце ее разрывается от боли и страха — они видели перед собой Императрицу — величественную и вместе с тем благосклонную супругу правящего Императора. Ей приходилось надевать маску спокойного благополучия — чего бы это ни стоило.

Слуги видели своих Хозяев (как называла Их Анна Демидова) без маски. Об этом очень хорошо написано в книге камердинера императрицы А. А. Волкова «Около Царской Семьи»: «Тридцать пять лет я провел в великокняжеском и Царском доме. На моих глазах проходила жизнь сильных мира, по преимуществу та сторона ее, которая скрывается от посторонних глаз этикетом. От меня же часто не были скрытыми проявления обыкновенных человеческих переживаний: ведь при общении со мной не надо было надевать личину светскости, отбрасывались условности, и со мною бывали только люди с их радос-

Алексей Андреевич Волков

тями, горем, с их достоинствами и слабостями»¹⁶.

Слуги, как правило, не оставляли дневников и мемуаров. Случай с Алексеем Андреевичем Волковым и Анной Степановной Демидовой — особый. О Демидовой мы расскажем в своем месте. Волкову, как мы уже упоминали, чудом удалось избавиться от смерти — когда арестантов выстроили, чтобы расстрелять, он кинулся бежать, воспользовавшись туманом

и возможностью скрыться в ближайшем леске. Отметим, что еще по дороге на казнь он два раза хотел бежать — представлялся случай — но не мог оставить Гендрикову и Шнейдер. Он хотел спастись только вместе с ними. Женщины, однако, были так измождены и больны, что отказались. Тогда он решил помочь Шнейдер, которая совсем обессилела, хотя бы нести корзиночку — в ней было «две ложки, кусочки хлеба и кое-какая мелочь». Вскоре корзиночку отняли конвоиры. Примечательно, что расстрелянных в то раннее утро под Пермью Царских слуг было тоже одиннадцать — как и узников, погибших в Ипатьевском подвале. Среди жертв большевистских палачей Волков упоминает горничную гостиницы, где жил Великий Князь Михаил Александрович, тюремного

инспектора и некую Знамеровскую. Самих палачей было двадцать два... Волков напишет свои воспоминания через десять лет в Париже, там же и опубликует их. И дочь Великого Князя Павла Александровича — Великая Княгиня Мария Павловна¹⁷ — составит предисловие к его книге.

Слуг, о которых мы рассказываем (а сколько еще верных, преданных Государю людей, о которых мы почти ничего не знаем, было рядом!), не готовили с детства к Государевой службе. Они попадали во дворец из разных концов России, зачастую по особому Промыслу Божию. Для многих из них типичен путь того же А. А. Волкова. Мы знаем этот путь подробнее, чем путь других, благодаря его воспоминаниям.

Выходец из крестьянской семьи одного из сел Тамбовской губернии, он по призыву был направлен в лейб-гвардии Павловский полк, где прослужил пять лет, затем — в Сводно-Гвардейский батальон, куда набирали самых рослых, молодцеватых и дисциплинированных солдат из всех гвардейских полков. Получил чин старшего унтер-офицера, обучал Цесаревича, будущего Императора Николая II, военному строю в одном из подразделений лейб-гвардии Преображенского полка, которым ему доверили командовать. Сначала Волков нес обычную военную караульную службу, затем внутреннюю караульную службу на балах в Зимнем дворце и внутреннюю караульную службу близ спальни Императора. Состоял он и при особе Великого Князя Павла Александровича, исполнял обя-

занности вице-гоф-фурьера, а потом был личным камердинером Александры Феодоровны. «Ни один человек не мог пройти к Ней или выйти от Нее помимо него. Никто не мог позвонить иначе, как через него»¹⁸. По таким дошедшим до нас крупицам сведений мы можем представить себе хотя бы в некоторой мере, что собою представляла служба этих верных людей.

Без преувеличения можно сказать, что от их тщательности и преданности во многом зависела жизнь и безопасность Царской Семьи. Как удавалось находить подобных людей? На примере Волкова мы видим, что он был замечен еще по военной службе, проявив себя добросовестным, ответственным солдатом. Естественно, таких, как он, замечали, продвигали по службе, проверяя на более ответственном деле, и не выпускали из поля зрения.

Цену этим подданным — скромным, честным, верным — Император знал, и дорожил ими. Волков в своих воспоминаниях приводит эпизод, когда он, оказавшись в непростой ситуации, связанной с расформированием двора Великого Князя Павла Александровича, остался на какой-то период не у дел. Но верных людей не забывают, и его взяли на службу к Императору. Когда дела Великого Князя Павла Александровича изменились к лучшему, он захотел вернуть к себе прежнего слугу. Волков стал колебаться — уйти из дворца к Великому Князю «по старой памяти» или остаться на императорской службе. Государь узнал о сомнениях своего слуги. «Император велел спросить меня, чем именно не нравится мне моя те-

перешняя служба, на что я ответил, что положением моим я вполне удовлетворен... Государь мне предложил еще хорошенько обдумать мое решение, прибавив при этом, что Ему было бы жалко расстаться со мною...»¹⁹, — вспоминает Волков.

В этом небольшом эпизоде, с одной стороны, поражает внимание и заинтересованность Государя в верном испытанном слуге, Его деликатный вопрос и ненавязчивое желание не отпускать от Себя нужного человека. С другой стороны, видно, хотя Волков и не пишет об этом, что Император ценил испытанных, преданных людей, их профессионализм и чисто человеческие качества.

Здесь необходимо отметить, что эти добрые душевные свойства развивались в Царских слугах во многом благодаря близости к своим державным Хозяевам, благодаря их несомненному нравственному и духовному влиянию, их поистине христианской жизни, что было тогда (да и во все времена) большой редкостью не только в образованном обществе, но и среди народа. Высокий пример был постоянно перед глазами слуг — Волков пишет, что они видели царственные лица *без маски*. Царственное благородство, глубокая и чистая, ничем не замутненная вера в Бога, в благой Промысел Божий, оказывали порой поразительное воздействие на крестьянские души.

В этой связи важно привести еще одно свидетельство. Под Архангельском в одном селе есть жительница, которой сто лет. Ее отец был Царским слугой. Был взят по при-

зыву в армию. Попал к Царю на службу — «кушанья подавал Царской Семье», как рассказывает сама Евфросинья Александровна. О своем отце она вспоминает следующее. Отбыв срок своей солдатской службы, он вернулся домой. По возвращении солдат словно стал другим человеком, резко выделявшимся из среды односельчан. Наблюдая столько лет за тем, в каком благочестии живет Царская Семья, и не находя такого же отношения к Богу и миру в современной ему жизни, сам он коренным образом изменился. Будучи неграмотным, солдат выучил наизусть Евангелие, часто ходил в церковь и прилежно молился Богу. Многие он открыл своей дочери — на всю жизнь запомнила она его мудрые советы. Он научил ее молиться, научил накладывать на себя крестное знамение — она крестится особенно, с особым благоговением пред Господом. Главный же завет отца — хранить веру — Евфросинья Александровна ненарушимо держала в течение всей своей жизни, держит его и теперь. Завет этот ее отец вынес из Государевой службы²⁰.

Об Алоизии Егоровиче Труппе мы пока знаем меньше, чем о других трех слугах, погибших с Царской Семьей. Может быть, предпосланное к рассказу о нем небольшое вступление высвечивает его главную черту — незаметное скромное служение. Как можно судить на основании нескольких строчек сухого формулярного списка, он был придворным лакеем 1-го разряда, служил при Императоре Николае II и носил звание потомствен-

ного почетного гражданина, происходил же он из крестьян Витебской губернии. Фамилия Трупп, вероятно, произошла от немецкого слова *der Trupp*, что означает «группа бойцов», «отряд». На древнеболгарском языке это слово значит — «дерево». Известно, что Алоизий Егорович родился в деревне Колноголы Режицкого уезда Витебской губернии. Согласно «Спискам населенных мест Витебской губернии» (на начало XX века), эта деревня находилась при реке Струдзень. Земля здесь (154 десятины и еще 15 десятин под лесом) принадлежала Борховскому земельному обществу. В деревне было 11 дворов, 43 мужчины и 46 женщин. Духовно окормлялась деревня, как и почти вся Витебская губерния, римско-католическим духовенством. Ближайшее почтовое отделение, которое обслуживало эту находящуюся в 353 километрах от Витебска деревню, называлось Сталейдзаны²¹.

В Витебской губернии, если ориентироваться по губернской «Военно-топографической карте 1805—1877 гг.», было довольно много деревень с названием «Трупп», «Трупени», «Трупы». В окрестностях Колноголов их оказывается целых шесть. Можно предположить, что от названия деревни происходит и фамилия Алоизия Егоровича. Дальнейшие поиски каких-либо отчетливых данных о детстве и юности Труппа ведут нас на территорию Латвии, ибо после произошедшего после Второй мировой войны передела мира часть земель Витебской губернии отошла к этой стране.

Возможно, некоторые сведения о Царском слуге содержит картотека Полицейского управления г. Санкт-Петербурга на период начала XX века, хранящаяся в Государственном Архиве Российской Федерации. Заметим, что в Петербурге было достаточно много людей с подобной или такой же, как у него, фамилией. На одной из карточек картотеки значится: «АЛЕОДЪ ЮРОВЪ ТРУПА, Витебской Губернии, Режицкого уезда, Голяндской волости»²². Алеодъ — может быть, Алоизий? Ведь называли же Труппа Алексеем. «Юровъ» — то же, что Георгиевич, сын Юрия, Юров сын. Фамилия здесь может быть искажена: часто слово в процессе произношения менялось на более удобное для речи, это закреплялось на письме. Если этот «Алеодъ» — Алоизий Егорович Трупп, нам важно, что в Полицейском управлении нет ничего, что бросало бы тень на его доброе имя — его карточка чиста.

Известно, что А. Е. Трупп был на три года старше А. А. Волкова и, вероятно, прошел тот же путь, что и слуга Императрицы — от солдата, взятого в армию по призыву из далекой деревни Витебщины до службы у Императора. Зная, в чем заключалась служба Волкова при Государыне, мы можем, по аналогии, в какой-то степени представить себе и круг обязанностей слуг Государя, в том числе и Труппа. Поистине на такой службе мог быть только особо доверенный человек, кристальной честности, абсолютной верности. Мы не беремся утверждать, какие именно обязанности были возложены на Алоизия Егоровича, — после ареста Царской Семьи каждый верный

*Великая Княжна Татьяна Николаевна верхом на пони.
Рядом А. Е. Трупп. Царское Село. 1902 г.*

Им человек совмещал множество обязанностей, стремясь помочь Царственным Узникам, сделать все, что в его силах. И даже, как мы знаем, пожертвовать своей жизнью.

Задолго до наступления революционного лихолетья Алоизий Егорович был известен как испытанный, надежный слуга. На прогулках в Царском Селе ему доверяли маленьких Царевен. На фотографии 1902 года (мы ее публикуем) А. Е. Трупп катает на пони Великую Княжну Татьяну Николаевну. Ей пять лет. Маленькая наездница привычно сидит в седле, держа в руках поводья. Смирно стоит лошадка, под уздцы ее держит Алоизий Егорович.

Он в форме форейтора, на груди — медаль и орден. Здесь он еще молодо выглядит (на фотографии ему 46 лет) в сравнении с единственным, часто публикуемым фотопортретом, где он предстает перед нами в расшитом галунами мундире камердинера, седовласый, строгий, со многими наградами на груди. Существует и другая фотография начала 1900-х годов — Великие Княжны Татьяна и Мария Николаевны, там же в Царском, сидят в маленькой повозке, запряженной двумя козочками. На глазах козочек — шоры. Рядом с экипажем двое слуг, один из них — Алоизий Егорович.

Нужно сказать, что все упоминания о слуге Императора Николая II отличаются крайней скупостью. Протоиерей Афанасий Беляев, приехавший в Александровский дворец в дни ареста Царской Семьи, по приглашению Их Величеств, собираясь служить в Страстную Субботу всенощное бдение и Божественную литургию, в коридоре встретил, как он пишет, камердинера Государя. Протоиерей не называет его по фамилии, естественно, не зная ее, — но это мог быть и Алоизий Егорович. «Камердинер сказал, — пишет о. Афанасий в своем дневнике, — “Его Величество просили Вас зайти к Нему. Он хочет сказать Вам несколько слов о предстоящем служении в дворцовой церкви”. На эти слова молодой прапорщик, сопровождающий нас, ответил, что этого сделать нельзя, и, обращаясь ко мне, заявил: “Потрудитесь идти в церковь, разговаривать ни с кем нельзя!” Удивленный камердинер возразил: “Позвольте, я передам об этом Его Ве-

личеству”. Но грозный караульщик категорически заявил: “Это для меня все равно. Я не могу допустить никаких свиданий с кем бы то ни было...”»²³.

А. Е. Трупп добровольно последовал с Царской Семьей в Тобольск, потом в Екатеринбург. Участвовал, в качестве посредника, в выносе из бывшего губернаторского дома в Тобольске, где проживала, находясь под арестом, Царская Семья²⁴, ценностей, Ей принадлежавших, чтобы сохранить их от разграбления и укрыть в Тобольске и его окрестностях.

Игумен Серафим (Кузнецов) в своей книге «Православный Царь-Мученик» много раз упоминает А. Е. Труппа, как верного слугу Государя. Когда Император был вынужден отпустить прислугу из-за того, что оказался не в состоянии ей платить (Керенский и Временное правительство перестали отпускать деньги на содержание Царской Семьи, арестовав Ее счета), Харитонов, Трупп, Демидова, Боткин остались при Царской Семье, объявив, что будут служить бесплатно.

Когда Императорская Чета с Дочерью Марией и несколькими сопровождающими их слугами по требованию чекистов выехала в Екатеринбург, Трупп оставался с детьми в Тобольске и затем последовал вместе с ними в Ипатьевский дом. Его решение ехать в Екатеринбург подверглось в Тобольске серьезному испытанию. Лакей Наследника Цесаревича С. И. Иванов вспоминал: «За несколько дней до нашего отъезда приехал еще начальник отряда Родионов. Отряд у него был сплошь из нерус-

ских. Мне кажется, что это были латыши, но достоверно сказать, что это так, не могу. Может быть, тут были и мадьяры, и латыши. С одним же из этих красноармейцев произошел удивительный случай. Его узнал лакей Трупп. Он оказался его родным племянником: сыном родного брата Труппа. Имени его и местожительства я не знаю. Но лакей Трупп родом откуда-то, кажется, из-под Риги. Он был польский латыш»²⁵. Иванов не приводит деталей, но понятно, что эта встреча для Труппа была связана с воспоминаниями о доме, о родных. Вероятно, и для племянника, вынужденного с оружием в руках сторожить своего родственника, это была последняя возможность обдумать свой выбор.

В дневниковых записях и письмах Царской Семьи, относящихся к периоду Тобольской и Екатеринбургской ссылки, есть несколько слов об Алоизии Егоровиче:

«20 мая [1918 г.]. После ужина Бэби [Цесаревича Алексея, — *примеч. авт.*] отнесли в его комнату Н[ики, Император Николай II], Трупп и Харитонов», — пишет Государыня²⁶. Еще раньше, 11 мая (ст. ст.) 1918 г., Император записывает в дневнике: «С утра поджидали впуска наших людей из Тобольска и привоза остального багажа. Решил отпустить моего старика Чемодурова и вместо него взять на время Труппа. Только вечером дали ему войти и Нагорному, и полтора часа их допрашивали и обыскивали у коменданта в комнате»²⁷. 22 января 1918 года Цесаревич Алексей сообщает А. А. Вырубовой из

Тобольска: «Вчера играл с Татьяной и Жиликом [так в Царской Семье называли П. Жильяра] французскую пьесу. Все готовят еще другие комедии. Коля Д[еревенко] бывает по праздникам у меня. Нагорный спит со мною. Седнев, Волков, Трупп и Чемодуров с нами»²⁸. Их, приехавших сопровождать Царскую Семью, в Тобольске еще почти сорок человек, но Цесаревич отмечает, как самое главное, что с ними эти пятеро верных слуг.

В доме Ипатьева для Царственных Узников и Их слуг было позволено провести несколько богослужений. Император отмечал в Своем дневнике (ведя его по старому стилю): «*21 апреля. Великая Суббота. [...]* По просьбе Боткина, к нам впустили священника и дьякона в 8 час. Они отслужили заутреню». 6 мая, в день рождения Государя, «в 11 $\frac{1}{2}$ тот же батюшка с диаконом отслужили молебен, что было очень хорошо. [...] *20 мая. Воскресенье.* В 11 час. у нас была отслужена обедница; Алексей присутствовал, лежа в кровати. Погода стояла великолепная, жаркая. Погуляли после службы и днем до чая. Несносно сидеть так взаперти и не быть в состоянии выйти в сад, когда хочется, и провести хороший вечер на воздухе. Тюремный режим!! [...] *10 июня. Троицын день.* Ознаменовался разными событиями: у нас утром открыли одно окно. Евг. Серг. [Боткин] заболел почками и очень страдал. В 11 $\frac{1}{2}$ была отслужена настоящая обедня и вечерня, и в конце дня Аликс и Алексей ужинали с нами в столовой. Кроме того, гуляли два часа!»²⁹. 1/14 июля 1918 г. в Ипатьевском доме

было отслужено последнее в жизни Царственных Мучеников и Их слуг богослужение — обедница. В показаниях следствию священник о. Иоанн Сторожев говорит о том, что при этом событии присутствовало пятеро слуг (пятым был мальчик, Леня Седнев), хотя и допускает некоторые неточности, их касающиеся (на это указывает П. В. Мультатули в своей книге «Свидетельствовали о Христе до смерти...»³⁰). Вот единственное упоминание о слугах, присутствовавших на церковных службах в Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

Известно, однако, что Царские слуги не только присутствовали, но и принимали активное участие в этих богослужениях. Об этом, в частности, упоминает Императрица в Своем письме из Тобольска от 19 февраля/4 марта 1918 года, адресованном сестре Императора Николая II Великой Княгине Ксении Александровне: «... дни быстро бегут — однообразно, — все заняты, только таким образом и можно жить. Теперь будем тоже во время службы петь (не знаю, как выйдет). Дети, Нагорный (кот. тоже будет чтецом — мальчиком читал в Ц[еркви]), я и регент. Очень грустно не бывать в Ц[еркви] — не то без Обедни...»³¹.

Климентий Нагорный, который участвовал в церковных службах в Тобольске, не мог этого делать в Екатеринбурге — его почти сразу увезли из Ипатьевского дома в тюрьму. Кто же прислуживал за богослужениями в Ипатьевском доме? В Екатеринбурге бытует предание (которое идет, вероятно, от сестер местного Ново-Тихвин-

ского женского монастыря, приносивших узникам провизию), что на богослужениях прислуживал Алексей (Алоизий) Егорович Трупп (был пономарем, разжигал и подносил кадило, выносил свечу...).

Предание это выглядит вполне достоверным. Действительно, сестры монастыря, который, нужно сказать, был крепкими узами связан с династией Романовых (он создан по Указу Императора Александра I, здесь бывали Александр II и Его Августейшие родственники, а портрет Государя Николая Александровича кисти монастырской насельницы монахини Емельяны, с любовью и благоговением поднесенный некогда Императору сестрами обители, висел в Зимнем дворце), каждый день подходили к глухому двойному забору, которым был окружен Ипатьевский особняк, чтобы передать что-нибудь съестное. Конечно, львиная доля приносимой ими передачи уходила чекистам. Чаще всего отбирали все. В последние дни перед расстрелом комендант «Дома Особого Назначения» Юровский предупредил, что все передачи запрещены, принимал только молоко, в ограниченном количестве. Но как бы то ни было, монахини все время приходили под эти стены. Это была очень хрупкая, но неистребимая связь узников с обителью.

В обновляющейся экспозиции Екатеринбургского музея демонстрируется важный документ: расписка инокини Варвары, келейницы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. В расписке сказано, что подписавшийся

разделяет судьбу арестованного (имярек) добровольно. Такую расписку должен был дать каждый из слуг, если отказывался от предложения большевических тюремщиков выйти на свободу. Не все расписки сохранились в архивах ЧК, не все еще найдены, но Алоизий Егорович Трупп такую расписку подписывал тоже.

Анна Степановна Демидова

1878–1918

«Аннушка помолится за нас всех...».

Из письма Императрицы Александры
Феодоровны А. А. Вырубовой

Анна Степановна Демидова родилась в Череповце в семье мещанина Степана Александровича Демидова, одного из самых известных и состоятельных жителей города. Его отец (дед Анны Степановны) — Александр Андреевич Демидов — состоял первым директором городского Общественного банка. Он был верным помощником и другом городского головы Ивана Андреевича Милютина, замечательного человека, организатора всех самых важных и полезных дел в городе. При его поддержке создавались учебные учреждения, общественно-полезные предприятия. Именно к нему обращалась игуменья находившегося в 40 верстах от Череповца Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря Таисия (Солопова) — за помощью и в делах строительства монастыря, и в других монастырских нуждах.

Степан Александрович Демидов пользовался большим уважением жителей города. Он был гласным Череповецкой

Анна Степановна Демидова

городской думы и уездного земского собрания членов городской управы. В самом центре города, рядом с торговой площадью, Демидов владел землей и недвижимым имуществом — в том числе двумя двухэтажными каменными зданиями с тремя квартирами и торговыми заведениями: магазинами колбас, готового платья, золотых и серебряных изделий. В двухэтажном деревянном флигеле находилась слесарная мастерская и другие надворные постройки. В 1901 году все это имущество было оценено городским статис-

тическим отделом губернского земства в 12 616 рублей³². Но, пожалуй, самым главным делом Степана Демидова была его служба в правлении «Череповецкого общества взаимного от огня страхования». Он был председателем этого общества, немало способствовал его развитию, росту его доходов. Благодаря деятельности общества, как отмечалось в его отчетах, «...по своей горимости Череповец относится к группе самых счастливых городов России»³³. В городе, состоящем, в основном, из деревянных домов, деятельность общества была чрезвычайно актуальной. Ведь одним из самых главных бедствий российских городов XIX века, состоявших, в основном, из деревянных построек, были пожары.

Сын Степана Александровича — Н. С. Демидов, был одним из учредителей череповецкого «Дома трудолюбия», ежегодно вносил деньги на развитие дома, на содержание при нем училища и бесплатной столовой для бедных.

Очень близким к Анне Демидовой человеком была ее сестра Елизавета. О своих родственниках Анна заботилась, помогала им, опекала, всегда была в курсе всех семейных событий. Когда Демидова вместе с Царской Семьей отправилась в Тобольск, одной из первых ее записей в дневнике стали воспоминания о любимых родных.

На жизнь Череповца, на духовно-нравственное состояние его жителей, несомненно, повлиял приезд сюда в 1891 году святого праведного Иоанна Кронштадтского.

*Игуменья Таисия (Солопова)
(1840–1915), настоятельница
Иоанно-Предтеченского
Леушинского женского
монастыря*

Отец Иоанн был в Череповце проездом в родные края и останавливался в доме у знакомого купца Крохина. Для череповецких горожан это было великое событие. Народ толпился у дома, всем хотелось увидеть известного батюшку, по молитвам которого происходили чудесные исцеления — многие крестьяне Череповецкого уезда были спасены по молитвам о. Иоанн Кронштадтского от сибирской язвы. И, может быть, не случайно игуменья Таисия не-

вольно включает в сферу благодетного влияния своего монастыря Череповец и его окрестности.

По семейному преданию Демидовых, Анна училась в Леушинской школе. Не осталось сведений, в какой именно. Известно, что при Леушинском монастыре в самом Леушине была организована учительская школа. Такая школа была и в Череповце — при Леушинском подворье, которое там было организовано игуменьей Таисией. Наряду со многими полезными дисциплинами, в Ле-

ушинских учебных заведениях очень серьезно было поставлено обучение рукоделию, иконописи, прикладному искусству, рисованию, живописи. Монахинь отправляли учиться даже в Академию художеств в Петербург. Во многих городах организовывались выставки Леушинских рукодельниц³⁴. И опять же, по семейному преданию Демидовых, на выставке рукодельных работ Леушинского монастыря в Ярославле Императрицу заинтересовало рукоделье Анны Демидовой. Как считалось в семье Демидовых, именно поэтому Анна и попала к Царской Семье служить комнатной девушкой. Как бы то ни было, но родные Демидовой знали, что одной из основных ее обязанностей является обучение шитью, вышиванию, вязанию и прочему рукодельному мастерству Великих Княжон. В семье было известно, что самая младшая из них — Анастасия — очень привязана к Анне. В тех случаях, когда Царская Семья уезжала за границу, маленькая Анастасия, еще не умевшая достаточно хорошо писать, просила кого-нибудь из взрослых написать Аннушке, поздравить с праздником, сообщить новости. На одной такой открытке можно прочесть: «Поздравляю мадмуазель Анну! Анастасия. До скорой встречи!»³⁵

За службу Анне Демидовой и ее родственникам было пожаловано потомственное дворянство. Когда сестра Елизавета приезжала погостить к Анне в Царское Село, отец писал ей так: «Царское Село, Е. В. Б. Елизавете Степановне». Е. В. Б. значит — Ее Высоко Благородию.

Жалованное дворянство давало много привилегий. Так, муж Елизаветы был принят в привилегированное военное училище подпрапорщиков в Ораниенбауме.

Старожилы рассказывали внучатым племянникам Анны (это было во время Великой Отечественной войны), как известная всем в городе Анна Демидова, служившая комнатной девушкой при Царской Семье, въезжала в Череповец в золоченой карете, а по обеим сторонам главной улицы стоял народ. Племянники Анны были тогда подростками, ее же современники во время войны были весьма преклонного возраста.

Как ни занята была Нюта, как звали ее в Царской Семье, но на свадьбу Елизаветы она не приехать не могла. У Аннушки был жених, инженер-путеец. И, видимо, какое-то время она раздумывала, не соединить ли свою жизнь с этим инженером: не суженый ли это ее? Однако, по заведенному порядку, если служанка выходила замуж, она должна была оставить службу при дворе. Анна не захотела оставить свою службу комнатной девушки — таков был ее выбор. Она была для Царской Семьи, несомненно, близким человеком. Всю свою сознательную жизнь — с 18 лет, с 1901 года, она прослужила при Императрице и Ее детях. Она не только знала иностранные языки, играла на фортепиано, то есть, была достаточно образованным человеком, но, видимо, и во многих житейских, бытовых вопросах была незаменима.

Во время ссылки, в Тобольске, Императрица просила ее, как духовно близкого Ей человека, сходить в храм, помолиться, — слугам еще можно было выходить из «Дома

свободы», как называли губернаторский дом советские «деятели». 5 февраля 1918 года Государыня писала Анне Вырубовой, получив от нее известие о смерти ее отца: «Упокой душу дорогого отца. Завтра утром Аннушка пойдет и закажет в соборе сорокоуст у раки святого (Иоанна Тобольского) и помолится за нас всех... Мы только можем у себя молиться всем сердцем. В нем мы обе потеряли верного, милого, долголетнего друга... Знаю, как вы друг друга любили, сама все это испытала и знаю страшную боль. Но за него надо Бога благодарить, слишком много тяжелых переживаний, без дома и вообще...»³⁶.

Участник расстрела Царской Семьи П. С. Медведев в своих показаниях отмечает, где каждый из обреченных находился за несколько минут до расстрела. «Служанка, как ее зовут, не знаю, высокого роста женщина, встала у левого косяка двери, ведущей в опечатанную кладовую, с ней встала одна из Царских Дочерей (четвертая)»³⁷. Так в самые последние мгновения жизни они стояли рядом — Анна и Анастасия, ее любимица.

Демидовы как семейную реликвию берегут открытку:

«Мадмуазель Анне Стефановне Демидовой. Царское Село. Лицей. Russie.

Дорогая Нюта,

Поздравляю тебя с праздником и желаю провести его по возможности веселее. Хотя пишу поздно, но лучше поздно, чем никогда.

Анастасия, Париж.
28 декабря 1906»³⁸.

Кто-то из взрослых посылает подружке маленькой Анастасии Анне Демидовой привет, вероятно, по ее просьбе.

1 августа 1917 года в 6 часов утра Царская Семья с несколькими лицами свиты и несколькими слугами прибыли на Александровский вокзал из Царского Села. Поезд опоздал. Вместо часа ночи состав был подан в шесть утра. Пять часов ожидания на чемоданах и предотъездная суeta измотали всех. Неожиданностью, которая стала известной за несколько дней до отъезда, было то, что вместо Крыма конечной целью следования будет Сибирь. И уже только в поезде было объявлено, что едут в Тобольск.

Прошло пять месяцев пребывания под арестом в Александровском дворце. За это время были пережиты поистине глобальные потрясения: переворот всего миропорядка в России, появление вооруженной стражи во дворце и на территории, окружающей Царский дом, «свободные» граждане-товарищи красноармейцы, с винтовками, появившиеся откуда-то с самого дна вздыбленного мира — озверевшие, тупые, наглые. Керенский приезжал допрашивать Императора и Императрицу... Столкновение интересов иностранных держав, участвовавших в мировой войне, предательство генералов и министров, равнодушие и полное разложение аристократической элиты — все было непоправимым в этой катастрофе.

В конце февраля — начале марта тяжело заболели Дети. (Лечил Их доктор Боткин, который тоже не поки-

нул Царскую Семью.)³⁹ Течение кори, которой Они заразились от приехавшего к Цесаревичу юноши-кадета, было настолько тяжелым, что временами приходилось опасаться самого худшего. Осложнение было тоже тяжелым — воспаление легких. Больше всех страдала Мария, температура у нее доходила до 40,9°, на какое-то время Она оглохла.

Родители искали слова, чтобы объяснить Детям происходящее. Но именно они, Дети, своим спокойствием, лаской, вниманием, старались поддерживать взрослых. Потерявшей слух Марии сестры писали, подробно объясняя происходящее. Дети видели спокойных Родителей. Родители — ласковых, любящих детей. Александровский дворец был отрезан от всего мира — достоверных сведений сюда не поступало. Императорская чета и Их Дети никому не писали, боясь скомпрометировать близких и друзей. Письма и телеграммы родственников из-за границы не пропускали адресатам.

Во дворец приходили редкие письма от тех, кто не боялся открыто обратиться к Царю и Его родным. Так, ко дню Ангела Великая Княжна Ольга Николаевна получила поздравительную открытку:

«г. Царское Село

Ваше Высочество

Ольга Николаевна, поздравляем Вас с днем Вашего Ангела и от всего сердца желаем Вам здоровья и благополучия. Часто вспоминаем Вас и Вашу истинно христианскую сестры милосердия работу, в которую Вы вкладывали столько любви и предусмотрительности к боль-

ным. Да хранит Вас Бог! Остаемся молящиеся за Вас и Вашу Семью сестра Шевчук, сестра Иванова.

19 [или 16 нрзб.] VII 17 г.».

Сестры милосердия (Иванова была на Русско-японской войне), как видим, не боялись. Но такие письма были редки⁴⁰. Чаше во дворец охрана приносила грязные газетенки с омерзительными карикатурами на Императорскую Семью, и красноармейцы старались, чтобы эта грязь непременно попадалась Им на глаза.

Арестованы были и лица Царской свиты. Слугам же сохранялась возможность входа и выхода из дворца — они были свободны в любой момент уйти отсюда совсем. Перед отъездом из Царского Села и свите дано было право остаться на свободе и не следовать за Царской Семьей в изгнание. В один из дней этой пятимесячной осады Императорской Четы и Их близких Аннушка отправляет на родину в Череповец, родственникам, большую посылку — свои вещи, книги, одежду, белье. Все это было потом продано во время Великой Отечественной войны, сношено многочисленной родней, поменяно на хлеб. К посылке было и письмо. Анна Степановна сообщала, что вскоре приедет сама «... вот только проводит до границы Хозяев и вернется домой». Скорее всего, Анна стремилась успокоить родных, ведь весь ход ее жизни складывался так, что не оставлял возможности для такого исхода событий...

Итак, состав с Царской Семьей и сопровождающими Их слугами и свитскими лицами отошел от платформы 1 августа 1917 года.

Аннушка после всей предотъездной нервотрепки — можно представить себе, сколько труда в этих заботах о сборах в путь легло на плечи слуг, — добравшись до постели, забылась глубоким сном. Проснувшись через три с половиной часа, она ощутила себя в совсем новом качестве пассажира, которого везут в комфортных условиях и хорошо обслуживают. Оказавшись в таком необычном для нее бездействии, отдыхая от безумной усталости предыдущих дней, когда она «жила нервно и волновалась», Аннушка начинает вести дневник. Всегда занятая, она и коротенькие открытки домой заканчивала словами: «Больше писать некогда, тороплюсь». Теперь же, когда, казалось бы, предоставлялась такая возможность отдохнуть, она не могла сидеть сложа руки. И то, что она берется за дневник и то, о чем она пишет в нем, подтверждает главную заповедь, свято соблюдавшуюся в Царской Семье, данную нам всем Христом Спасителем в Святом Евангелии: «Духа не уташайте!»

В изгнании, под арестом, — Они не перестают трудиться, претворяя каждый день жизни, подаренной Господом, в возможность созидать и радовать других. Государь в Царском Селе гуляет по очереди с каждым выздоравливающим ребенком, при первой возможности, если удастся получить разрешение, вся Семья идет в церковь; Государь читает, преподает историю Цесаревичу. Дети учатся. В Тобольске учителями становятся и Боткин, и Долгоруков, и Татищев. Государыня занимается рукоделием, преподает Наследнику Закон Божий, девоч-

ки учатся, читают, рисуют, рукодельничают. Так было всегда. В далеком счастливом детстве, лет в семь-восемь, Анастасия, будучи еще совсем ребенком, заполняла своим неустоявшимся почерком, похожим на каракули, целые тетради. Это были не слоги и слова: примеры на разные правила орфографии и пунктуации (хотя правила она тоже изучала) — девочка писала рассказы, в которых было много точных наблюдений и чистых порывов души.

В дни ареста в Александровском дворце, освободив ото льда водоемы, узники подготавливают землю и вскапывают грядки. Какой замечательный получился огород в Царском — возделанный руками Императора и Детей благодатный кусочек земли!

В Тобольске Они ставят пьесы, делают рождественские подарки всем тем друзьям, кто разделил с Ними изгнание, лицам свиты, слугам и... даже охране.

Как несомненное свидетельство высокого духа Царственных Мучеников можно привести несколько писем Цесаревича Алексея Своему прежнему, царскосельскому учителю русского языка П. В. Петрову, которые Он иногда подписывал: «Ваш пятый ученику»:

«Тобольск, 27 ноября 1917.

Дорогой Петр Васильевич. Очень благодарю Вас за письмо, все читали. Я очень извиняюсь, что не писал Вам раньше, но я в самом деле очень занят. У меня каждый день 5 уроков, кроме приготовлений, и как только я освобождаюсь, я бегу на улицу. День проходит незаметно.

Как Вы знаете, я занимаюсь с Клавдией Михайловной [Битнер], по русск. по арифм. по ист. и географии. Крепко обнимаю. Поклон всем. Часто вспоминаю Вас. Храни Вас Бог.

А.

Как Пулька!!!».

«Тобольск, 7 января 1918.

Пишу Вам уже третье письмо. Надеюсь, что Вы их получаете. Мама и другие Вам шлют поклон. Завтра начнутся уроки. У меня и сестер была краснуха, а Анастасия одна была здорова и гуляла с Папой. Странно, что ни каких известий от Вас не получаем. Сегодня 20 Р[еомюра] морозу, а до сих пор было тепло. Пока я Вам пишу Жилик читает газету, а Коля рисует его портрет. Коля беснуется и по этому он мешает писать Вам. Скоро обед. Нагорный Вам очень кланяется. Поклон Маше и Ирине. Храни Вас Господь Бог! Ваш любящий

Алексей»⁴¹.

Из письма мы узнаем, что у Детей так же, как и прежде, есть каникулы: «завтра начнутся уроки».

В письмах Цесаревича Петрову отражен весь дух этой Семьи и дух всего сообщества, которое составилось из верных людей, объединенных одной бедой, одной надеждой, одним упованием, одной верой. В этих письмах виден ребенок, мальчишка, и в то же время — тонкий, глубокий, внимательный взрослый человек.

Видно и то, как Царственные Страстотерпцы старались соблюдать одну из главных Евангельских запове-

дей: «Итак, бодрствуйте; потому что не знаете ни дня ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Мф. 25, 13). «Дух у всех семи бодр», — пишет Императрица Вырубовой. «Люблю уроки Закона Божьего с детьми, — рассказывает Государыня, — читаем Библию, говорим, читаем описание жизни Святых, объяснения Евангелия, изречения, объяснения молитв, службы и т. д. . .»⁴².

«Духа не угашайте!»⁴³. В Тобольске Анна Демидова в те дни, когда все (и она тоже) будут страшно заняты устройством жилья в губернаторском доме и в доме купца Корнилова, разыскивая по городу мебель и необходимые в быту вещи, начнет вести занятия с Наследником, читать Ему, из-за болезни Жильера и временного отсутствия Гиббса, Битнер и Шнейдер. В течение некоторого времени Цесаревич продолжит учебу под руководством Анны.

Но пока все едут в поезде, на котором написано «Американский Красный Крест». Комфортабельные вагоны, отличная еда, охрана не заходит в купе. Поезд пропускает большие станции и останавливается в пустынных местах. Это путешествие, которое описывает Демидова в дневнике, — первый и последний «красивый жест» Временного правительства. Их очень комфортабельно и удобно подвозят к несравненно более суровому месту заключения, чем Царское Село, — к Тобольску. А пока на прогулке в поле, где останавливается или медленно ползет следом за путешественниками состав, можно размяться, подышать воздухом, пособирать ягоды, полю-

боваться природой. К ночи поезд прибывает в Тюмень. Далее — пересадка на небольшой пароход «Русь». Тобол обмелел, и по фарватеру может пройти лишь маленькое судно.

Условия меняются. Пароходик ужасно неудобен. Наконец Тобольск. Небольшой городок в тридцать тысяч жителей. Вокруг очень мало деревень, и путь до ближайшего большого города — Тюмени — только по воде. Аннушку поражает полная разруха в предложенных для проживания домах. Здесь грязно, нет мебели, надо фактически с самого начала обустраивать жизнь. Нет даже тазов к рукомойникам, надо покупать ведра и прочее. Но пока обустраиваются дома, на пароходике «Русь» совершаются прогулки по Иртышу, с остановками в красивых местах и отдыхом.

21 августа губернаторский дом, дом №1, или «Дом свободы», как его называли комиссары, был готов для заселения, и в тот же день Императорская Семья разместилась в нем. Кроме них здесь жили Пьер Жильяр, Анна Демидова, Чемодуров, Седнев, Нагорный, Теглева и еще несколько слуг.

В доме напротив — в доме купца Корнилова, расположились остальные: Боткин, его дети Татьяна и Глеб, Гендрикова, Шнейдер, Долгоруков, Татищев, Гиббс. Некоторое время здесь проживает Буксгевден, которая приехала в середине декабря. Ее задержала операция аппендицита. Потом ей прикажут выехать, и она будет снимать квартиру в городе. Семьи доктора Деревенко, Харито-

нова, Чемодурова тоже приезжают в Тобольск, и те иногда имеют возможность видаться с родными. В доме Корнилова проживает и охрана — тюремщики Царской Семьи.

В день заселения Императорская чета идет осматривать дом Корнилова, чтобы увидеть, как здесь разместились остальные. В первый и последний раз Им решили покинуть «Дом свободы». Полковник Е. С. Кобылинский, назначенный Керенским начальником охраны, надеялся, что Императорской Семье в Тобольске будет предоставлено больше свободы, чем в Царском. И хотя эти надежды не оправдались, узники получили большое духовное утешение. Дело в том, что в центре города, в расположенном высоко на горе Софийском соборе, почивали мощи свт. Иоанна Тобольского, последнего русского святого, прославленного в царствование Императора Николая II, — в 1916 году, и особо почитаемого всей Царской Семьей. К этим мощам с записочками, с просьбами отслужить молебен, приходили, по просьбе Императрицы, иногда Демидова, иногда Чемодуров. К святому Иоанну Тобольскому возносили свои молитвы узники, с просьбой об укреплении духовных сил. Великая Княжна Мария, уехав с родителями в Екатеринбург, вспоминала с грустью, что так и не удалось прийти в собор, к его святым мощам. Лишь очень редко, по воскресеньям, в сопровождении вооруженной охраны, узникам разрешали ходить через парк в ближайшую церковь.

В Тобольске почти сразу же ужесточились тюремные порядки. Император и Его близкие могли выходить на прогулки только в огород, где не было ни одного дерева, ни одного кустика. Погода в том августе стояла жаркая, и прогуливаться можно было только под палящим солнцем. Вскоре «Дом свободы» отгородили забором. Мостовых в Тобольске не было, и в осеннее ненастье местность превращалась в топь. Зимой дом выставлял, порой, было так холодно, что вязальные спицы выскальзывали из замерзающих пальцев Императрицы. Но, несмотря на все эти скорби и испытания, Царская Семья не теряла духовных сил и благодарила Господа за все, ниспосланное им свыше. В канун нового, 1918 года, Императрица Александра Феодоровна писала С. К. Буксгевден: «Слава Богу, мы все еще в России и до сих пор все вместе»⁴⁴.

Вечерами Семья и слуги собираются за чтением. Из дневника А. С. Демидовой, к примеру, узнаем, что 10 сентября «вечером, как всегда, было чтение. Читал Долгоруков»; 11 сентября: «Вечером чтение. Читал Государь»; 12 сентября: «Вечером чтение до 11 часов, читал Боткин».

Вместе с тем, в ее дневнике масса мелких бытовых подробностей: купили утюг, глиняные чашки под умывальники, покрасили ведро, теперь оно не заржавеет, будет служить. Надо найти прачечную, запастись штопкой. Обзавестись бумагой, чернилами, ваксой... На ее плечах и на плечах других слуг лежало то обустройство жиз-

ни в новом, неприспособленном для жилья месте, которое во всех своих хозяйственных мелочах сначала делает эту жизнь возможной и хоть сколько-нибудь терпимой, а потом даже и в какой-то мере уютной.

Так, благодаря дневнику комнатной девушки Анны Демидовой, проясняются первые несколько дней, которые Царская Семья и ее верные слуги провели в Тобольске, несколько дней на пути к Екатеринбургской голгофе...

И хотя мы уже пересказали, отчасти, содержание некоторых записей этого уникального документа, стоит остановиться на нем и процитировать его подробнее, не только для того, чтобы в полной мере понять и почувствовать ту напряженную атмосферу, в которой жили узники, но и с тем, чтобы перед нами в ясном свете предстало все благородство, чистота души и преданность русской женщины, горячо любящей державных Хозяев и их Детей, за которых она положила свою душу.

Из дневника А. С. Демидовой⁴⁵

*(Царское Село, 2 августа – Тобольск 15 сентября 1917 года)
[числа в дневнике даны по старому стилю]*

«2 августа 1917 г.

Итак, наш отъезд состоялся. В понедельник 31-го шла усиленная укладка (а я все еще надеялась, что наш отъезд — неизвестно куда? не состоится и будет отло-

жен хотя бы на несколько дней). В понедельник 31 июля в начале 12 часа ночи начали выносить сундуки вниз в круглый зал (туда же выносили людской багаж и кухонный). Красивый круглый зал напоминал таможеню. Каждый должен был следить за своим багажом, чтобы ручной багаж не перепутали. В 12 ч. ночи все отъезжающие находились в зале и смотрели, как выносили багаж в сад через балкон, к которому вплотную подходили грузовики. О ужас, шел второй час, а багаж не уменьшался, и мы видели, что раньше 3-х часов не перенесут всего (а поезд должен отойти в час!). Наконец все перевезли, но тут стали говорить, что наш поезд не вышел еще из Петербурга, и никто не знал почему. В 12 часов приехал Керенский с Михаилом Александровичем⁴⁶ и через 10 минут уехал. Началось томление, все устали, ходили сонные как мухи, и никто ничего не понимал. Стали думать, что, пожалуй, сегодня отъезд не состоится. Захотели чай. Принесли чай и все накинулись на него с жадностью. Наконец по уголкам на креслах и на диванах многие задремали, и одна заснула и скатилась со стула.

В 5 часов утра 1-го августа приехали и объявили: "Можно ехать". Мы поехали на Александровский вокзал вместо часа в 5 часов. Солнце взошло, но грустная картина была в минуту отъезда. На балконе стояли все люди и с выражением отчаяния провожали нас... Было четыре мотора, я ехала в последнем с Татьяной Николаевной, Марией Николаевной, Анастасией Николаевной⁴⁷ и графиней Гендриковой. Когда мы уселись в поезд и тронулись,

было без 10 минут 6 часов утра. Спать не хотелось больше, нервы были натянуты.

Не раздеваясь, я пролежала до 9 часов утра 1-го августа, вымылась и пошла в столовую в 9 $\frac{1}{2}$, где застала Татищева. В час был завтрак с Хозяевами, за исключением Государыни и Алексея Николаевича. Он устал, не спавши до 6 часов. Очень вкусный стол (завтрак и обед делятся на 3 группы). В 5 часов чай в столовой, кто хочет. Выйти нам не разрешается, и на остановках нужно опускать шторы. В 7 $\frac{1}{2}$ была остановка, и мы все пошли гулять; собирали голубицу, бруснику (она еще не созрела). День был утомительно жаркий, даже в 8 часов вечера. Обедали в 8 часов и опять 11 человек (без Государыни и Алексея Николаевича). В 10 часов все улеглись, так как предыдущую ночь не спали.

Сегодня, 2-го августа, все уже знают, “куда” мы едем. Тяжело думать о том, куда нас везут. Пока в дороге, меньше думаешь о том, как будет дальше, но на душе тяжелее, как только вспомнишь, как ты далека от родственников и увидишь ли их опять и когда?! Я пять месяцев не видела ни разу сестры.

Мы проезжаем поля и леса; много заготовлено дров. Видели много выгоревшего и горящего лесу. Сегодня в 6 часов была остановка в поле, и все выходили гулять. Вошли в лес в сопровождении коменданта, его помощников и охраны, которая нас здорово охраняет с двух сторон. В 8 часов был обед — с тем же составом. (Очень хорошо и разнообразно кормят. Повара китайцы, а пода-

ют армяне и один осетин.) Мы едем в международных вагонах — очень чистые и удобные.

Четверг, 3-го августа.

Хорошо спала в первый раз после долгого времени. Последние две недели, когда узнала, что нас намереваются “куда-то” отправить, жила нервно, мало спала, волновалась неизвестностью, куда нас отправят. Это было тяжелое время. Только уже дорогой мы узнали, что мы “на дальний север держим путь”, и как подумаешь только — “Тобольск”, сжимается сердце. Сегодня на одной из остановок (конечно, мы не выходили) кто-то на станции спросил нашего вагонного проводника: “Кто едет?” Проводник серьезно ответил: “Американская миссия”, так как на поезде надпись — “Американская Миссия Красного Креста”. “А отчего же никто не показывается и не выходит из вагонов?” “А потому, что все очень больны, еле живы...”

Выходили гулять в 6 $\frac{1}{2}$ часов, шли вдоль реки Сылва — приток Камы. Красивый вид. Высокая скалистая возвышенность, покрытая густым лесом. Ходили час, прошли к обрыву. В 8 $\frac{1}{2}$, после обеда, Боткин, Татищев, князь Долгоруков и я играли в вист.

Пятница, 4-го августа.

Встала в 8 часов, пила кофе в столовой с Татищевым. Проехали станцию Кунгура. До завтрака читали у себя в купе. Завтракали в час. Едем весь день очень тихо, с боль-

шими остановками, чтобы приехать в Тюмень в 10 часов вечера. В 4 часа гуляли в поле. Какие бесконечные поля ржи, овса, пшеницы, ячменя; много уже сжато. Местами овес очень низкий, чуть взошел. Но хлебные поля тянутся на десятки верст. Приближаемся к Тюмени. Ползем почему-то. Стоим в поле без конца. Приехали в 11 часов 15 минут в пятницу вечером в Тюмень. Поезд подошел вплотную к пристани на реке Туре, впадающей в Тобол, и мы из вагонов перешли на пароход, довольно примитивный. Никаких удобств. Первое впечатление самое безотрадное: особенно было тяжело, что для Хозяев ничего не было приготовлено. Все одинаково для всех. Жесткие диваны и ничего больше, даже графинов для воды нет ни в одной каюте. Каюты — довольно большие комнаты с двумя или одним диваном и весьма неудобным умывальником. Рассчитано на людей, не привыкших много умываться. Можно вымыть нос, но до шеи воды не донесешь — мешает кран. Столовая и гостиная приличные. Освещение электрическое. У кого были своя подушка и плед, тот мог прилечь, а то — хоть сиди всю ночь. Прислуга на пароходе — простая женщина и мужичок. Начали переносить ручной багаж и стали устраивать постели. Я легла в 3 часа ночи. В это время переносили весь наш тяжелый багаж. Мы отошли от Тюмени в 5 часов утра. Идем по реке Туре, которая впадает в Тобол.

Суббота, 5-го августа.

Почти не спала. Встала в 9 часов утра. Умываль-

ник неудобный, даже мыться, как привыкла, нельзя. По берегу громадные пространства мели, грустный вид. Река Тура очень мелка, местами не более 2-х аршин глубины (ходят только плоскодонные суда), она страшно извилистая и мы сегодня на повороте ткнулись в берег.

Воскресенье, 6-го августа.

Пишу в 11 часов утра. Ночью вошли в реку Тобол. Тобол шире и глубже. Волна бурая. Берега такие же плоские, низкие, такие же оползни. Свежо, проглядывает солнце. Вдали виден мелкий лес. Мы идем скорее. Сказали, что прибудем в Тобольск сегодня в 8 часов вечера. В 12 $\frac{1}{2}$ был завтрак. В 1 час остановились у небольшого села и стояли до трех часов. Стали укладываться. В 4 $\frac{1}{2}$ был чай с холодной закуской. Прибыли в Тобольск в 6 часов. Князь Долгоруков с Макаровым⁴⁸ поехали в губернаторский дом, чтобы распределить комнаты. Через два часа они вернулись с печальным известием. О, ужас! Дом почти пустой; без стульев, столов, умывальников, без кроватей и т. д. Зимние рамы не выставлены с лета и грязны, всюду мусор, стены грязны. Словом, дом совсем не был приготовлен. Теперь идет чистка, протапливают печи и покупают мебель, которую в Тобольске найти трудно, так как это, скорее, уездный город, где ничего достать нельзя. Ситцу спросили, — говорят, нигде нет. Даже чернил нельзя достать. Так мы сидим на пароходе, пока не будет все готово... Да, это был для нас удар.

Понедельник, 7-го августа.

На Иртыше. Сидим на пароходе. Погода пасмурная, дует холодный ветер с дождем, выглядывает по временам солнце. Идет все время разговор, как нам разместиться, так как в одном доме всем места нет. Нечего делать, все вещи с парохода перевезены в Губернаторский дом, остались с ручным багажом.

Вторник, 8-го августа.

Погода переменная, свежо. Ходили в город, в губернаторский дом. Все еще грязно, чистка подвигается медленно, мебели мало и самых необходимых вещей нет. Ужасно грустно. В 3 часа поехали по Иртышу прокатиться, останавливались у берега и выходили погулять в поле. Вечером князь Долгоруков и я играли в бридж.

Среда, 9-го августа.

И сегодня стоим на Иртыше — все на том же месте: у пристани. Утром ходила в город. Смотрела меховые вещи из оленьей шкуры и валенки. Валенки из оленьей шкуры страшно дорогие, 40 рублей, а меховые пальто с шапкой (в одно) 200 рублей. За все здесь запрашивают невероятные цены. Уже стали повышать цены на съестные припасы, зная, кто сюда приехал.

Четверг, 10 августа.

Сидели весь день дома. В 6 часов дождь перестал, выглянуло солнце. Настенька⁴⁹ пошла в город. У Алек-

сея Николаевича⁵⁰ заболела рука и ухо; он, бедный, плакал. У Великой Княжны Марии Николаевны повышенная температура — 38,6. Она лежит. Жильяр седьмой день в постели. День ужасно тоскливый.

Пятница, 11 августа.

Сегодня чудный солнечный день. Ходила утром с Настенькой и Долгоруковым в город. Днем в 3 часа двигались на пароходе и выходили на берег гулять, — было очень жарко. Я оставалась на пароходе с Ея Величеством, Великой Княжной Марией Николаевной и Алексеем Николаевичем. Настенька днем ходила в город и купила мне бумагу почтовую и чернила.

Суббота, 12 августа.

Сегодня утром в 10 часов князь Долгоруков, Настенька, Татищев, я, комиссар Макаров ездили смотреть мебель в городе к частным лицам, которые продают.

Воскресенье, 13 августа.

Утром в 10 часов Татищев, Настенька и я перешли пешком с нашего парохода "Русь" в дом Корнилова. В 10 1/2 часов Государь, Наследник, все Великий Княжны перешли, так же пешком, в губернаторский дом, а Государыня и Великая Княжна Татьяна Николаевна ехали в коляске. Больного Жилика привез Боткин в пролетке. В 12 часов был молебен, пели монашески. В час все собрались в столовую в Губернаторском доме завтракать. После

обеда Их Величества и Великия Княжны перешли в дом Корнилова посмотреть как мы все помещены. Но наш дом совсем не устроен. Стали немного разбираться, но кроме кровати в первый день ничего не получили. Нашли всего три глиняные чашки, чтобы умываться — во всем доме нет ни умывальников, ни шкафов; только несколько столов и стульев. Говорят, что в доме Корнилова был окружной суд, а в бывшем губернаторском находился Совет рабочих и солдатских депутатов. Выехали они за 3 дня до нашего приезда и оставили невероятную грязь.

Понедельник, 14 августа.

Утром ходили пить кофе в дом №1 (а наш дом №2). Потом пошла по городу искать чаши для умывальников. Нашла только два глиняных горшка. Купила уют в гостинице. Завтракали и обедали все вместе в доме №1. После завтрака пошли искать чернильницу. После обеда Алексей Николаевич играл в “Крепость” с Государем и остальные играли в игру: собирать семейство.

Вторник, 15 августа.

Сегодня праздник. Успение Богородицы. Была обедница в 11 часов в зале дома №1. Священник очень симпатичный. После весь день сидела и разбиралась в своих бумагах.

Среда, 16 августа.

Чудная погода весь день. Выходила, утром искала

кувшин, был всего один, за который спросили 6 р. После завтрака с графиней пошли к памятнику Ермака. Вид с горы очень красивый, виден Иртыш. Спустились с горы по ступенькам, которых сто. Солнце палило, и было страшно жарко подниматься (я думаю, градусов 30).

Четверг, 17 августа.

Погода жаркая. Утром Маша⁵¹ пошла купить ведро. После завтрака я пошла отыскивать красильню. Нашла в частном доме, а не магазине. Все здесь очень примитивно. Нигде решительно нет мощеных улиц. После обеда пришла домой в 11 часов.

Пятница, 18 августа.

Погода теплая. В тени 25 градусов. Утром приехала Маргарита Хитрово⁵². Заходила в наш дом и виделась с Настенькой. После завтрака она опять зашла, принесла конфеты, духи и образочки и вместе с Настенькой пошла искать себе комнату. Ничего не нашли. Тогда Хитрово пошла одна на поиски себе комнаты. Вечером пришел судебный следователь и сделал обыск в принесенных ею вещах, но через час вернулся и сказал, что ему необходимо осмотреть и вещи (книги, бумаги и т. д.) графини Гендриковой. Такой осмотр вещей в комнате графини Гендриковой нас всех очень поразил. Хитрово уже больше к нам не пришла, и на другой день, 19-го, ее отправили обратно. Все это очень странно.

Суббота, 19 августа.

Погода дивная, на солнце 37 градусов.

Воскресенье, 20 августа.

Погода с утра жаркая, днем на солнце 35–36 градусов. Была в зале обедница. Ходила в огород, хотела там почистить грядки, но так все заросло, что не стоит приниматься. Просидела дома, читала газету. Разбиралась в бумагах.

Понедельник, 21 августа.

Погода такая же, как и вчера. Утром с 11-ти до 1-го часа читала с Алексеем Николаевичем. После завтрака пошла искать красильню.

Вторник, 22 августа.

Погода такая же. Читали с Алексеем в 6 часов в его комнате. После завтрака ходила с Машей, показала ей, где живет прачка.

Среда, 23 августа.

Погода такая же жаркая. 30 градусов на солнце. Утром в 10 часов в саду читали с Алексеем Николаевичем. Маша одна ходила в красильню и купила мне черной тесьмы и черн. бубош. для штопки. В 3 часа я ходила с князем по лавочкам — искали эмалированные чашки — нигде нет. Пошел дождь, и через $\frac{1}{2}$ часа опять была чудесная погода.

Четверг, 24 августа.

Погода очень жаркая, на балконе в 2 часа было 34 градуса. Утром читала в столовой с Алексеем Николаевичем. Сейчас купили телеграммы. Рига взята без боя... Какой ужас! Какая тоска. Что же будет дальше? В депешах — арестован Великий Князь Михаил Александрович. Не выходила из дома. В 12 часов приехал Владимир Николаевич Деревенко⁵³.

Пятница, 25 августа.

Погода теплая, хорошая, но ветер. Урока у Алексея Николаевича не было. Он простужен, насморк и сильно кашляет. У Анастасии Николаевны болят уши. Ольга Николаевна⁵⁴ — насморк уже неделю. В 12 часов дня приехал доктор Деревенко и привез письма.

Суббота, 26 августа.

Погода свежее — ветреная. Уроков не было. После завтрака выходила гулять. Вечером в 9 часов было свежо. Узнали, что Великая Княжна Мария Павловна⁵⁵ невеста. Выходит замуж за князя Путятина⁵⁶. Она пишет Великой Княжне Ольге Николаевне и просит сообщить Их Величествам. Пишет, что очень счастлива, и что эта любовь уже полтора года.

Воскресенье, 27 августа.

Погода свежее. В 11 часов была обедница. В комнате 18 градусов.

Понедельник, 28 августа.

Погода хорошая. В комнате у меня 19 градусов. Удручающее впечатление — Рига взята. Ходила на пристань узнать, когда придет пароход из Тюмени. Татищева мать скончалась.

Вторник, 29 августа.

Ночью шел дождь. Утром свежо. В 11 часов была обедница. Днем в 2 часа выходила на $\frac{1}{4}$ часа. Катя не приехала. Узнали, что Великие Князья Павел Александрович⁵⁷ и Михаил Александрович арестованы. Алексей Николаевич — кашель. Завтракал Владимир Николаевич, привез письма от Ольги⁵⁸, Сони⁵⁹... Я же не выходила.

Среда, 30 августа.

Ночью в 12 часов пришел пароход “Кормилица”, на котором приехала Катя⁶⁰.

Четверг, 31 августа.

Утром в 9 часов с парохода приехала Катя. После осмотра ее вещей ее впустили ко мне. Погода свежая, но хорошая.

Пятница, 1 сентября.

Приехала Клавдия Михайловна [Битнер — примеч. авт.]⁶¹. Я ее видела из моего окна. Она шла в одном платье сестры милосердия. Тепло.

Воскресенье, 3 сентября.

Был заморозок. Но днем было тепло. Татищев, Настя, князь Долгоруков и я пошли на гору⁶², идти было очень жарко.

Вторник, 5 сентября.

Пошла гулять по улице; на солнце так жарко, сняла кофточку. Встретила Клавдию Михайловну. О, Боже! Объявлена "Республика"⁶³ во главе с Керенским, и это до Учредительного собрания.

Пятница, 8 сентября.

В первый раз пошли все и Их Величества пешком в церковь. На возвратном пути из церкви собралась толпа — держали себя чинно. Весь день никуда не выходила. Погода дивная, тепло.

Воскресенье, 10 сентября.

С 12 часов была ясная погода. В церковь не пошли; была дома обедница. Днем сидела дома и читала. Вечером, как всегда, было чтение. Читал Долгоруков.

Понедельник, 11 сентября.

Погода с утра солнечная и теплая. Писала Клавдии Михайловне и дала ей список учебников. Вечером чтение, читал Государь.

Вторник, 12 сентября.

С утра пасмурно. Днем солнце — тепло. Занималась с Алексеем Николаевичем. От 3-х до 4-х часов была со всеми в огороде. Вечером чтение до 11 часов, читал Боткин.

Среда, 13 сентября.

Погода дождливая — страшная грязь. От 9 до 10 занималась с Алексеем Николаевичем. Днем выходила. Купила сапожную мазь, эмалевую краску для ведра. Выкрасила свое жестяное ведро. Вечером в зале дома №1 была всенощная. Я не оставалась на чтение, т. к. надо было в четверг вставать в 7 часов. Маша страшно кашляет, был Боткин.

Четверг, 14-го сентября.

Встала в 7 часов, т. к. обедня в церкви и начало в 8 часов. Пошли “все” вместе. Если бы не были через дорогу положены доски, нельзя было бы пройти — такая непролазная грязь. Служба была для Их Величеств — без публики. Пришли из церкви — пили кофе. Сегодня утром приехала Виктория Владимировна Николаева⁶⁴ к Гендриковой и дочь Боткина⁶⁵. Получили открытку от Ольги от 6-го сентября.

Пятница, 15-го сентября.

Погода опять хорошая. Занималась с Алексеем Николаевичем. Не гуляла».

После «пятницы, 15 сентября» будет еще десять месяцев службы Анны Демидовой Царской Семье.

Служение это могло быть самым разнообразным, но весь его смысл заключался во взаимной душевной и духовной поддержке и помощи — и первыми здесь были сами Хозяева, служившие прекрасным примером для всех тех, кто их окружал. Руководствуясь этим желанием, искренним и горячим желанием сотворить дело евангельской любви, Императрица пишет Анне Вырубовой: «Вдали ужасно трудно, невозможность помочь, утешить, согреть страдающего любимого человека — большое испытание...». Ей хочется укрепить, поддержать подругу. А как необходима была такая поддержка самим страждущим заключенным! Несомненно, их укреплял Господь, посещения церкви, богослужения дома поддерживали дух, давали силы жить, но как согревали душу обычные, казалось бы, мелочи — простое человеческое внимание.

Вот характерный случай. Императрица, которая по болезни была вынуждена мало двигаться, особенно плохо чувствовала Себя зимой в Тобольске. У Нее болит сердце, мерзнут руки и ноги. Она почти все время сидит в кресле: «холод 23 гр. и в комнатах мерзнем, дует...». Вдруг приходит Седнев и приносит Ей горячую кружку какао, чтобы согреться. «Милый Седнев», — писала Она, рассказывая об этом подруге в письме от 23 января из Тобольска.

Другие случаи. Александре Феодоровне хочется написать сокровенные слова дорогому человеку, но пись-

Анна Степановна Демидова

мо будут читать «цензорь». Она просит Анну Демидову вынести письмо незаметно и с верной оказией переслать весточку, продукты, вещи. Это шутливо называлось в Семье «контрабандой»:

«15. XII. 1917. Тобольск. Вырубовой.»

Родная, милая, дорогая моя, пишу тебе не как обыкновенно [т. е. «контрабандой», — *примеч. авт.*], так что благодаря Аннушку за вещи и пиши мне осторожно... Надеюсь, что

наши вещи получишь к празднику, отослали их только вчера; это Аннушка мне все готовит с Волковым вместе».

«22 янв. Тобольск. Вырубовой.»

...писала тебе через Жука 16-го и 17-го открытку через мистер Гиббс, и 9-го через Аннушку 2 письма...».

«23 янв. Тобольск.»

...очень про тебя спрашивала, и Тудельс, и моя хорошая большая Нюта Демидова с таким участием».

«6/9 IV 1918.»

...А. [Анна Демидова, — *примеч. авт.*] тебе напишет, так, опять по старому прошлогоднему живем»⁶⁶.

Оказавшись в Ипатьевском доме, в замкнутом тю-

ремном пространстве, все мученики — и Царственные Узники, и слуги — стали одной большой семьей. Эту большую семью надо было накормить, обстирать, лечить... Еще до приезда сестер и брата Великая Княжна Мария Николаевна писала из Екатеринбурга в Тобольск:

«28 апр. (11 мая) 1918 г.

С добрым утром, дорогие мои. Только что встали и затопили печь, т. к. в комнатах стало холодно. Дрова уютно трещат, напоминает морозный день в Т[обольске]. Сегодня отдали наше грязное белье прачке. Нюта тоже сделалась прачкой, выстирала Маме платок, очень даже хорошо, и тряпки для пыли...»⁶⁷.

Что стоит за этими бодрыми строчками? Дело в том, что в дом Ипатьева нельзя проходить никому. Ни входить, ни выходить. Отдать прачке белье — это значит пройти унижительную процедуру осмотра личного белья охраной Дома Особого Назначения и произвести строгий учет, задокументировать каждую вещь. Такая же процедура при доставке выстиранного белья — осмотр, сдача по учету.

Это, по-видимому, одно из последних обращений к прачке, о котором пишет Мария Николаевна. Когда Семья и слуги съедутся вместе и народу прибавится, никого больше не впустят и вынести нельзя будет ни одной вещи. Уже теперь, из письма Великой Княжны, ясно, что стирку начали устраивать в доме самостоятельно. Причем, при вселении в ДОН сантехнические коммуникации оказались испорченными. Потом вся стирка ляжет на

плечи Анны Демидовой и девочек. Стирки бывало много. Белье меняли часто, ибо привычку к чистоплотности не изменили суровые условия жизни. Кроме того, в условиях жуткой духоты надо было постоянно бороться с пылью, поэтому, как видим, и стирали «тряпки для пыли».

Сколько верных людей выехали из Тобольска в Екатеринбург, чтобы соединиться с Царственными Узниками и разделить с Ними заточение! А сколько еще близких людей всей душой рвались к Ним из Петербурга, Москвы и других городов Центральной России! Среди них была и Анна Вырубова, лучшая и ближайшая подруга Императрицы, в течение многих лет делившая с Ней горе и радости. Но из всех приближенных, из почти сорока слуг в Ипатьевский дом попало четверо. Из многих званых четверо избранных...

Почему не Буксгевден, не Теглева, не Эрсберг и никто другой, а именно Анна Демидова до последней минуты была с Царской Семьей?

Видимо, была нужна именно она. Уравновешенная, со спокойным и добрым нравом, расторопная, трудолюбивая. И, видимо, именно такой человек мог дополнить эту большую семью Хозяев и слуг. Здесь выбирали не люди — таков был Божий Промысел.

Иван Михайлович Харитонов⁶⁸

1870–1918

«Ваш навеки Иван».

Из последнего письма И. М. Харитонova
родственникам

Иван Михайлович Харитонов родился 30 мая/12 июня 1870 года в семье письмоводителя дворцовой полиции М. Х. Харитонova в Петербурге. Отец Ивана Михайловича, Михаил Харитонов, был круглым сиротой, воспитывался в сиротском приюте и был зачислен в кантонисты⁶⁹. Прадед и прапрадед Ивана Михайловича служили солдатами или унтер-офицерами.

Михаил Харитонов 50 лет и 7 месяцев прослужил на государственной службе, за которую был отмечен чинами, наградами и личным дворянством: в военном ведомстве он прослужил 25 лет, в дворцовой полиции — 24 года и 7 месяцев. По выходе в отставку (по состоянию здоровья), 27 мая 1906 года, Харитонов был произведен в титулярные советники, с пенсией в 1600 рублей.

Иван Михайлович Харитонов

Своих детей Михаил Харитонов тоже определил служить при дворе. Иван Михайлович начал свою службу 1 мая 1882 года — ему тогда было всего 12 лет. Его должность называлась «поваренок-ученик II разряда».

Через восемь лет, когда Ивану исполнилось восемнадцать, он стал поваром II класса. В 1891 году Харитонов был призван на военную службу во флот (служба при дворе не освобождала от армии). Через четыре года, в 1895 году, он вернулся к своей работе повара. Вскоре его отправили на практику в Париж, где он обучался в одной из лучших кулинарных школ и получил специальность суповника. В 1911 году Иван Михайлович Харитонов был произведен в старшие повара. Тогда же, незадолго до Первой мировой войны, он получил звание потомственного почетного гражданина.

В Париже Иван Михайлович познакомился с известным французским кулинаром и ресторатором Жаном-Пьером Кюба. Впоследствии Кюба приехал в Петербург, стал метрдотелем Императорского двора и пробыл в этой должности до 1914 года. Харитонova и Кюба связывали дружеские отношения. Они переписывались, поздравляли друг друга с праздниками. Вполне возможно, что знакомство с французским кулинаром обогащало Харитонova и профессионально.

Профессия придворного повара, действительно, была не только очень почетной, но и весьма непростой. Сегодня, когда мы читаем разнообразные меню торжественных обедов во дворце, блюда поражают нас своей выдумкой и разнообразием, — это интересная тема для исследования не только специалиста-кулинара. За перечнем и описанием блюд стоит особая, ныне забытая и утраченная культура, касающаяся не только гастрономии.

*И. М. Харитонов. Конец 1900-х гг.
(Из архива В. М. Мультатули.
Публикуется впервые)*

Хотя и в этой области И. М. Харитонов был весьма изобретателен — в его практике можно найти удивительные образцы кушаний — например, суп-шюре из свежих огурцов, подававшийся и в ноябре, — явно, творческая переработка опыта французских кулинаров, довольно смело использующих наш русский свежий огурец в тепловой обработке.

Вообще информация, содержащаяся в меню, может многое рассказать о Царском поваре, о его

широком образовании и культуре. Так, он должен был знать особенности национальной кухни разных стран, ибо нередко приходилось готовить для иностранных послов и делегаций. Во дворце часто давались обеды и устраивались приемы для представителей определенных слоев общества, к памятным и юбилейным датам, для служащих разных ведомств — гражданских и военных чинов. Обеды собирали большое число гостей. И здесь, несомненно, надо было соотнести трапезу со вкусами пригла-

шенных. Кроме того, надо было хорошо знать русскую православную кухню, с ее постными и праздничными блюдами, так тесно связанными с народными обрядами, обычаями и церковными традициями. Впрочем, Харитонову, как православному верующему человеку, все это было хорошо знакомо.

Бесконечно и удивительно разнообразие блюд, всевозможных яств, которыми щедро одаривались во дворце все приближенные Государя, приглашенные Им к столу. Трапеза, приготовленная Царскими поварами, — это подлинный пир, торжественная, радостная благодатная встреча, украшенная всеми земными дарами, которые посылает человеку Творец, оформленными искусными руками настоящих мастеров кулинарии: «... дыни-глясе, сорбет а ля рояль, консоме тортю, парфе из земляники...».

Но вот ушли в прошлое праздничные встречи у хлебосольного и гостеприимного Царского стола, далеко на западе скрылось и само Царское Село — милый, родной для каждого, отправившегося в путь с Императором и его Семейей, уголок. 6-го августа (ст. ст.) 1917 года Государь записывает в своем дневнике:

«В 6 $\frac{1}{2}$ ч. пришли в Тобольск, хотя увидели за час с $\frac{1}{4}$ ».

На берегу стояло много народу, — значит, знали о нашем прибытии. Вспомнил вид на собор и дома на горе...»⁷⁰.

Когда пароход подошел к пристани, раздался благо-

вест во всех церквях. Охрана стала опасаться возмущения в народе. Вскоре комиссарам объяснили, что благовест в честь сегодняшнего праздника Преображения Господня. «Вспомнил вид на собор...», — пишет Император. Он вспомнил Свое посещение Тобольска 10 июля 1891 года, когда, будучи Цесаревичем, возвращался из путешествия на Восток. Его в Тобольске встречали триумфальные ворота, украшенные зеленью и цветами улицы, горожане подносили хлеб-соль при звоне колокола кафедрального собора. Тогда в Тобольске были одарены Цесаревичем все: от нижних чинов до офицеров, а также священство, городское начальство — серебряными рублями, золотыми часами, дорогими перстнями, орденами, медалями...⁷¹

Теперь на Царскую ласку и милости отвечали черной неблагодарностью. Это сказывалось во всем, и, даже в такой малости, как пища. Питание узников в изгнании было скудным и однообразным, — средства, отпускаемые на содержание Царской Семьи, сокращались с каждым днем. Однако, даже в таких суровых условиях, верным и любящим слугам удавалось устраивать для своих Хозяев маленькие праздники.

В день Светлого Воскресения Христова, который в 1918 году пришелся на 22 апреля (ст. ст.), в Тобольске приближенные и Дети, оставшиеся без Родителей, отправленных в Екатеринбург, собрались за праздничной трапезой. Сколько смекалки, умения, любви, труда должен был приложить Иван Михайлович Харито-

нов, чтобы все ощутили, почувствовали праздник! И Царский повар устроил настоящий, праздничный пир. Для всех!

Великая Княжна Ольга Николаевна благодарила за чудо-праздник, который устроил Харитонов; «Только родителей нет», — с грустью добавила она...

В Екатеринбурге узников еще больше стали ограничивать в питании, продуктов почти не оставалось, и их выбор был очень скуден. Однажды Харитонов готовит пирог из ...макарон.

Император Николай II отмечает в своем дневнике (1918 г.):

«19 мая. [...] Ужин опять принесли за два часа — Харитонов его разогрел к 8 час.».

«29 мая. [...] К завтраку Харитонов подал компот, к большой радости всех».

«5 июня. [...] Со вчерашнего дня Харитонов готовит нам еду, провизию приносят раз в два дня. Дочери учатся у него готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб! Недурно!»⁷².

Дневник Императрицы Александры Феодоровны:

«20 мая. Харитонов приготовил нам картошку, салат из свеклы и компот».

«4 июня. Обед, приготовленный Харитоновым [...] — теперь он готовит нам еду. Смотрела приготовления Харитонova для выпечки хлеба».

«7 июня. Харитонов приготовил макаронный пирог для других и меня, потому что совсем не принесли мяса».

«27 июня. 2-й день остальные не едят мяса и питаются остатками скудной провизии, привезенной Харитоновым из Тобольска»⁷³.

Однажды Император сказал Своему повару: «Хорошо меня кормишь, Иван! Почти как в Царском». Это, конечно, были слова поддержки, так как готовить по-настоящему хорошо не позволяли ни средства, ни возможности⁷⁴.

О Харитонове много говорят его письма своей семье — даже не письма, а коротенькие открытки.

В 1896 г. И. М. Харитонов женился на Евгении Андреевне Тур, происходившей из обрусевшего немецкого рода. Она рано осиротела, воспитывал ее дед по материнской линии, П. С. Степанов (1817–1901), который отслужил 25 лет солдатом, ни разу не попав в штрафной журнал, и заканчивал свой век в собственном доме в Колпине, воспитывая детей овдовевшей дочери. Брак Ивана Михайловича и Евгении Андреевны был счастливым. У них родились дети: Антонина, Капитолина, Петр, Кирилл, Екатерина, Михаил. Екатерина Ивановна Харитонова в 1928 г. вышла замуж за командира Красной Армии Михаила Харитоновича Мульгатули. Их сын Валентин Михайлович Мульгатули хранит благодарную память о своем деде — Иване Михайловиче Харитонове, передав ее и своим детям. Информация о И. М. Харитонове почерпнута в основном из бесед с Валентином Михайловичем.

Император Николай II, сначала будучи Наследником

Цесаревичем, а затем и став Государем, много путешествовал. Харитонов, как один из Его поваров, постоянно сопровождал Его в таких поездках. В 1913 году германский император Вильгельм II с особым почетом принимал русского Царя. Всем Его слугам были предоставлены личные экипажи и сделаны подарки: Харитонову — золотые запонки в виде германского орла (до Первой мировой войны оставался год). В том же 1913 году Иван Михайлович купил в Берлине настенные часы, которые идут почти без ремонта по сей день.

Подолгу отсутствуя дома, Иван Михайлович в течение почти всей жизни посылал к родным берегам весточки из разных мест. Домой шли открытки с видами, шли со всей России, с Востока, со всех городов и стран, где бывал Государь — из Франции, Англии, Германии, Дании, Италии. Никого из своих шести детей и, разумеется, жену свою, Харитонов никогда не забывал. Открытки его в общем однотипные, но при внимательном чтении можно найти в них любопытные оттенки. Впрочем, в любой открытке, кому бы она ни была адресована, перечисляются все домочадцы Ивана Михайловича.

Вот открытка жене: «Здравствуй! Дорогая Женечка, крепко тебя целую, я, слава Богу, здравствую. Завтра уезжаю на 4 дня в море, по приезде сообщу. Будь здорова, целую крепко дорогих Тонечку, Капочку, Петеньку, Катеньку, Кирочку и Мишуху. Затем до скорого и приятного свидания. Ваш Иван». Вот открытка двухлетнему сыну, самому младшему: «Дорогой Миша! По-

*И. М. Харитонов с дочерью Антониной.
(Из архива В. М. Мультатули. Публикуется впервые)*

здравляю тебя с Днем твоего Ангела, а Маму, Тоню, Капу и Киру с дорогим именинником. Целую всех крепко. Любящий тебя твой Папа». Или такое письмо: «Миша! Здравствуй! Поцелуй всех. Твой Папа»⁷⁵. Как рассказывает Валентин Михайлович Мультиатули, по семейным воспоминаниям, получив такое письмо «двухлетний Михаил Иванович с большой ответственностью за порученное дело шел целовать Маму, Тоню, Капу, Катю и, возможно, даже всех по порядку». Кстати, порядок обращения к членам семьи согласно возрасту свято соблюдался. Нарушение его требовало немедленного исправления несправедливости: «Дорогая Катенька, ты не сердись, что я послал сперва Кирочке, а теперь посылаю тебе. Я ошибся в очереди, теперь стараюсь исправить ошибку». «Дорогой Петя! Здравствуй! Крепко тебя целую и молю Бога, чтобы тебе перейти во второй класс». За свою старшую дочь, за ее хрупкое здоровье он особенно волновался: «Дорогая Тонечка, здравствуй! Пиши, Голубка, как твое здоровье. [...] Как твои успехи в науках?» Или: «Дорогая Тонечка! Здравствуй! Письмо твое получил, за которое крепко тебя целую и радуюсь, что ты попала в Гимназию. Будь здорова. Любящий тебя твой Папа»⁷⁶. (Тонечка умерла в юности, в 1919 г., в Тобольске.)

В этих кратких и таких простых словах столько любви, доброты, нежности!

Летом семья Харитоновна жила на даче в Петергофе или рядом с ним на Знаменке, но вскоре Иван Михайло-

вич построил большой двухэтажный дом в Тайцах, где, как говорили, предполагалось и строительство дворца для Наследника Цесаревича. Харитонов очень любил Тайцы, и в летние месяцы семья жила только там.

Во время Первой мировой войны приезды Ивана Михайловича, сопровождавшего Государя в Его многочисленных поездках, были большим праздником для семьи. Он всегда привозил какие-нибудь подарки. Однажды привез в подарок знаменитую германскую каску с пикой, к великому восторгу мальчиков. Любовь к Родине, любовь к России в семье Харитонова передавалась подспудно и всем детям. Иван Михайлович любил русские песни: «Ты помнишь ли, товарищ неизменный, // Так офицер солдату говорил..., // Как гром войны, великий гром победный // Святую Русь внезапно огласил...», а также «Снеги белые пушистые», «Умер бедняга в больнице военной» (песня на стихи Августейшего поэта К. Р., Великого Князя Константина Константиновича, дяди Императора Николая II), «Ямщик, не гони лошадей» и другие — эти песни с детства помнит внук Ивана Михайловича Харитонова Валентин Михайлович. Их ему пела бабушка Евгения Андреевна. И еще он вспоминает, как в детстве, когда его мальчишеские проказы огорчали Евгению Андреевну, она сердито говорила озорнику: «Вот погоди, придет Ваня, он тебя накажет!» Она не верила, что мужа нет в живых, что Царскую Семью расстреляли, и Ваню вместе с ними тоже. И все ждала его возвращения.

В 1921 году дом в Тайцах продали за два или три мешка картошки, капусты и какое-то небольшое количество муки.

В Петербурге семейным приходом Харитоновых была церковь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Пантелеимоновской улице. Всех своих детей они крестили именно в этой церкви. Жили Харитоновы на ул. Гагаринской, в ведомственном доме №7, в квартире №35 (после революции и всего происшедшего семья покинула этот дом, но волею Божьей во время блокады Екатерина Ивановна и ее сын Валентин Михайлович оказались именно в этом доме и в квартире, хотя и другой, но по соседству, и с таким же номером). Дочери Ивана Михайловича учились на Бассейной улице в Литейной женской гимназии. Поэтому ему приходилось время от времени бывать на этой улице, где было расположено знаменитое подворье Леушинского монастыря с храмом св. апостола Иоанна Богослова, любимое место служения о. Иоанна Кронштадтского. Дети Ивана Харитонova бывали на «Леушинских Литургиях» дорогого батюшки⁷⁷.

«Когда Царская Семья жила в Александровском дворце, — вспоминает Валентин Михайлович Мультатули, — то Харитонов работал рядом, в небольшой пристройке, которая сохранилась до сих пор. То же самое было и в Александрии, в Петергофе. Это помещение, превращенное в коммунальные квартиры, в советское время сдавалось на лето, и я в детстве заходил со старшими в этот

дом, где они тоже чуть было не сняли комнату на лето. Затем какое-то время мы все-таки жили рядом с Коттеджем, в бывшем доме Великой Княгини Ольги Александровны, тоже превращенном в коммунальные квартиры, которые их новые хозяева тоже сдавали на лето дачникам.

Парк “Александрия” хранит немало воспоминаний, связанных с Семей последнего Императора. В этом парке Император появлялся без видимой охраны. Однажды вечером, когда бабушка с Иваном Михайловичем стояли на крыльце своего служебного дома, мимо в гражданской одежде прошел какой-то господин, и Иван Михайлович ему поклонился. “Кто это?”, — спросила его жена. “Это Государь”, — ответил ей он».

Государыня и Царские Дети также отличались удивительной благородной простотой, отзывчивостью и заботой о людях. Это особенно стало очевидно в тяжелые годы войны и в годы сибирской ссылки. Но и в мирное время отношение ко всем людям, окружавшим Царскую Семей, было самым добрым и благожелательным. Однажды в Германии у выхода из магазина Государыня заметила Харитонову и посоветовала ему купить шерстяной плед, так как пледы в этой стране были, действительно, очень хорошего качества.

Когда наступило время заточения и ссылки, для Ивана Михайловича не стояло вопроса: оставаться ему с

Царской Семей или нет. Он немедленно дал свое согласие.

С того момента, как Царская Семья стала жить под арестом в Александровском дворце, все находившиеся вместе с Ней лица также оказались на положении арестованных. Это распространялось и на Харитонову. При этом его семья жила отдельно, в Царском

Иван Михайлович Харитонов

Селе. Так как последний метрдотель Императорского двора француз Оливье покинул Россию, Харитонову было поручено исполнять его обязанности. Эти обязанности Харитонов исполнял до последнего дня.

Сохранилось письмо Ивана Михайловича из Александровского дворца, датированное 19 июня 1917 года. Оно начиналось словами: «Здравствуйте, дорогие мои Женечка, Тонечка, Капочка, Катенька, Кирочка и Мишутка. Крепко вас всех целую и молю Бога о вашем здоровье, — и заканчивалось письмо необычно, — Ваш навеки Иван»⁷⁸.

1 августа 1917 г. решением Временного правительства Царскую Семью отправили в Тобольск. Вместе с ней в Сибирь поехали вышеназванные лица, в

том числе и повар Харитонов. Его жена, Евгения Андреевна, и их дети последовали за ним. Жизнь в Тобольске была вначале лучше, чем в Царском Селе. Население, в целом, весьма сочувственно относилось к Царской Семье. Сопровождающим лицам было разрешено жить отдельно с семьями. Харитонов по-прежнему занимался кухней и приготовлением пищи для Царской Семьи. Выполнять свои обязанности Харитонову было все сложнее и сложнее, так как смета на расходы двора постоянно уменьшалась, сначала Временным правительством, а потом и очень резко большевиками. «Как трудно приходилось Харитонову, видно из книги ведения хозяйства, которая хранится в Российском Государственном Историческом архиве (РГИА РФ)»⁷⁹. Как мы уже упоминали, когда деньги совсем перестали поступать, Царская Семья была вынуждена распустить штат прислуги и обслуживающий персонал, так как платить им было нечем. Боткин, Харитонов, Трупп, Демидова, Нагорный, Седнев остались работать бесплатно.

Под Новый, 1918-й год, Государыня подарила жене Харитонova Евангелие с надписью: «Харитоновой с семьей. Александра». Евангелие осталось в разрушенном во время блокады доме №45 по Таврической улице, и кто знает, быть может, оно и цело, — надеется Валентин Михайлович. Евангелие неустанно, до самой смерти читала Е. А. Харитонova.

В Тобольске Харитонов часто ходил по богатым

купецам и другим известным жителям города и просил займы — для Царской Семьи. Ему часто отказывали, а когда давали, требовали записывать каждую мелочь. Невозможно без чувства глубокой горечи и стыда читать строки хозяйственной книги: «От купца такого-то получено столько-то ведер молока, от мастерового такого-то столько гвоздей»⁸⁰ и так далее. Зато простой народ и монахи близлежащих монастырей сами несли к «Дому свободы» кто что мог: сметану, молоко, яйца, мясо. Пока Царской Семье было разрешено посещать церковь, люди, завидя их, опускались на колени, открыто жалели. В это же время Государь получил благословение от Тобольского архиепископа Гермогена (Долганова), которому вскоре также предстояла мученическая кончина. Один раз к губернаторскому дому даже пришел мулла с прихожанами местной мечети. Мусульмане опустились перед домом на колени и молились за Царскую Семью.

Когда большевики решили перевести в Екатеринбург остальных членов Царской Семьи, с Ними уехали и некоторые слуги. Поскольку Харитонов тоже уезжал, жене и детям разрешено было с ним проститься. Об этом прощании жена Харитонова рассказывала впоследствии своим детям и внукам. Пристань, где стоял пароход, на котором везли Царских Детей, была почти пуста. Наследник Цесаревич все время глядел в окно каюты и беспрестанно махал рукой в направлении пустынного берега. На берегу стояла дочь доктора Боткина Татьяна, а на дру-

гом месте — жена Харитонова со своей десятилетней дочкой Екатериной, которая тоже махала рукой Наследнику — расставание с ним на пристани она запомнила на всю жизнь.

Как бы предвидя участь уезжающих, камердинер Императрицы А. А. Волков сказал Ивану Михайловичу: «Оставьте золотые часы семье», на что тот возразил, что при любых обстоятельствах надо вести себя так, как если бы все было к лучшему. Кроме того, оставленные часы огорчат семью. «Вернусь — с часами, а не вернусь, — зачем их пугать раньше времени?» — так, по воспоминаниям Волкова, говорил Харитонов. Там, на пристани, Иван Михайлович в последний раз простился с женой и дочерью. Больше им никогда не было суждено увидеться в этой жизни.

Правнук И. М. Харитонова Петр Валентинович Мультатули, изучая документы и обстоятельства, при которых совершен был дикий самосуд над Царской Семьей, слугами — в том числе над его прадедом, обратил внимание на такой факт:

«1 июля 1918 года Харитонов на шкафу в одной из комнат обнаружил какие-то металлические предметы и позвал охранника. Когда тот пришел в комнату, то установил, что на шкафу лежало восемь заряженных бомб. Как они попали туда, неизвестно. Скорее всего, это была очередная большевицкая провокация»⁸¹.

Известно, что, когда доктору Боткину предложили ос-

тавить Царскую Семью и уговорить всех остальных «простых людей из народа» последовать его примеру, тот поблагодарил за «заботу» и сказал, что его долг врача не позволяет ему этого сделать. Придя в Ипатьевский дом, он передал И. М. Харитонову и А. Е. Труппу свой разговор с чекистами. Все они дали (и уже не в первый раз) единственно возможный для них ответ: они навсегда связали свою судьбу с судьбой своего Государя. Кроме того, Боткин, Харитонов и Трупп полагали, что пока они, «простые люди», находятся вместе с Царской Семьей — самосуд над Ней невозможен.

Между тем, чекисты решили иначе. На вопрос одного из них, что же будет с прислугой, Юровский ответил: «Мы с самого начала предлагали им покинуть Романовых. Часть ушла, а те, кто остался, заявили, что желают разделить участь монарха. Пусть разделяют».

Эти слова были наглой ложью. Юровский прекрасно знал, что те, кто ушел, были тоже расстреляны или томились в тюрьмах, в ожидании расстрела. Та же участь ждала и поваренка Леонида Седнева, которого Юровский «благородно» отпустил накануне бандитской расправы в Ипатьевском подвале: через 11 лет, в 1929 году, он будет расстрелян в Ярославле по обвинению в «контрреволюционном заговоре».

Правнук Ивана Михайловича Харитонова стал историком. Его перу принадлежит несколько исторических исследований о времени правления Императора Николая II, а также книга «Свидетельствуя о Христе до смерти», по-

священная расследованию обстоятельств, связанных с гибелью Царской Семьи, установлению роли каждого палача — заказчиков и исполнителей этого преступления.

Его отец, внук царского повара, Валентин Михайлович, поэт, переводчик с французского языка, преподаватель Санкт-Петербургского университета, посвятил свою жизнь обучению и воспитанию молодежи.

Евгений Сергеевич Боткин

1865–1918

«...В каждом деле я заботился не только о “Курсовом”, но “Господнем”. Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести Ему в жертву своего единственного сына. И я твердо верю, что, так же как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им Отцом...».

Из последнего письма Е. С. Боткина
«другу Саше»

Когда Императрицу Александру Феодоровну спросили, кого Она желает пригласить на должность врача — после смерти лейб-медика Г. Н. Гирша⁸² в 1907 г. это место было свободно — Императрица сразу ответила: «Боткина». И добавила: «Того, который был на войне». На Русско-японской войне был и старший брат Евгения Сергеевича — Сергей Сергеевич⁸³, профессор, заведу-

*Евгений Сергеевич Боткин.
Ливадия. 1908 г.*

ющий кафедрой своего отца — Сергея Петровича Боткина⁸⁴, имевший много наград и к тому же репутацию хорошего врача. Но именно тот факт, что Императрица Александра Феодоровна прочла книгу Евгения Сергеевича Боткина «Свет и тени Русско-японской войны», только что вышедшую из печати, повлиял на Ее выбор.

Чем же покорила Императрицу книга, а вместе с тем и личность автора? В предисловии к изданию Евгений Сергеевич сообщает, что его «письма» (книга имеет подзаголовок «из писем к жене») не предназначались первоначально для печати, но по прошествии некоторого времени ему стало ясно, что, за вычетом сугубо личных строк, эти письма представляют собою живую картину недавно пережитых Россией испытаний. Условия походной жизни не дали возможности наиболее полно изложить события, свидетелем которых он был, но пока произошедшее свежо и остро, он публикует эти записки, «и пусть это будет, — так заканчивает Боткин свое вступительное слово, — добровольное свидетельское показание перед судом общественного мнения».

И первым откликом общественного мнения был ответ Императрицы — пригласить Боткина лейб-медиком.

Откроем книгу. Действительно, за этим, на первый взгляд, специальным изданием — известный медик пишет о войне (как Сергей Петрович Боткин писал о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.)⁸⁵ — скрывается по-

Сергей Петрович Боткин (второй слева) с братьями, доктор медицины, основоположник русской клинической школы, лейб-медик Императоров Александра II и Александра III, отец Е. С. Боткина

вестование, с первых строк приковывающее внимание читателя именно этими «свидетельскими показаниями».

Пожалуй, ничто с такой ясностью не раскрывает глубину поразительной в своей нравственной высоте личности автора «писем...», как эти записки с войны. Ни описание сражений, данных с ярким кинематографическим охватом панорамы действий, ни ход исторических событий со своей невыдуманной сюжетной интригой, — ничто так не захватывает в этой книге читателя, как именно жизнь человеческого духа в экстремальных условиях,

когда, казалось бы, только и может быть до того, как уберечь свое тело от пули, как ухватить минуту сна, как не быть застигнутым врагом и не попасть в плен при быстром отступлении русских войск.

А между тем задача Е. С. Боткина — доктора медицины, приват-доцента Военно-медицинской академии, помощника главноуполномоченного Российского общества Красного Креста по Южному району театра военных действий — именно в том и состояла, чтобы в условиях боя, часто под перекрестным огнем, организовывать действия «краснокрестного войска» — выносить с огневых позиций раненых, оказывать им экстренную помощь, отправлять в госпиталь.

И вот это-то Служение милосердного медицинского ордена на войне, Служение раненому русскому «солдатику», как все время называет его военный врач Боткин, эта образцовая организация военно-полевой медицины — в контрасте с неразберихой в наших штабах, отсутствием оперативного управления и руководства — главная коллизия книги. На протяжении всего повествования мы видим, как всю тяжесть невероятных потерь, страдания десятков тысяч раненых, постоянное переживание смертей, горечь от сознания несчастной судьбы тысяч и тысяч семейств, лишившихся кормильцев, берет на себя благодарное этому солдатику сердце, благоговейная перед его терпением и страданием душа Евгения Сергеевича. Он восхищается и преклоняется перед мужеством раненых, расска-

*Евгений Боткин (второй ряд, первый справа) с матерью,
братьями и сестрой*

зывая о тех, кто еще мог как-то передвигаться: «...Они пришли, но ни стонов, ни жалоб, ни ужасов не принесли с собой».

Боткину и его сотрудникам удалось создать в подвodomственных им военных госпиталях атмосферу мира, отдыха, покоя, здесь все было обустроено удобно и даже комфортно, были даже садики с цветами, для гуляния. Ему важно, чтобы в полевом лазарете раненых отмыли,

перевязали. И чтобы тогда «солдатики, накормленные и отогретые, ехали дальше в благоустроенном санитарном поезде».

В книге много тяжких раздумий о положении русской армии: в сражении под Тюренченом наши войска потеряли три тысячи человек; проигран бой под Вафангоу; в кровопролитном Мукденском сражении русские тоже потерпели поражение.

Столько жертв! Анализируя неудачи войны, Боткин пишет, что лучше быть здесь, переживая участь русских войск на месте сражений, участвовать в войне своим служением солдатику, чем с известным равнодушием наблюдать за трагическими событиями в Петербурге.

Служение... Он так высоко не называет свою службу. О своем деле он говорит обыденно и просто, как о само собой разумеющемся. Он подчеркивает главную, с его точки зрения, причину поражений: «Я удручаюсь все более и более ходом нашей войны и не потому только, что мы столько проигрываем и столько теряем, но едва ли не больше потому, что целая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие личные расчеты ставятся выше понятия об отчизне, выше Бога...». О Боге Евгений Боткин не забывает никогда, ощущая себя все время — в Его присутствии — и тогда, когда восхищается красотой мироздания, низким куполом ночного неба, усеянного звездами, и когда любуется необычным природным ландшафтом. И, конечно, в походной церкви, под ясными солнечными небесами, где

елочки заменяют Царские врата, а образа развешаны на ветвях деревьев. В таком храме особо ощущается: «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 20). Боткин постоянно чувствует себя в удивительном мире Вселенной, сотворенной Вседержителем, восхищаясь созданным Им миром: «причудливо брошенными между горами цветущими деревьями, быстрой рекой, делающей бесчисленное количество изгибов “по китайскому обычаю”». Он восхищается чудесным воздухом. Все сотворено Творцом для мира и любви, но люди глухи и не слышат Бога.

«Когда сверху [с уступа горы, — *примеч. авт.*] раздавался зов: “Носилки!”, я бежал наверх с фельдшерской сумкой, с двумя санитарями, несшими носилки. Я бежал, чтобы посмотреть, нет ли такого кровотечения, которое требует моментальной остановки». Он, офицер, облеченный высокими должностными полномочиями, на поле боя наравне с солдатами принимает на себя огонь и участвует в военной операции. Евгений Боткин благоговел перед защитниками своей Родины и радовался, что подвергается одной с ними опасности. «Во время работы огня не замечаешь», — добавляет он.

Он, буквально физически, чувствует стон земли — это не поэтическое преувеличение, он явственно слышит эти скорбные звуки. Ибо ему, врачующему раны людей, жалуется Мать Сыра Земля. Для него, доктора, который слышит всякую боль, и солнце, и горы, и земля, и небо — все это не бездушно, не само по себе, все — живое. Все тя-

Е. С. Боткин с женой и детьми. Начало 1900-х гг.

нется к человеку, согревая, радуя, врачуя его. «А человек?» — размышляет автор. Он рассматривает предметы китайского искусства, на которых, даже на какой-нибудь бытовой вещи, помещены чудесные изображения животных и растений. «Как китайцы благоговейно чтут все живое, — удивляется он, — и летучую мышь, и лягушку, и рыбу, и аиста, ибо все прикосновенно к человеческому счастью. А человек? — опять вопрошает он. — Каждый за себя, — а за всех — один Бог!» Все это он успевает заметить и записать в редкие минуты, свободные от перевязок, от бесконечных передвижений на санитарных двуколках, санитарных поездах, между отступлениями, когда надо срочно свертывать госпиталь, забирать раненых с места

прошедшего боя — туда вот-вот могут нагрянуть японцы. И порой нет сил разомкнуть век после бессонной ночи при постоянном ожидании тревоги. Когда, как он все успевает?

Его душа полна скорби. Он все время свидетель того, как умирают люди. Строки, в которых он пишет о своем бесконечном сочувствии и сожалении, звучат как лития над могилой, всякий раз — как молитва о душе, отошедшей к Отцу. «Умер есаул Коля Власов, все время меня спрашивал, а меня не было. Не говоря уже о грусти, которую причиняет смерть такого прекрасного благородного человека, мне ужасно тяжело, что я не был при нем».

В одном из своих писем он рассказывает о Божественной любви и Божественном гневе, как он их понимает и чувствует.

«У меня просто голова разболелась, казалось, от этого ужасного шума, сотрясавшего воздух в такой мере, что прутья срезанного гаюляна издавали свист, и потревоженный лес недовольно ворчал всей своей листвой... Надвигалась гроза. Тучи все гуще и сплошнее заволакивали небо, пока оно не разразилось на нас величественным гневом.

Это был Божий гнев, но гнев людской от этого не прекратился и, Господи, какая резкая была между нами разница!.. Как не похож грохот орудий на гром грозы, — он показался мелким и ничтожным перед громовыми раскатами: одно казалось грубым, распущенным человеческим переругиванием, другое — благородным гневом ве-

личайшей души... Из исполинской груди природы лился грозный рокот оскорбленной людской ненавистью Божественной любви. [...]

“Стойте, люди! — казалось, говорил Божий гнев. — Очнитесь. Тому ли учу вас, несчастные! Как дерзаете вы, недостойные, уничтожать то, чего не можете создать?! Остановитесь, безумные”».

Письма о Русско-японской войне Боткина — это и молитва, и исповедь, и проповедь. Это отражение и его участия в надмирной Евхаристии, которая, как говорит преподобный Максим Исповедник, постоянно совершается во Вселенной⁸⁶.

Когда Боткин — врач в госпитале, увенчанном, как и храм Божий, Честным Крестом, облачаюсь в ослепительно чистые белые одежды и препоясавшись, как того требует врачебный устав, умыв руки, подобно священнику в алтаре, прикасается к истерзанному, истекающему кровью человеческому телу, врачуя и целя его раны, он свидетельствует о десятках тысяч русских солдат, о светлых душой наших солдатиках, которые «нас ради и нашего ради спасения, — говорит он почти словами Символа Веры, — за доброе имя России беззаветно и безропотно отдают свои жизни».

Книга Боткина «Свет и тени Русско-японской войны» — это действительно духовное произведение, проникнутое Евангельским настроением. Это поняла Императрица, почувствовала личность этого человека и пригласила на службу.

*Герб рода Боткиных.
На ленте начертан девиз:
«Верю, верностью, трудом»*

Императору и Императрице было особенно важно, чтобы в Их самом близком окружении находились только очень надежные, верные люди — люди, которые в том числе могли и хранить государственную тайну о болезни Наследника. Многие доверенные из приближенных не знали о гемофилии⁸⁷ Цесаревича. Пьер Жильяр, человек, которому доверяли, учитель Великих Княжон, впоследствии и Алексея Ни-

колаевича, Его воспитатель, недоумевал, спрашивая у сестер, почему его ученик опять отсутствует на уроках? «Приболел», — уклончиво отвечали сестры.

Даже непосредственно перед отречением Император еще и еще раз спрашивает у врача, есть ли надежда на исцеление Сына. Такой разговор произошел в Ставке, в день отречения, и он не оставлял возможности отречься от престола в пользу Цесаревича. По словам П. Жильяра, Император спросил у профессора С. П. Федорова⁸⁸:

«“Сергей Петрович, ответьте Мне откровенно. Болезнь Алексея неизлечима?”

Профессор Федоров, отдавая себе отчет во всем значении того, что ему предстояло сказать, ответил:

Е. С. Боткин (на первом плане) в свите Императора Николая II

“Государь, наука говорит нам, что эта болезнь неизлечима. Бывают, однако, случаи, когда лицо, одержимое ею, достигает почтенного возраста. Но Алексей Николаевич, тем не менее, во власти случайностей”»⁸⁹.

Надежда на излечение Наследника не покидала родителей. Но знать об этом тяжелом недуге не должен был никто, кроме врача. Надежного врача, очень надежных людей.

В Тобольске, в Екатеринбурге, в доме Ипатьева Боткин был не только врачом, советчиком, постоянным ходатаем перед властями о смягчении режима, и без того строгого, он стал другом, членом Семьи. Несомненно,

Е. С. Боткин едет по вызову к больному. Петербург. 1908 г. В районе Конюшенной площади

он был крепкой духовной опорой для всех, не исключая и слуг. И особенно для Царских Детей, которых он очень любил, о чем писал и рассказывал своим детям.

Однажды во время Русско-японской войны, при отступлении наших войск, он с одним раненым солдатом поджидал транспорт, чтобы эвакуировать его в госпиталь. Транспорт опаздывал, вот-вот могли

нагрянуть японцы. Солдатик нервничал, к тому же он очень страдал от ранения.

— Не успеем, — беспокоился он, — не успеем. Ваше благородие, сейчас «они» придут.

— Успеем, — отвечал Евгений Сергеевич, — а если не успеем, так я останусь с тобой.

Это спокойное «я останусь с тобой» было для истомленного душой, страдающего человека и успокоением, и спасением, и выходом из опасной перспективы попасться японцам в плен. Будто, оставаясь с ним, Боткин мог отвести опасность, унять страх, боль, защитить от неотвратимого. Еще один пример. Как-то раз он, офицер, высокое должностное лицо, сказал раненому фельдше-

ру: «Иди спокойно, я останусь за тебя», — взял его санитарную сумку и пошел дальше на гору — там гремел бой.

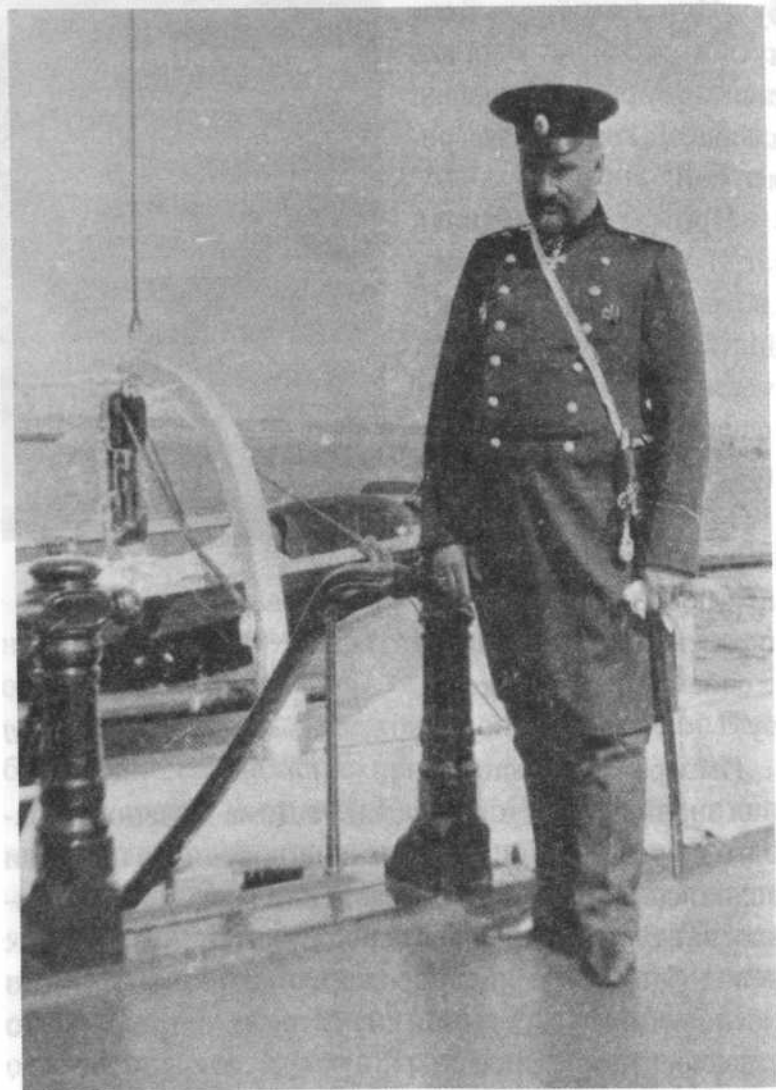
Пройдет тринадцать лет. И он останется вместе с обреченными на смерть в Ипатьевском доме, чтобы вместе с ними разделить их участь. Ведь он, единственный из всех узников, знал о близком расстреле — об этом за несколько дней перед убийством он откровенно намекал в письме своему брату Александру⁹⁰.

Император и Императрица знали о предстоящей судьбе Дома Романовых задолго до революции. Об этом прикровенно, а иногда и вполне ясно говорится в предсказаниях монаха Авеля (Васильева), блаженной Параскевы Дивеевской, в письмах преподобного Серафима Саровского, «царю, который его прославит». Но когда и как случится катастрофа?! Это оставалось неизвестным.

Тучи над Ипатьевским домом сгущались, но жизнь продолжалась. Дети гуляли, учились, в Тобольске даже ста-

*На Императорской яхте
«Штандарт» (на паровом
катере). Е. С. Боткин (слева),
рядом — Его Императорское
Величество Император Николай II*

Е. С. Боткин на Императорской яхте «Штандарт»

види спектакли, все постоянно трудились, кололи дрова, готовили, помогая повару Харитонову печь хлеб, занимались рукоделием, читали, писали письма. Очень редко, но все же бывали в храме. С воли приходили письма. И потом, когда в доме дети, мысли о трагическом исходе как-то отодвигаются, ибо они, дети, — на первом плане.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится почтовая открытка, «Carte Postale». На обороте — фотография одного из видов Алупки (фото Василия Соколова), а на месте для письменного сообщения рукой Евгения Сергеевича Боткина написано:

«Ваше Императорское Высочество, дорогая и глубокоуважаемая Ольга Николаевна, от всего сердца поздравляю Вас и с самого дна старого колодца шлю наши наилучшие благопожелания. Горячо преданный Вам Евгений Боткин. 6 апр. 1916 г...»⁹¹

Это написано за два с лишним года до их общей гибели. Это странное «со дна старого колодца» остановило внимание. Книга дочери Евгения Сергеевича Т. Е. Мельник-Боткиной «Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции» прояснила недоумение. Она, в частности, приводит такой эпизод: «Между отцом и Дочерьми Царя установились особые отношения. На официальных приемах Ольга Николаевна, старшая, часто сидела за столом рядом с ним, и они вели длинные разговоры. Великая Княжна имела мало контактов с окружающим миром и очень хотела познакомиться с идеями и течениями, имевшими место вне дво-

Е. С. Боткин и Великие Княжны

ра, с целью понять устремления различных слоев русского народа.

С тех пор Великие Княжны называли моего отца “дорогой старый колодец”, показывая тем самым, какое доверие и какую дружбу Они к нему испытывают.

Отец ценил Ее [Ольги Николаевны, — *примеч. авт.*] интеллигентность и открытость, Она могла его

слушать, не переставая, часами. “Когда я Вас слушаю, — сказала Она однажды, — мне кажется, что я вижу в глубине старого колодца чистую воду”»⁹².

«Колодец» — это для Великих Княжон значило и кладезь знаний, и ценность общения с ним. Вспомним, что иметь колодец — извечно насущная потребность для каждого народа. В книге Е. С. Боткина есть эпизод, где показано, как у одного и того же колодца сходятся и русские, и японцы. И в этот невероятный момент обе враждующие стороны стараются не стрелять друг в друга. Ибо колодец — это нечто непрерываемое, находящееся вне вражды и войны. Это ценность абсолютная.

И если вспомнить Евангелие, которое, несомненно, все в Семье отлично знали, ибо читали его каждый день,

то смысл, который полушутливо, полусерьезно вкладывали Великие Княжны в это обращение к Евгению Сергеевичу, становится ясен. Ибо этот сильный духом, носящий в себе ог-

*Е. С. Боткин с сыновьями Дмитрием
и Юрием (справа)*

ромное духовное богатство человек всегда мог укрепить, поддержать, понять, как и когда своим сочувствием успокоить и вселить веру и надежду. Таким он был и с «солдатиком», и со студентами Военно-медицинской академии, — с каждым, кто нуждался в его поддержке, опыте, совете, внимании, помощи. Именно так он общался с больными, обучая студентов лечить и словом, и вниманием, — достаточно почитать его лекции для них, чтобы в этом убедиться.

Кроме того, в этих словах Царских Детей о «колодеце» есть другая, не менее глубокая евангельская параллель. Нам сразу вспоминается колодезь Иаковлев, о котором говорится в Евангелии от Иоанна, вспоминается беседа Спасителя с самарянкой (Ин. 4, 4–26).

Читая сегодня этот евангельский текст, опять и опять раздумываешь о *воде живой*, о которой говорит Спаситель. Но открывается вдруг и еще один смысл. В ответ на просьбу Спасителя подать воды самарянка говорит: «...Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глу-

*Дмитрий Боткин в парадной форме Пажеского
Его Императорского Величества корпуса*

бок...». Этот вопрос, вернее, замечание самарянки, скорее, обращен к ней же. Ей, пришедшей к колодцу с сосудом, нечем почерпнуть *воды живой*. Потому что она, блудница, не *жаждет*.

Почерпнуть... Колодец может быть полон *живой воды*. Но есть ли при этом, чем почерпнуть?

Великие Княжны и Цесаревич, эти Дети, были настолько высоки в своей ангельской чистоте (о чем писали, например, священники, исповедовавшие их), что в мире сем, земном, они чувствовали постоянное присутствие мира другого, на котором лежит отсвет евангельских строк. Они «имели, чем почерпнуть». Это отражалось в разговорах, переписке. Открытка с коротким текстом, адресованная Великой Княжне, — тому свидетельство. Боткин понимал и ценил доверие Царских Детей и отвечал Им на том же языке.

Цесаревич Алексей однажды сказал Евгению Сергеевичу по-французски (это была первая, обращенная к нему французская фраза — Жильяр мог бы гордиться): «*Je vous aime de tout mon petit coeur*» (Я люблю Вас всем своим маленьким сердцем)⁹³.

Продолжая тему «колодца» и тему «как почерпнуть из него», хочется привести довольно длинную цитату из «Воспоминаний...» Татьяны Евгеньевны Мельник-Боткиной. Рассказывая о тех десятилетиях, которые прошли после расставания с отцом в Тобольске и трагических событий в Екатеринбурге — а это целая жизнь, Татьяна Евгеньевна так пишет о своих внуках и правнуках, срав-

*Дмитрий Боткин
в военной форме*

нивая их с братьями Глебом⁹⁴, Юрием⁹⁵ и Дмитрием⁹⁶:

«Среди моих десяти потомков есть директор одной косметической фабрики в Париже, медики, студенты, политики; таким образом, жизнь победила смерть[...]

В моей маленькой комнатке Fontenay-aux-Roses, совсем недалеко от русского кладбища, где я скоро буду лежать рядом с соплеменниками, меня иногда навещают мои правнуки. А я удивляюсь, глядя на их игры, которые являются, очевидно, следствием просмотренных телепередач или навеяны футбольною славою «зеленых» из Saint-Etienne. Некоторые из них блондины, у некоторых узкий разрез глаз и имена, звучащие по-славянски. Когда я смотрю, как они крутятся, возятся под моими иконами, поют шлягеры Serg Lama или держат в руках модный рисунок Goldorak⁹⁷, то в моей памяти часто возникает Глеб и его акварели, передающие чувство высокого достоинства Его Величества Николая II, Императора Всея Руси, и я вижу Юрия, перелистывающего ноты клавира оперы «Жизнь за Царя», а Дмитрий стоит перед моими глазами в легком ореоле славы в роскошной форме паж. Что общего может быть между этой современной сегодняшней молодежью и их далеким предком, что они будут знать о жертвенном пути

их прадедушки, того доктора Боткина, для которого клятва Гиппократа, симпатия к страдающему гемофилией, истекающему кровью Царевичу и верность своему Царю значили больше, чем собственная жизнь. Будут ли они вспоминать о воинских подвигах Константина Мельника (моего мужа) в Первую мировую войну и знать, как инстинкт, связанный с его крестьянским происхождением, вызы-

зывал в нем с самого начала отвращение к Октябрьской революции, коммунистическому режиму.

Для четвертого поколения нашей большой Российской диаспоры я написала эту книгу»⁹⁸.

Татьяну, дочь Евгения Сергеевича Боткина, очень волнует этот вопрос: смогут ли почерпнуть *из колодца живую воду* поколения, для которых жизнь их предков всего лишь далекая история. Смогут ли они возжаждать *живой* воды, благодати Святого Духа, эти современные фанаты модных шлягеров, футбольные болельщики и зрители телевизионных программ. Смогут ли?!

Это вопрос и к сегодняшнему поколению России.

Дмитрий Боткин (справа)
с князем Сергеем Путятиным
в день мобилизации. 1914 г.

*Караул Собственного Его Императорского Величества Конвоя
у царского поезда*

В апреле далекого 1918 года доктор Боткин отправился вместе с Императором, Императрицей и Великой Княжной Марией Николаевной из Tobольска в Екатеринбург. В это время Евгений Сергеевич сам был серьезно болен. Кроме болезни почек, у него было осложнение на сердце после перенесенного тифа. Ужасная семейная трагедия тяжелым камнем лежала на его душе — один из двух его сыновей, Дмитрий, который вместе со своим братом Юрием с началом Первой мировой войны пошел на фронт, в декабре 1914 г. был убит. Татьяна и младший сын Глеб, приехавшие к нему в Tobольск, оставались после его отъезда в полной неизвестности. Он был потрясен гибелью сына. Истерзан разлукой с детьми. Но

все-таки в эти страшные для каждого из них дни Боткин находил в себе силы укреплять всех — потому он и остался в Ипатьевском доме, зная все и отклонив предложение «товарищей» о свободе.

Брат Евгения Сергеевича Петр Сергеевич⁹⁹, дипломат, чрезвычайный и полномочный посол Российской Империи в Лиссабоне, вспоминал слова Императора Николая II, сказанные им о Евгении Боткине: «Ваш брат для нас больше, чем друг. Он так близко принимает к сердцу все, что случается с нами. Ваш брат работает за десяти-рых. Так не должно быть. Его надо беречь...»¹⁰⁰.

П. Жильяр в своих воспоминаниях пишет: «Число тех немногих людей, которых оставили при заключенных, быстро уменьшалось. По счастью, при них оставался доктор Боткин, преданность которого была изумительна, и несколько слуг испытанной верности: Анна Демидова, Харитонов, Трупп и маленький Леонид Седнев. [Его, как известно, вскоре после расстрела его дяди, вечером, накануне убийства Царской Семьи удалили из Ипатьевского дома, чтобы уничтожить позднее, — *примеч. авт.*]

В эти мучительные дни присутствие доктора Боткина послужило большой поддержкой для узников; он окружил их своей заботой, служил посредником между ними и комиссарами и приложил все усилия, чтобы защитить их от грубости стражи»¹⁰¹.

Так случилось, что в последнюю ночь земной жизни узников, в ночь с 16 на 17 июля именно он разбудил всех, по требованию палача Юровского. В так называемых «воспоминаниях Юровского» (пространная редакция «За-

писки Юровского», относящаяся к 1922 году) рассказывается о том, как выглядел залитый кровью Ипатьевский подвал после зверской расправы и как расположены были тела убиенных: Боткин (который был убит не сразу и которого прикончил из револьвера Юровский) лежал, опершись локтем правой руки, как бы в позе отдыхающего¹⁰².

Когда вновь и вновь переживаешь весь ужас этой страшной казни, сама собой приходит на ум книга Боткина, «Свет и тени Русско-японской войны», где он описывает смерть, как она ему представляется. Он, военный врач, видевший столько смертей, болезненных мучений перед концом, столько агоний, пишет: «Умереть — это еще самое легкое. Мне кажется, что художники навязали миру совершенно неверное изображение смерти, в виде страшного скелета. Мне представляется смерть доброй, любящей женщиной в белом, с материнской нежностью и сверхъестественной силой поднимающей умирающего на руки. Он чувствует в это время необычайную легкость, ему кажется, что он подымается в воздух и испытывает истинное блаженство... Так засыпают маленькие дети на коленях нежной матери... Какое счастье это должно быть!»

Можно предположить, что в этих словах Евгений Сергеевич описал, как провидец, свою смерть и смерть его близких и искренних. Такое предположение немного смягчает то впечатление ужаса, которое производит описание чудовищного злодейства кощунников, и заставляет задуматься о духовном смысле произошедшего...

При внимательном рассмотрении мы начинаем понимать, что, возможно, это не единственное предвидение Боткина. Так, в одном из писем он сравнивает хмурую зиму среди снегов в Альпах — с Генуей, куда попадаешь после гор, перейдя словно через какую-то неизмеримую высоту. В Генуе, после мрачных гор, поражает безоблачное небо, солнце, зелень. Эти примеры дает он для другого сравнения: «Боже мой! Если такой переход из одной рамки в другую заставляет наше сердце биться какой-то восторженной радостью — какое же блаженство должна испытывать человеческая душа, переходя из своего темного, тесного вагона к Тебе, о Господи, в Твою неизмеримую, безоблачную ослепительную высь!»

Вообще, нужно сказать, что русские врачи были замечательными писателями-провидцами: Булгаков, Вересаев... Следует вспомнить и «Вишневый сад» Антона Павловича Чехова, сопоставив все, в этом произведении описанное, с нашей сегодняшней гонкой за выгодой и прибылью.

Е. С. Боткин, подытоживая всю горечь поражения России, заканчивает свою книгу «Свет и тени Русско-японской войны» словами, которые звучат парадоксально: «Мне представляется даже очень благоприятным, что мы не кончили победоносным бравурным аккордом: он покрыл бы все фальшивые ноты, и снова мы, самодовольные, заснули бы на лаврах. Теперь же, сохранив в душе всю боль и остроту от наших ошибок, мы можем и должны исправиться, должны и будем совершенствоваться».

ся, — именно потому, что мы сохранили ее. Надо нам работать, много и сильно работать!» Эти слова звучат обращением к нам, к нашему нынешнему поколению. Это значит, что мы можем и должны исправиться, должны покаяться, сохранить в себе боль минувшего. Не только боль миллионов, брошенных в огонь жестоких войн XX века, боль всех безвинных жертв ГУЛАГов, но, прежде всего, — боль за Царскую Семью и за всех тех, кто был убит вместе с ними.

И последнее, может быть, самое главное. Спустя почти сто лет письма, книги Евгения Сергеевича Боткина стали еще более актуальными: по ним не только должны учиться врачи, учителя, студенты, это должны обязательно читать все. Потому что перед нами «глубокий колодец», полный *живой воды*. Вот только сможем ли почерпнуть?..

Екатеринбургская Голгофа

Переписка узников

Шел пятый месяц Тобольской ссылки. Наступил декабрь 1917 года. Что мы знаем об этом периоде жизни Царственных Изгнанников и Их слуг? Короткие сообщения в письмах мало что рассказывают об Их авторах. Опасения навлечь подозрения на своих корреспондентов не позволяют Им вести широкую переписку. Дневниковые сообщения Императора крайне скупы. Краткие поздравительные открытки Великих Княжон — непроницаемы. Дети постоянно болеют. Императрица из-за обострившейся болезни сердца и постоянно отекающих ног большую часть времени лежит. Дом быстро выстывает, узники часто мерзнут. Император пилит и колет дрова, восполняя недостаток движения и стремясь топкой печей поднять температуру воздуха в «Доме свободы». Жильяры с Долгоруковым ставят домашние спектакли, в кото-

рых роли исполняют Дети и Император. Великие Княжны рисуют и занимаются рукоделием. Императрица вяжет; из Ее стынувших пальцев выпадают спицы. Все с надеждой ожидают наступления Рождества.

В это время Евгений Сергеевич Боткин пишет письмо в Лиссабон, адресованное брату Александру, и, как ни странно, оно доходит до адресата. Послание Боткина сохранил его брат, Петр Сергеевич:

«Тобольск, 12 декабря 1917 год — Дом Свободы.

Мой дорогой брат и друг,

Мои мысли и руки парализованы из-за больших трудностей. Ты не представляешь, как мне трудно начинать, именно начинать то, что не может быть завершено удачно. Это должно объяснить тебе мое молчание, несмотря на мое страстное желание связаться с тобой, мой дорогой брат. Но сегодня, в день поминовения отца, не могу удержаться, чтобы не поговорить и не написать тебе эти несколько строк, не надеясь на то, что ты получишь их когда-нибудь.

Мы тут, как в Ноевом ковчеге во время всемирного потопы. И если наша лодка не разобьется или не потонет в водах или случайно избежит неминуемой гибели, найдя пристанище на утесе до конца всемирного потопы, может быть, тогда мы только сумеем понять то, что с нами произошло в этом всемирном хаосе.

Доживу ли я до того дня? Кто мне может сказать это? И что мы знаем о том? Сейчас я вверяю мое письмо почте, опускаю его в почтовый ящик моего дома — я де-

Дорогой ~~Татьяне~~ ^{Понтовая барочка / Carte Postale} ~~Боткиной~~ ^{Ластива / Pocтoвкa} ~~и~~ ¹⁹¹⁸ ~~и~~ ¹⁹¹⁸
 мы любим и пожелали
 мы ко Дню Ангела
Андре Татьяне
Марии Анastasie
 А. Кангородовъ „Белая ночь“
 1918. Тобольск

Императрица Александра Феодоровна за работой. Открытка.
 Царское Село. 1915 г. На обороте. Поздравление Великих Княжон
 Татьяне Боткиной ко Дню Ангела. 1918 г. Тобольск.
 (Из архива К. К. Мельника.)

лаю это с чувством того, кто потерпел кораблекрушение и бросает в море бутылку со своим последним приветом к Родине и родным. Тот, кто тонет, не знает никогда, будет ли эта бутылка выловлена из моря, прочтут ли его послание те, кому оно предназначалось; он на это и не рассчитывает, но, несмотря на это, он все же это делает, так как испытывает душевную потребность иметь хоть какую-нибудь связь с родными в последние минуты своей жизни, и так как он знает, что это единственный способ, оставшийся ему, и, может быть, крик его души достигнет своей цели.

До Петербурга мое письмо, по всей вероятности, еще может быть, дойдет, как дошли почти все мои письма, посланные нами, благодаря добросовестной работе почтовых служащих; а уж потом моя бутылка с потерпевшего кораблекрушение судна останется в волнах разбушевавшегося моря...

И несмотря на все сообщения одного нашего друга, оставшегося в Петрограде, и несмотря на то, что мы изредка получаем оттуда газеты, и даже несмотря на то, что читаем телеграммы, нам не удастся составить себе точного представления о положении старой столицы бывшей Российской Империи.

Газеты доносят до нас тенденциозные новости, противоречивые и с большим опозданием. Что касается наших друзей, так они, по вполне понятным соображениям, держатся от настоящей политики в стороне и в курсе дел не более нас. Телеграммы мало понятны и тоже про-

Ее Императорское Величество Императрица Александра Феодоровна в форме сестры милосердия. На обороте. Пасхальное поздравление Императрицы Александры Феодоровны и Августейших Детей Татьяне Боткиной. Автограф. Тобольск. 1918 г. (Из архива К. К. Мельника.)

творечивы; а между тем события разворачиваются одно за другим со скоростью молний, подобно урагану.

То, что кажется правдой в день публикации в Петрограде, теперь или оказывается неправдой, или уже изменилось, или уже было как-то переделано, и так касается всего. Происходит что-то невероятное. Я понимаю, как тебе тяжело издалека смотреть на предсмертные конвульсии нашего государства, но я рад, что ты не присутствуешь при этом, а живешь там в своем маленьком гнездышке в

*Татьяна Боткина.
Царское Село.
(Около 1916–1917 гг.)
(Из архива К.К. Мельника.)*

Грати в условиях, о которых мы — бедные сыновья России, оставшиеся на ее земле, даже не можем мечтать.

Душа так изранена, что не в состоянии на что-либо реагировать. Нас уже более ничего не удивляет и ничего не потрясает. Мы уподобились избитым собакам, вынужденным слушаться и готовым ко всему, даже к самому худшему. Это состояние можно определить как форму какой-то невропатии, при которой мы находимся в состоянии поникших, пассивных и равнодушных людей.

Безразличие... Понимаешь, а что мне стоит это кажущееся безразличие? Какое умственное перенапряжение и холодность сердца, какой самоконтроль, стойкость и смирение мы должны проявлять, и к тому же надо добавлять наше всепрощение...

В начале войны я пожертвовал двумя своими сыновьями, и тогда я понял, что для меня в этом мире нет больше покоя, но тогда у меня были еще надежды, и какие это были надежды!..

Теперь уже остается только одна-единственная надежда — это надежда на всепрощение Господа Бога! Жи-

вом в постоянном волнении. Не уверены ни в судьбе родных, ни друзей, где бы они ни находились, а если только они находятся в нашей стране, то они подвергаются еще большей опасности... Не исключено, что они находятся вне политики.

Меня все лелеяли на протяжении всей моей жизни как ребенка, ко мне все относятся с большой симпатией, и благодаря этому у меня было всегда много друзей, вот теперь мое сердце болит за тех, кто страдает, кто рискует своей жизнью.

Хотя бы уж здесь все было мирно и спокойно. Вот уже пять месяцев, как мы тут живем, благословение Господу Богу. Мне удалось занять две комнаты с дочкой Таней и моим маленьким кадетом, сыном Глебом. В комнатах зимой несколько холодно, но это не сказалось на здоровье детей. Дети мои со мной с сентября месяца.

Когда я тут был один, я был несчастен. И не ощущал самого себя: куда иду, что меня ожидает. Даже вынужден был скрыть об одной моей поездке, ведь при мне не могла сначала оставаться моя дочь, и я вынужден был оставлять ее совсем одну в Царском Селе. К счастью, мои друзья устроили ее сестрой милосердия в госпиталь при Большом дворце, где она раньше работала и лечила больных со всем рвением и отдачей, которые она унаследовала от меня, а я, в свою очередь, от отца.

Моя маленькая Таня была чрезвычайно счастлива в тот год, когда жила в маленькой комнатке, хорошо питалась и все свое свободное время проводила с ранеными

Удостоверение, выданное Е. С. Боткину комиссаром Временного правительства В. Панкратовым и разрешающее ему вход и выход из дома №1 в Тобольске, где находилась в заточении Царская Семья.

Подписано полковником Е. С. Кобылинским.

На обороте. Е. С. Боткин. Фотография на удостоверении

и больными в чудесном дворцовом саду. Все ее очень любили: и больные, и персонал госпиталя, а главным образом, старшая сестра¹⁰³, которая испытывала к ней материнскую нежность. Танюша сохранила об этом времени наилучшие воспоминания, однако ее желание приехать ко мне в Сибирь взяло верх над той благополучной жизнью, да и я тоже очень хотел, чтобы она уехала из Царского Села, так как обстановка там становилась беспокой-

ной. И последнее, меня испугали известия по делу Корнилова и его последствия. Я был в страшно нервном состоянии, когда ко мне приехала моя маленькая Таня живой и невредимой.

Бог избавил мою дорогую девочку от всех несчастий и от возможных ужасов.

А мой сын — маленький кадет Глеб — в это время был вместе со своим другом по колледжу Казерим Бекком [так у автора. Правильно — Казем-Бек, — *примеч. Капраловой Л. Ф.*] на летних каникулах в Казанской губернии, где его родители имели свои имения. Глеб добирался ко мне с большими трудностями нежели Татьяна. Он появился передо мной таким бледным и худым, что я испугался. В первый момент я подумал, что он заболел туберкулезом, но, к счастью, результаты анализов меня успокоили. Теперь он чувствует себя хорошо и учится в местной школе.

Скоро Рождество.

Евгений»¹⁰⁴.

До Екатеринбурга и Ипатьевского дома еще четыре месяца...

Как известно из свидетельств камердинера А. А. Волкова, Пьера Жильяра, баронессы Софии Буксгевден и других источников, весной 1918 года Императорскую Семью и всех служащих перевели на солдатский паек. (А солдатский паек весной 1918 года был катастрофически скуден — солдаты голодали.) Приходилось все время думать о том, где взять деньги на покупку продуктов. Уже почти все слуги были рассчитаны, каждому

было выдано двухмесячное содержание, обеспечена возможность уехать обратно.

Но средств все равно не хватало. Полковник Е. С. Кобылинский занимал деньги под векселя. Поиск кредиторов по городу был труден и унизителен.

9 (22) апреля явился в Тобольск комиссар В. В. Яковлев. А. А. Волков в своих воспоминаниях пишет: «... Он приехал со своей пехотной охраной, с 17-ю конными солдатами и со своим телеграфистом»¹⁰⁵.

Через три дня Яковлев сообщил, что «сегодня в четыре часа ночи б. государь должен приготовиться к отъезду». «Да, вы один и никто больше»¹⁰⁶, — ответил он на вопрос Государя. Императрица Александра Феодоровна воспрепятствовала и тому, чтобы комиссар говорил с супругом с глазу на глаз, и тому, чтобы Он ехал один, заявив, что Она будет присутствовать и при разговоре, и не расстанется с Ним, уедет вместе. Великая Княжна Мария Николаевна также будет сопровождать Отца. Яковлев в этот день дважды приходил к Цесаревичу, который был в тяжелом состоянии; вместе с доктором Деревенко осматривал ребенка. Затем вел долгие переговоры по телеграфу. Как пишет баронесса София Буксгевден в своей книге «Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы Всероссийской», почти весь оставшийся день 13 (26) апреля Императрица провела с сыном, подготавливая его к известию об отъезде, убеждая не тревожиться, не переживать, т. к. скоро и он, и сестры приедут к родителям. Цесаревич Алексей оста-

Le Fluide de John.

Comédie en 1 acte de
Maurice Maeterlinck.

Personnages:

Duplessis, docteur P. G.

John, son domestique A. N.

Fusien, neveu de Duplessis M. N.

Le 6 Dec: 1917.

Maeterlinck.

Программа спектакля М. Эннекена «Флюиды Джона».
Тобольск. 6 декабря. 1917 г.

вался на попечении сестер. Баронесса София Буксгевден в своей книге цитирует слова Государыни, сказанные Ею камер-юнгфере Марии Густавовне Тутельберг, которые последняя передала следователю Соколову, расследовавшему по поручению адмирала А. В. Колчака обстоятельства гибели Царской Семьи: «Это самый тяжелый момент в моей жизни. Вы знаете, что значит для меня

А. В. Жилье.
 Вероника и мн. акт. рол.
 Юрий Веронский.
Трушман.
 Родана Ялантану --- V. Gilliam.
 (actress)
 Ми. Ялан: --- --- А. А.
 Балтман: --- --- } А. А.
 Ми. Ялан: --- --- }
 Веронский: V. Gilliam.
 21 января 1918.
Тобольск.

Программа спектакля Ю. Верконсина «На пороге» (в некоторых изданиях — «У подъезда»). Режиссер Пьер Жильяр. Тобольск.
 21 января 1918 г. Автограф Великой Княжны Марии Николаевны

мой сын, и вот я должна выбирать между ним и мужем. Но мне следует решиться. Я должна оставить своего ребенка, чтобы разделить судьбу мужа»¹⁰⁷.

Около четырех часов ночи к дому подъехало несколько повозок.

La Hôte Noire.

Comédie en 1 acte par M. S. Mendel et Cordier.

Personnages :

Le Docteur Dostoy Son: Maximilien.
Frédéric Dostoy, son neveu M: H:
Mme de Hallamare, amie M: H:
Cyprienne, sa fille J. P. Tchernoukova
Mme de Hallamare O. H:
(Romanovitch de la maison Dostoy.)

La scène se passe de nos jours à Paris,
dans la maison de l'ami du Dr. Dostoy.

Régisseur : F. Jilliard.

Le 28 Janvier 1918.

Нобольск

Программа спектакля гг. Менделя и Кордые «Пугало».

Режиссер Пьер Жильяр. Тобольск. 28 января 1918 г.

Автограф Императрицы Александры Феодоровны

Император, Императрица, Их Дочь, Великая Княжна Мария Николаевна, доктор Боткин, князь Долгоруков, камердинер Государя Чемодуров, комнатная девушка Демидова и лакей Седнев сопровождавшие их, начали свой путь к Екатеринбургской галгофе...

Повозки были плохо приготовлены для путешествия в зимнее время. Доктор Боткин стал решительно протестовать, он настаивал, чтобы тарантасы утеплили. Тогда

In about 24 print.
by H. V. Esmond.

Dramatis personae.

Margaret: Fr. H.

Hugh: P. Gibbs.

Stage Manager: P. Gibbs.

11th Febr: 1918.

Тобольск

Программа спектакля Г. В. Эсмонда (название — непереводимое
идиоматическое выражение, в некоторых изданиях —
«В плоскодонке»). Постановщик С. Гиббс. Тобольск. 11 февраля
1918 г. Автограф Императрицы Александры Феодоровны

The Crystal - Gazer.

A comic sketch by F. Montague by:

Dramatis personae.

Miss Jessie Blank: ... M. H.

The Crystal Gazer: ... S. Gibbs.

Stage - manager: S. Gibbs.

18th Feb. 1918.

Тобольск.

Программа спектакля Ф. Монтегю «Гадальщик на магическом кристалле» (комический скетч). Постановщик С. Гиббс. Тобольск. 18 февраля 1918 г. Автограф Императрицы Александры Феодоровны

Медведь.

А. Чехова.

Действующие лица:

Котова О. А.

Витринов А. А.

Лука М. Н.

Тобольск . 18 февр. 1918.

на дно бросили несколько охапок соломы. Для Императрицы дали несколько пледов и подушек. Императору не разрешили сесть рядом с Императрицей. Рядом с матерью села Великая Княжна, Яковлев занял место рядом с Императором. В третьем тарантасе ехали князь Долгоруков и доктор Боткин. В четвертом расположился Матвеев, подпрапорщик Тобольского отряда охраны, председатель отрядного комитета, и Демидова. В пятой — камердинер Чемодуров и слуга Седнев.

Путешествие было невероятно тяжелым. Императрица из Тюмени прислала баронессе Буксгевден записку, в которой кроме других сведений, о которых та не сообщает в своей книге, было сказано, что эта дорога «вытрясла (ей) всю душу». Все были одеты очень легко — зимняя одежда узников не годилась для сибирских морозов. Великая Княжна Мария Николаевна на остановках, когда выходила из повозки, чтобы поправить подушки своей матери, долго растирала пальцы, прежде чем они обретали подвижность. Они переходили реки по доскам, по тонкому льду. В одном месте Император шел по колено в ледяной воде, неся Императрицу на руках. Несмотря на крайнее изнурение в дороге, Императрица упростила Яковлева послать Детям телеграмму, в которой Она сообщила, что «доехали благополучно». Далее в Тюмени всех пересадили в поезд¹⁰⁸.

Видимо, у комиссаров не было точного приказа о дальнейшем следовании Царственных Узников: и в Тюмени, и в Омске Яковлев долго что-то выяснял, бесконечно переговариваясь с какими-то властями по телегра-

фу. В конце концов, ему приказали ехать в Екатеринбург. Узники перешли в ведение или, лучше сказать, в руки, уральских (екатеринбургских) властей. Императора, Императрицу, Их Дочь и Боткина, Чемодурова, Седнева и Демидову — заключили в дом инженера Ипатьева, Дом Особого Назначения. Князь Долгоруков сразу был отправлен в городскую тюрьму.

Императрица ежедневно писала Детям, но не получала ответа. Наконец, пришла телеграмма от Великой Княжны Ольги Николаевны с сообщением о том, что Алексей Николаевич выздоравливает.

Письма Детей не доходили до родителей, но оставшимся в Тобольске Великим Княжнам каким-то образом удавалось переписываться с детьми доктора Боткина. Они сообщали друг другу об отсутствии известий из Екатеринбурга, что их чрезвычайно волновало и тревожило. Наступила Святая Пасха, которая в 1918 г. пришлась на 22 апреля (по старому стилю), а от родителей, уехавших 13-го, все не было никаких вестей. И неудивительно — письма Императрицы не доходили, а комиссар Яковлев, несмотря на просьбы Государыни, Детям не телеграфировал. За это время режим содержания изгнанников в «Доме свободы», лиц свиты и слуг, живших в Корниловском доме, ужесточился еще более. Великим Княжнам приходилось переписываться со своими друзьями через почтовое отделение, несмотря на то, что они находились друг от друга на расстоянии ширины улицы. Возможно,

*Е. С. Боткин с дочерью Татьяной и сыном Глебом в Тобольске.
Последняя фотография Е. С. Боткина*

почтовые открытки каким-то образом удавалось передавать, например, через врача В. Н. Деревенко, но это остается для нас неизвестным.

Рассмотрим теперь некоторые из этих уникальных документов, можно сказать, чудом сохранившихся до наших дней.

23 апреля Великая Княжна Ольга Николаевна, видимо, получив от детей Боткина, Татьяны и Глеба, послание, отвечает им коротким письмом: «Спасибо, дорогая Таня, Вам и Глебу за милое письмо. Пишет ли папа? Мы ничего не имеем и страшно грустим. Пожалуйста, пошлите мою открытку Юлии Алексеевне [возможно, Юлии Александровне Ден¹⁰⁹, — *примеч. авт.*], и другую Мельнику. Целую Вас нежно и желаю всего доброго. Ольга Р[оманова]. 23 апр. 1918 г. Тобольск»¹¹⁰.

Дом Ипатьева («Дом Особого Назначения»). Екатеринбург. 1918 г.

Из этого письма Великой Княжны становится ясно, что Константин Семенович Мельник, будущий супруг Татьяны Боткиной, находился в это время в Тобольске, — ему Ольга Николаевна просит передать открытку. «Пошлите», — пишет она, что может означать и «передайте при встрече».

Константин Семенович Мельник — поручик 5-го Сибирского стрелкового полка — был ранен во время Первой мировой войны. С Великими Княжнами, Боткиным, его детьми, с Татьяной он познакомился в госпитале в Царском Селе. После ранения Мельник лежал в госпитале имени Их Императорских Высочеств, а потом в личной больнице доктора Боткина, находившейся в частном доме. В Тобольск он пробрался, надеясь найти в окрестностях города один из отрядов Белой армии, и с этой орга-

Спасибо, дорогая,
Таня Вам и Тиме
за милое письмо.
Пишете ли мама?
Боя ничего не пишу.
Вы и сиротинку гру-
стите. Писанушка
получила моего отъез-
да. Клим Алексеевич в
в дружбу, маленький.
Умную Таню и Тиму
и жалею все доб-
ро. Милая Р.
23: Apr. 1918 г. Тобольск.

Письмо Великой Княжны Ольги Николаевны Татьяне Боткиной.
Автограф. Тобольск. 23 апреля 1918 г.

низованной вооруженной группой освободить Царскую Семью¹¹¹. Приехав, он такого отряда поблизости не нашел. Вместо него, как снег на голову, свалился комиссар Яковлев, который, как мы знаем, приехал за Императором, чтобы куда-то его увезти. Внезапный отъезд Импе-

ратора и Императрицы из Тобольска и отсутствие вблизи частей Белой армии — все это разрушило планы Мельника.

При ознакомлении с перепиской, которую вели Великие Княжны, обращает на себя внимание то, что дети пишут друг другу очень осторожно, не говоря лишнего и зачастую не называя имен — они знали, что вся переписка тщательно проверяется. Так, не удастся установить, кому писала Великая Княжна Анастасия Николаевна 23 апреля — в тот же день, что и старшая сестра. Вполне возможно, что Царские Дети получили поздравление с праздником и сообщение о приезде Мельника из предыдущего письма Татьяны Боткиной, на которое и отвечала Великая Княжна Ольга Николаевна. Может быть, поэтому Анастасия Николаевна тоже отправила открытку следующего содержания:

«Воистину Воскресе!

Сердечно поздравляю со светлым праздником и желаю всего, всего хорошего. Горячо благодарю за Сестру [Великую Княжну Марию Николаевну, — *примеч. авт.*] и за себя, за поздравление. Пишу за нее, т. к. она с родителями уехала! Часто, часто Вас вспоминали. Надеюсь, здоровы. Все шлют большой привет и благодарят за поздравление, и я тоже. Еще раз желаю Вам всего хорошего»¹¹².

Из подписи к открытке, которую Татьяна Евгеньевна Мельник-Боткина опубликовала несколько лет спустя, за границей, в книге воспоминаний о Царской Семье, явству-

мобилекс.

23 Апрель 6 мая 1919.

Воспитану Восток!.
Средом поздравлен от святимим народом.
Колос и Шелан Всем, Всем Широтам.
Благо Благодарю за Свету и за солд.
поздравление. Тибим за все отк. на все.
дитявми укал! Тибим, Тибим Всем
всехминам. Народом здравие! Все
милим Тибим, Широтам и Шелан.
Явля за поздравление и я тибим.
Еще раз Шелан Всем, Всем Широтам.

«Собственноручное письмо Великой Княжны Анастасии к одному офицеру» (подпись к данной иллюстрации в первом издании книги Т. Боткиной «Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции». Белград, 1921.)

ет, что это письмо «одному офицеру, лежавшему в Госпитале имени Императорских Высочеств». Может быть, это и есть то письмо, которое Великая Княжна Ольга Николаевна просит «послать» Мельнику? Вероятнее всего, это так. Письмо Великой Княжны Анастасии Николаевны осталось в семейном архиве Татьяны Евгеньевны, дочери Боткина, скорее всего именно как адресованное ее будущему мужу Мельнику. Иначе зачем было хранить письмо, адресованное постороннему человеку? Возможно, конечно, что эта открытка хранилась просто как образец письма убиенной

29: Апрель 1918.
Воскресие

Спасибо Вам Дюшка Паша
за добрую твою мне писанье
получил много писем от
23-го все таки оно много не
живу. Да Мария пишет
мне Паша пишу как всегда
живу по морям и ра-
зуму живу в ваших. А
так же Слава Богу.
Поклонитесь от Паша от
всех. Умру тихо и еще
благодарю. Виктор

Письмо Великой Княжны Ольги Николаевны Татьяне Боткиной.
Автограф. Тобольск. 29 апреля 1918 г.

царственной особы или осталось в архиве случайно. Но все фотографии, которые публикует Татьяна Евгеньевна Мельник-Боткина в своей книге, так или иначе касаются только близких ей людей — Царской Семьи, отца, братьев, и такую открытку, следовательно, она могла поместить как память о человеке, ставшем впоследствии ее мужем.

И здесь хочется отметить два момента. Первое: как мудры и осторожны Дети. Как видим, Анастасия Николаевна пишет, не упоминая имени своего адресата, чтобы ничем не скомпрометировать его, а Ольга Николаевна упоминает фамилию Мельника вскользь, не объясняя, какую именно открытку послать ему. (Открытка написана рукой Анастасии.) Фамилия Мельника дана вместе с именем и отчеством другой знакомой, которая находилась в это время в Петербурге, — вероятно, это Юлия Александровна Ден. Можно подумать, что они старались создать впечатления, будто эти обе открытки — далеким адресатам. Главный смысл открытки Великой Княжны Анастасии Николаевны — это благодарность К. С. Мельнику. Скорее всего, отнюдь не только за поздравление с Пасхой, хотя и за это в том числе. Это благодарность за готовность совершить подвиг ради спасения Царской Семьи, благодарная память о попытке освобождения, пусть и неудавшейся — *горячо благодарю за Сестру и за себя, за поздравление. Пишу за нее, так как она с родителями уехала!* «За Сестру» — не значит ли за всех, кто в отъезде? Таким образом, получается, что открытка — это вместе и благодарность, и прощание, и благословение. А для цензуры — будто молодой офицер хотел Марию Николаевну поздравить с праздником Пасхи, но за ее отсутствием отвечает на поздравление Великая Княжна Анастасия, и ему на это дан ответ, абсолютно не вызывающий подозрений.

*Поручик Константин Семенович Мельник. 1915 г.
(Из архива К. К. Мельника.)*

Второй момент. Что бы ни содержали строки ответа на поздравление с Пасхой, следует сказать, что всегда — и в далекие счастливые дни, и в дни тяжелых лишений и самых тревожных предчувствий — Великие Княжны, Их Брат, Их Родители всегда считали своим неотъемлемым и первейшим долгом непременно ответить на приветствие, на обращение своих подданных, на письма родственников и друзей. Всегда на любое изъяснение признательности, доброго отношения, выражения поддержки, на обращение — всегда ответ. Ответ, полный любви, внимательного и серьезного участия. «Душка Таня», «нежно обнимаю», — пишет Великая Княжна Ольга Николаевна Татьяне Боткиной. Вот и Великая Княжна Анастасия в ответ на «Христос Воскресе!» своего неназванного корреспондента отвечает непременно — «Воистину Воскресе!» И сколько благодарности за поздравления и пожелания в Ее словах, как и всегда в Их письмах! Очевидно, еще и поэтому открытка прошла беспрепятственно цензуру и, видимо, дошла до адресата.

Через день — 24 апреля — дочь Евгения Сергеевича получает долгожданное письмо от отца и на следующий день сразу же отвечает ему: «Драгоценный, золотой, ненаглядный мой папулечка. Вчера мы были ужасно обрадованы твоим первым письмом, которое целую неделю шло из Екатеринбурга...». Татьяна сразу же сообщает Великой Княжне Ольге Николаевне о получении письма из Екатеринбурга. (Подробнее о письме Татьяны отцу мы скажем ниже.)

Великая Княжна 29 апреля отвечает Татьяне на ее сообщение, что они тоже получили письмо из Екатеринбурга:

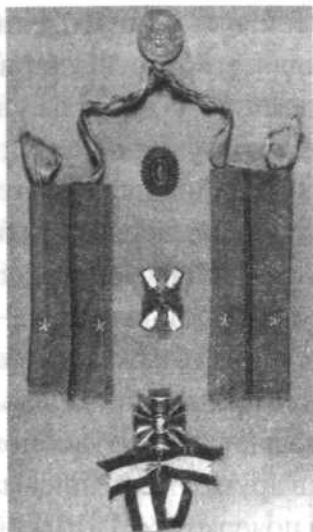
*«29 апреля 1918 г.
Вторник.*

Спасибо Вам, душка Таня, за добрую весть. Мы тоже получили сегодня письмо от 23, но особенного ничего не пишут. Да Мария пишет, что Ваш отец как всегда пишет по ночам и раз уже уснул: в ванне. А так все Слава Богу.

Поклоны Глебу и Вам от всех. Целую нежно и еще благодарю. Ольга Р.»¹¹³.

Из переписки детей ясно, что у Евгения Сергеевича обострение болезни (у него камни в почках). О приступе почечной колики рассказал комиссар Матвеев, приехавший 24 апреля из Екатеринбурга. (Евгений Сергеевич пишет при этом детям, что здоров.) Великая Княжна Мария Николаевна в письме в Тобольск сообщает, что Боткин уснул в ванной, по-видимому, потому, что ночами работал и устал — «как всегда пишет по ночам». Сообщение совпадает со сведениями о сильной почечной колике. Эти строки могли быть восприняты как своеобразная шутка, но, возможно, в теплой, горячей ванне Боткин пытался снять очень болезненный спазм. Видимо, это ему удалось, и он, измученный приступом, уставший от боли, заснул в ванной. Однако, из рассказов матери Татьяны Мельник-Боткиной сыну — Константину Константиновичу — известно, что всегда крайне занятой и посто-

янно устававший, не имея возможности как следует отдохнуть, Евгений Сергеевич засыпал в ванне — это было его единственное время отдыха. Так он снимал безмерную усталость.

Как мы знаем из воспоминаний А. А. Волкова, баронессу С. К. Буксгевден, Татьяну и Глеба Боткиных «попросили» из Корниловского дома съехать. Они теперь сами должны были снимать себе жилье в Тобольске. В следующем письме, от 5 (18) мая, Татьяна Боткина пишет отцу уже «из новых наших комнат». Ими стали «две совсем уютные комнаты с передней и очень кривыми полами», «в трех шагах от баронессы».

Погоны Константина Семеновича Мельника, мужа Т. Е. Боткиной. В центре сверху вниз — знак на головной убор офицера в Белой армии, полковой знак 5-го Сибирского стрелкового полка для офицеров и знак отличия («За храбрость!») ордена Св. Анны — звезда II степени с мечами

Несмотря на бодрый тон, который изо всех сил стараются придать письму Татьяна, ясно, что жить детям Евгения Сергеевича не на что. Она ищет работу, кроме того, у нее обострилась экзема, и она сообщает, как собирает-

ся ее лечить. Пишет, что очень надеется, что комиссар Хохряков, который едет в Екатеринбург, передаст письмо и вещи. Из письма чувствуется, что надежды на скорую встречу нет никакой; некоторые строки письма звучат как прощание: «Рада, что был с нами все это время». Татьяна Евгеньевна будто подводит некий итог жизни, которая сейчас обрывается полной неизвестностью. «Что-то будет дальше», — заканчивает она.

Написать и сказать надо многое, но, как замечает Татьяна в предыдущем письме, «так много хочется написать, и слов нет, да и не удобно», потому что, — приписывает она в другом месте письма между строчек, мелким-мелким почерком: «И кто же будет читать до тебя...».

О событиях, предшествующих отъезду Царских Детей в Екатеринбург, А. А. Волков сообщает так: на смену Е. С. Кобылинскому и стрелкам явилась большевицкая охрана под предводительством комиссаров Родионова и Хохрякова, «людей грубых. Родионов целыми днями сидел в дежурной комнате, с ног до головы вооруженный. Никого, из живущих в доме, никуда не выпускали, введя совершенно тюремный режим»¹¹⁴.

Вторая группа узников следовала до Тюмени паромом «Русь». Из Тюмени пересели в поезд. Волков пишет: «В вагон 2 класса поместили Наследника, Великих Княжон, генерала Татищева, доктора Деревенко, графиню Гендрикову, госпожу Шнейдер, Нагорного и комнатную девушку Эрсберг. Всех остальных посадили в вагон

4-го класса. Здесь кроме меня находились: Жильяр, Гиббс, баронесса Буксгевден, Тяглева, повар Харитонов, мальчик Седнев и другие. [...] В Екатеринбург приехали поздно, около полуночи. Поезд поставили на запасный путь, довольно далеко от вокзала. Возле вагонов установили вооруженную охрану. Ночь мы провели в вагонах. Было холодно, моросило. Все мы продрогли»¹¹⁵. Это было 10 (23) мая.

Татьяна Боткина, надеявшаяся приехать к отцу вместе с Детьми Государя, этого сделать не смогла.

«Со святыми упокой»

А теперь мы приведем целиком оба письма Татьяны Евгеньевны Боткиной — для того, чтобы лучше понять самое последнее письмо Евгения Сергеевича брату Александру — «Другу Саше», в котором он объясняет ему свое решение разделить судьбу Царской Семьи, несмотря на то, что в Тобольске остались его дети. Это письмо стало предсмертной исповедью Боткина. И, может быть, благодаря письмам Татьяны, в которых неизъяснимым светом сияет любовь ребенка, дочери, к своему отцу, мы поймем, какое глубокое, неизбывное страдание испытывал отец, переживая за детей, оставленных в чужом городе, одних, без средств, больных, среди враждебного мира, яснее и глубже воспримем его исповедь «Другу Саше».

Но прежде еще несколько слов. Весьма вероятно, что все письма дочери, которые она писала раньше Евгению Сергеевичу, он возил с собой, взяв их как самое дорогое вместе с фотографиями времен Русско-японской войны в ссылку, в Тобольск и Екатеринбург. После расстрела они, скорее всего, были подобраны убийцами и «честно» сданы высшему начальству.

В Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Е. С. Боткина, вместе с последними письмами дочери из Тобольска хранятся ее же весточки, начиная с 1910 г.¹¹⁶ Пожелтевшие листы. Вчитываемся в слова, написанные неустоявшимся детским почерком: «25 мая 1910 года. Дорогой, золотой, милый, мой неоцененный папуленочек...» — и сразу перехватывает дыхание. Девочке почти двенадцать. Они с Глебом, может быть, в Петродворце, вероятно, за городом. Отец где-то неблизко, с Царской Семьей. Мать, видимо, уже не с ними (она оставила семью, у нее другой муж; в письме девочка спрашивает отца: «как ты думаешь, мама может приехать к нам?»). Осыпая любимого отца ласковыми словами, она называет его «неоцененный» вместо более распространенного уже в то время «неоценимый».

Неоценимый — это выражение особого отношения. Возникновение этого выражения, вероятно, связано с Евангелием, с теми евангельскими стихами, которые повествуют о тридцати сребренниках, брошенных предателем Иудой во дворе синедриона после того, как он узнал об осуждении Иисуса Христа на смерть: «Тогда

сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребренников, цену Оцененного, которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь». (Мф. 27, 9, 10). Как доказательство от противного, эпитет *неоценимый* свидетельствует о высоких достоинствах человека, в чем-то, может быть, подобного самому высокому идеалу, который невозможно оценить, ибо Тот, Оцененный однажды в тридцать сребренников, данных за землю горшечника, — Неоценим. *Неоценимый* — это выражение любви, преданности... Смутно и подсознательно понимаемая смысл этого слова, девочка, быть может, соотносит его с семейной драмой — мама ушла от них с другим человеком, оставив их и «горячо любимого, дорогого, дорогого, золотого папулечку», не оценила. Не понимая безличного *неоценимый*, ребенок пишет — «мой неоцененный». Это написано в двенадцать лет. Так же она напишет ему и в двадцать из Тобольска в Екатеринбург в своем последнем дошедшем до него письме от 5(18) мая 1918 года, заканчивая свое послание: «Целую тебя, мой неоцененный [выделено нами, — *примеч. авт.*] единственный, папулечка. Твоя Таня». Действительно, неоценимый — неоцененный... (во сколько же сребренников оценили палачи Царскую Семью и всех верных Их слуг?!).

Упомянем и о некоторых других чертах, характерных вообще для писем Татьяны Боткиной. Так, всякий раз, обращаясь к отцу, она подыскивает слова, в которых ей

хотелось бы выразить всю свою бесконечно преданную ему душу:

«Хороший, прехороший, дорогой мой, милый, милый». «Милый мой, мне хочется написать тебе что-нибудь такое хорошее и ласковое, так хочется, мой дорогой, дорогой, дорогой папулечка. 5 авг. 1910 г.»

Кроме того, послания Татьяны отцу показывают и то, как ребенок вырос, набирался знаний, оценивал окружающее. В летних письмах 1911 года она благодарит его за присланные книжки и просит новых, рассказывает о том, что узнала из прочитанного, что удивило и запомнилось. Для нее, например, стало открытием, что обезьяны чистоплотны, и заботливая мамаша моет своих детенышей в реке — это было написано в одной из присланных книг. Видимо, рассказы об обезьянах поразили воображение девочки, и она, используя полученные знания, создает яркую метафору — рассказывает, как в Петродворце «сердитый-пресердитый лакей, *совершенная обезьяна*, взял и зачеркнул у Э. Х. [Эльзы Христиновны, воспитательницы детей Боткина, — *примеч. авт.*] Марли, чтобы мы больше не проходили» [т.е. чтобы за проход во дворец Марли снова покупали билет, — *примеч. авт.*].

Татьяна рассказывает отцу буквально обо всем, для нее важна каждая мелочь: она сообщает, что прошел дождь, благодарит отца за письма, рассказывает о своих играх с Глебом.

«Драгоценный, золотой, золотой, мой папулечка, хороший, славный, славный, славный мой папулечка...».

«Я как раз вчера мылась... У меня завились кончики косичек...». Он и через десять лет был для нее таким же дорогим, самым близким и любимым человеком. И как ни бодрилась Татьяна, когда просила его в своем письме из Тобольска: «пожалуйста, не беспокойся, мой драгоценный», — Евгений Сергеевич понимал, что он оставляет в крайне тяжелых обстоятельствах самое дорогое, что у него есть, — своих детей, поистине *неоценимых*.

Но совсем не на судьбу надеялся этот глубоко верующий человек, он во всем полагался на Волю Божию, молясь, чтобы Он не оставил бедных сирот.

Последняя молитва праведника была услышана: Константин Семенович Мельник, сражавшийся в армии Колчака, женился на Татьяне, увез жену и Глеба во Владивосток, а потом, после победы большевиков, успел посадить семью на сербский пароход, который уходил на запад...

Прочтем же последние письма дочери Боткина, чтобы нам яснее стал глубокий духовный и нравственный смысл его подвига.

«23 апр./4 мая 1918.

Драгоценный, золотой, ненаглядный мой папулечка. Вчера мы были ужасно обрадованы твоим первым письмом, которое целую неделю шло из Екатеринбурга; тем не менее это были наиболее свежие известия о тебе, потому что приехавший вчера Матвеев, с которым Глеб разговаривал, не мог нам сказать ничего, кроме того, что у тебя была почечная колика [нрзб.] этого я ужасно боялась, но судя по тому, что ты уже [нрзб.] писал, что здоров, я

надеюсь, что эта колика была несильная. Кажется, что дни и быстро и долго идут без тебя. Уже 12 дней прошло с твоего отъезда. У нас все идет по-прежнему. Глеб выдержал свои экзамены еще на страстной и ужасно этим доволен. Все пятерки, только по трем предметам четверки, не помню по каким. Всю страстную я усердно занималась уборкой, посылками и ходила с Глебом в церковь. В пятницу мы сами вдвоем делали себе пасху, а в субботу я была у обедни, но к заутреней не пошла, т. к. у Глеба был насморк, я устала, а погода была отчаянная. — Дождь лил как из ведра, и ветер был тоже сильный. Сейчас все прошло, и стало немного теплее. Не могу себе представить, когда мы увидимся, т. к. у меня нет никакой надежды на [нрзб.] уехать со всеми, но я постараюсь приехать все-таки поближе к тебе. Без тебя здесь сидеть [нрзб.] очень скучно, да и бесцельно. Хочется какого-нибудь дела, а не знаешь, чем заняться, да и долго ли придется здесь жить? [нрзб.] От Юры за это время было всего одно письмо, да и то старое; от 17 марта, а больше ничего.

Пока кончаю, мой дорогой. Не знаю, дойдет ли до тебя мое письмо. А если дойдет, то когда. И кто же будет читать до тебя [эта фраза вписана между строками очень мелким почерком, — *примеч. авт.*] Целую тебя, мой драгоценный, много, много и крепко — как люблю. До свидания, мой дорогой, мой золотой, мой любимый. Надеюсь, что скоро мы увидимся. Целую тебя еще много раз. Твоя Таня»¹¹⁷.

Татьяна еще надеется, что увидится с отцом. Две не-

дели проходят в этой надежде. Перед отъездом в Екатеринбург Царских Детей они с Глебом идут просить разрешения у Родионова выехать вместе с Ними в Екатеринбург. П. В. Мульатули в своей книге «Свидетельствуя о Христе до смерти...» приводит об этом такую выдержку из воспоминаний Глеба Боткина:

«— Что я могу сделать для Вас? — спросил Родионов.

Мы ему объяснили, что мы хотим быть отправлены вместе с Цесаревичем и Великими Княжнами в Екатеринбург.

— Правда? Ну, так мы вас не отправим в Екатеринбург, — ответил он.

— Но комиссар Яковлев мне обещал, что мы уедем вместе с ними.

— Я не знаю об этом, — сказал Родионов. — Во всяком случае, почему вы хотите ехать? — Он повернулся к моей сестре. — Почему такая красивая девушка, как вы, хочет провести всю свою жизнь в тюрьме или даже быть расстрелянной?

— Но Царская Семья не может быть отправлена в тюрьму, — сказала Татьяна с ужасом.

— Может быть и нет, — ответил Родионов, пожав плечами. — По всей вероятности, они будут расстреляны.

— Правда? — сказала моя сестра саркастически, т. к. она все еще верила про миф отправки в Англию. — Я очень сомневаюсь, вы не в курсе ситуации. Но, во вся-

ком случае, что вы скажете, если мы хотим умереть со своими Государями?

— Ничего не скажу, кроме того, что вы не будете убиты с ними, — поморщился Родионов. — Если вы мне не верите, вы можете поехать со мной вплоть до вокзала Екатеринбург. Проезд в город запрещен для всех, кто не имеет специального разрешения. Все, что произойдет с вами, так это то, что вас арестуют на вокзале и возвратят в Тобольск. И ни под каким видом вам не дадут сопровождать Царскую Семью»¹¹⁸.

17 мая рано утром Татьяна Боткина пришла на пристань проводить Великих Княжон и Цесаревича. Здесь же жена Ивана Михайловича Харитонов с дочкой провожала своего мужа. Они прощались со всеми отъезжающими и, как вспоминает Волков, одиноко стояли на пустынной пристани, а им, прощаясь, без усталости махал рукой из иллюминатора Царевич Алексей.

18 мая, на следующий день после отъезда Детей и сопровождающих Их слуг, Татьяна написала отцу письмо, последнее, которое получил Евгений Сергеевич от своей дочери.

«5 мая/18 1918

Драгоценный, золотой и дорогой мой папулечка. Пишу тебе уже из новых наших комнат и надеюсь, что это письмо дойдет до тебя, т. к. его везет комиссар Хохряков. Он также сказал, что может доставить тебе сундук с вещами, в который я уложила все, что у нас было из твоих вещей, т. е. несколько фотографий, сапоги, белье, платье, папиро-

сы, одеяло и осеннее пальто. Аптеки я тоже сдала комиссару как имущество семьи, не знаю, получишь ли ты наше письмо. Я же тебя крепко-прекрепко обнимаю, мой ненаглядный, за твои такие хорошие и ласковые письма.

Может быть, ты будешь очень встревожен и обеспокоен тем, что мы остались одни в Тобольске, но, пожалуйста, не беспокойся, мой драгоценный. Мы сняли две совсем уютные комнаты с передней и очень кривыми полами на Богоявленской улице напротив церкви и в трех шагах от баронессы. Моя комната мне напоминает [нрзб.] на Оранжевой улице, Глубина же — столовая, совсем большая.

Хозяева квартиры, видимо, очень милые, чистоплотные и хозяйственные люди. Чувствуем мы себя оба отлично, живем дружно, и я продолжаю искать работу.

Буду искать уроки. Ты знаешь, англичанка говорит, что я могу давать английские уроки. Правда, здорово... [нрзб.]

Климат здесь неважный. Только дня три было теплых, и сегодня опять 37, густой снег и холодно. [...] Завтра собираюсь в церковь и в Корниловский дом, т. к. забыла там свой рукодельный мешочек с самыми нужными катушками, ножницами, пуговицами и т. п. необходимой дрянью. Пока кончаю, мой драгоценный, мой золотой, мой любимый папуленок. Так много-много хочется написать, и слов нет, да и не удобно.

Рада, что ты был с нами все это время. Что-то будет дальше. Еще много-много раз обнимаю».

На небольших свободных полях, оставшихся со всех

сторон листа — сверху, «сверх ногами», с боков страницы, приписано как P. S.:

«Моя экзема гораздо лучше, но вначале было хуже, и я обратилась к [нрзб.], который велел смазать [нрзб.]. Может, потом выписать ляпис и какую-то подсушивающую пасту». Вверху страницы: «Целую тебя, мой неоцененный, единственный папулечка. Твоя Таня»¹¹⁹.

Царские Дети и сопровождающие Их узники-слуги приехали в Екатеринбург 9/22 мая, около полуночи. Их вагоны отправили на запасные пути до утра. Как вспоминает А. А. Волков, моросил дождь, в поезде было холодно, все продрогли. Утром приехали комиссар Хохряков, Родионов и Белобородов. По их распоряжению в Дом Особого Назначения, дом Ипатьева, перевезли Великих Княжон, Цесаревича и слуг — Нагорного, Харитонову, Труппа, Седнева-младшего¹²⁰.

Остальных, как мы об этом уже рассказывали, отправили во 2-ю Екатеринбургскую тюрьму. С. К. Буксгевден, П. Жильяр и еще некоторые слуги — среди них А. А. Теглева, Е. Н. Эрсберг и горничная Буксгевден, остались в вагонах на запасных путях. С. Гиббс нашел пристанище где-то в Екатеринбурге. Этой группе, как мы знаем, впоследствии удалось эмигрировать через Дальний Восток.

Цесаревич, видимо, сразу вновь тяжело заболел после перенесенных трудностей дороги: пароход «Русь», затем поезд, ненастная погода, холодная ночь в вагоне на запасных путях, постоянные стрессы. Он глубоко переживал наглые выходки охраны.

Сразу же по приезде А. Е. Трупп заменил ослабевшего, начавшего заболевать Чемодурова. На следующий день после приезда Детей, 24 мая, Чемодурова отправляют в тюрьму и вскоре переводят в тюремный лазарет. Там его «забыли». Нагорного и Седнева 27 мая увели в тюрьму и вскоре казнили.

В книге И. П. Якобия «Император Николай II и революция» есть проникновенные слова, посвященные Климентию Нагорному и последним часам его жизни: «Он ходил за Наследником с раннего детства, ласкал и утешал Его в Его детских горестях, страдал за Него и за Его несчастных родителей во время Его болезней, был беспомощным свидетелем отчаянной борьбы за спасение этой жизни, которая могла ежеминутно угаснуть, как слабый огонек. Для этого простого и преданного матроса Алексей Николаевич был, конечно, Наследник Престола, будущий Царь, Помазанник Божий, но также и бедный, больной ребенок, слабый и хрупкий, нуждающийся в защите и помощи. Нагорный выносил с невозмутимым спокойствием издевательства тюремщиков, пока дело не касалось Наследника, но тут его охватывал страшный гнев. Доходило и до бурных схваток.

Этот простой матрос, вышедший, как и они, из народа, но остававшийся верным своему Государю, будил в стражниках какую-то тень заглохшего чувства — совести.

Воспитатели Жильяр и Гиббс и доктор Деревенко, которые находились на свободе, часто, под видом прогулки, проходили перед Ипатьевским домом в надежде увидеть кого-нибудь из пленников. Однажды необычное дви-

жение привлекло их внимание. Отряд вооруженных солдат и всадников окружил двух извозчиков. Воспитатели с тревогой узнали сидящего на первом извозчике, между двух красноармейцев, Седнева; Нагорный уже ступил на ступеньку второй пролетки и в это время, подняв голову, заметил стоящих в нескольких шагах от него людей. Он пристально посмотрел на них, не выдав их ни одним движением. Этот взгляд был последним, немым прощальным приветом верного слуги друзьям своих господ.

Жильяр и Гиббс издали следили за извозчиками и видели, как они остановились у городской тюрьмы»¹²¹.

Что происходит в эти пять дней, с 23 по 27 мая, в Ипатьевской тюрьме, в Доме Особого Назначения?

Е. С. Боткин пишет комиссарам письмо в Екатеринбургский Областной Комитет с просьбой допустить к Цесаревичу Жильяра и Гиббса. Из письма Евгения Сергеевича понятно, что болезнь Алексея Николаевича серьезно обострилась. Боткин объясняет комиссарам, что вызывает такие болезненные приступы и какого серьезного ухода требует состояние больного. Из письма видно также, что все узники крайне истощены физически: видимо, Цесаревич страдал от приступов болезни так же тяжело, как в Спале, и даже еще тяжелее, так как при этом переживал глубокий стресс. У матери сдавало сердце, здоровье отца (не говоря о прочем) было подорвано постоянной необходимостью носить сына на руках, — мальчик не может ходить. У Боткина просто не хватало сил ухаживать за своим маленьким пациентом в одиночку, и Евгений Сергеевич решил призвать на помощь Жи-

льяра и Гиббса. И он пишет письмо комиссарам, с просьбой допустить их к ребенку.

[Без даты]

«В ОБЛАСТНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ГОСПОДИНУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ

Как врач, уже в течение десяти лет наблюдающий за здоровьем семьи Романовых, находящейся в настоящее время в ведении областного Исполнительного комитета, вообще и в частности Алексея Николаевича, обращаюсь к Вам, г-н Председатель, со следующей усерднейшей просьбой. Алексей Николаевич подвержен страданиям суставов под влиянием ушибов, совершенно неизбежных у мальчика его возраста, сопровождающихся выпотеванием в них жидкости и жесточайшими вследствие этого болями. День и ночь в таких случаях мальчик так невыразимо страдает, что никто из ближайших родных его, не говоря уже о хронически больной сердцем матери его, не жалеющей себя для него, не в силах долго выдержать ухода за ним. Моих утасаживающих сил тоже не хватает. Состоящий при больном Клиим Григорьев Нагорный, после нескольких бессонных и полных мучений ночей, сбивается с ног и не в состоянии был бы выдерживать вовсе, если на смену и в помощь ему не являлись бы преподаватели Алексея Николаевича г-н Гиббс и, в особенности, воспитатель его г-н Жильяр. Спокойные и уравновешенные, они, сменяя один другого, чтением и переменою впечатлений

отвлекают в течение дня больного от его страданий, облегчая ему их и давая тем временем родным его и Нагорному возможность поспать и собраться с силами для смены их в свою очередь. Г-н Жильяр, к которому Алексей Николаевич за семь лет, что он находится при нем неотлучно, особенно привык и привязался, проводит около него во время болезни целые ночи, отпуская измученного Нагорного выспаться. Оба преподавателя, особенно, повторяю, г-н Жильяр, являются для Алексея Николаевича совершенно незаменимыми, и я, как врач, должен признать, что они зачастую приносят более облегчения больному, чем медицинские средства, запас которых для таких случаев, к сожалению, крайне ограничен. Ввиду всего изложенного я и решаюсь, в дополнение к просьбе родителей больного, беспокоить Областной Исполнительный Комитет усерднейшим ходатайством допустить г.г. Жильяра и Гиббса к продолжению их самоотверженной службы при Алексее Николаевиче Романове, а ввиду того, что мальчик как раз сейчас находится в одном из острейших приступов своих страданий, особенно тяжело им переносимых вследствие переутомления путешествием, не отказать допустить их — в крайности же — хотя бы одного г. Жильяра, к нему завтра же.

Ев. БОТКИН»¹²²

Это черновик. Переписанное набело письмо дошло до начальников Екатеринбургского исполкома.

Оно написано 24-го мая 1918 года. Скорее всего, именно получив прошение Боткина, Авдеев и Белобородов арестовали и убили Нагорного и Седнева — они оказались лишними. Комендант Авдеев наложил на письмо Боткина свою резолюцию: «Просмотрев настоящую просьбу Доктора Боткина, считаю, что и из этих слуг один является лишним, т. к. — дети все являются взрослыми и могут следить за больным, а потому предлагаю Председателю Области немедленно поставить на вит [sic!] этим зарвавшимся господам ихнее положение»¹²³.

Из дневников Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны мы знаем, как проходили дни в Ипатьевском доме. В показаниях одного из стражей Дома Особого Назначения тоже есть сведения о жизни узников. Они вставали около девяти часов (в 8 час. 15 мин. был обязательный обход Юровского), пили чай с остатками черного хлеба, в три часа садились обедать за общим столом — Царственные Узники и слуги. Равные в несчастье — одна большая семья. Караульные тут же, не снимая верхней одежды, в фуражках, курили, плевались и сквернословили — так они охраняли пленников. В книге Буксгевден мы читаем, как один из караульных (это был сам комиссар Авдеев), когда принесли из столовой, с соседней улицы, еду, увидев на столе котлеты с макаронами, стал, распахивая Государя и Императрицу, накладывая себе прямо с блюда и, забирая тарелку, толкнул Императо-

ра локтем в лицо. Как правило, все охранники были пьяны, главное их занятие состояло в том, чтобы грабить имущество Царской Семьи. Вечерами и ночами на первом этаже в караульном помещении они пили и орали революционные песни.

Ужин был в девять часов вечера, после чего ложились спать. Когда узникам разрешались короткие (пятиминутные) прогулки, Государь на руках выносил своего больного Сына по ступенькам, Его сажали в кресло на колесах и кто-нибудь возил Его (как правило, это был мальчик Седнев, кто-нибудь из Сестер, или сам Государь).

Свидетель А. А. Якимов рассказывал следствию: «Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни “Умер бедняга в больнице военной”»¹²⁴.

9 июля Евгений Сергеевич Боткин начинает свое «Письмо другу Саше», письмо-исповедь, последнее письмо в мир. Он, вероятно, писал его ночами: «он как всегда пишет ночами», — так, как мы помним, рассказывала в своем тобольском письме Татьяне Боткиной Великая Княжна Мария Николаевна.

14 июля Юровский, комендант ДОНа, разрешил священнику Иоанну Сторожеву прийти к узникам отслужить обедню. Утром, около одиннадцати, священник с диаконом пришли в Ипатьевский дом, их провели в зал. В зале находились Император, Императрица,

Наследник, четыре Великие Княжны, доктор Боткин, Анна Демидова, Алоизий Трупп, Иван Харитонов, Леонид Седнев.

В углу стоял Юровский. Он постоянно держал в поле зрения Царственных Узников.

Воспоминания отца Иоанна Сторожева об этом богослужении использовал в своей книге «Император Николай II и революция» И. П. Якобий. О случившемся во время службы он рассказывал так:

«Голоса слугителей раздавались в тревожной тишине. И тут произошло одно из тех мелких событий, все трагическое значение которых выясняется, лишь когда они отошли уже в прошлое; одно из тех таинственных предзнаменований, которые падают как черные тени от грядущей неумолимой судьбы.

По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву “Со святыми упокой”. Почему-то на этот раз диакон вместо прочтения запел, как на панихиде, эту полную скорби, волнующую душу молитву, запел и священник, несколько смущенный таким отступлением от устава, и тотчас услышал, как стоявшая позади Царская Семья опустилась на колени.

Это была Ее молитва в Гефсиманском саду перед страданием и смертью, молитва души, “скорбящей до смерти”, последняя Ее молитва на этой земле...»¹²⁵. Это была и последняя молитва на этой земле и Царских слуг — Боткина, Демидовой, Труппа, Харитонова.

15 июля екатеринбургские начальники прислали в Ипатьевский дом женщин для мытья полов (Марию Скородумову, Вассу Дрогину и других). Видимо, комиссары с помощью этой предварительной уборки стремились впоследствии упростить замечание своих преступных следов.

Великие Княжны стали помогать женщинам. Юровский в это время милостиво разговаривал с Наследником, участливо расспрашивая Его о здоровье. Мальчик доверчиво беседовал с ним. В этот же день монахини Новотихвинского монастыря Мария и Антонина принесли узникам передачу. Может быть, что-то из этой передачи дошло и до пленников. Между тем, Юровский приказал монахиням на следующий день, 16 июля, принести, якобы по просьбе Царской Семьи, 50 яиц и кринку молока. На самом деле он, вероятно, думал о том, чем они, палачи, будут подкрепляться после «трудной работы», которую намеревались совершить в ночь с 16 на 17 июля. Свое приказание Юровский подкрепил запиской, написанной на клочке бумаги. Впоследствии эта записка сыграла большую роль для доказательства предумышленности преступления и лицемерия главного палача. 16 июля утром мальчика Седнева увели из Ипатьевского дома якобы на свидание к его дяде, который будто бы «хочет с ним увидеться».

Евгений Сергеевич Боткин все эти дни, находя свободные минуты, скорее всего, ночами, пишет письмо

«Другу Саше»... Вот это письмо, последняя предсмертная исповедь мужественного и чистого душой человека:

*«[БРАТУ АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ]
г. Екатеринбург, 26 июня (9 июля) 1918 г.*

Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, — по крайней мере, отсюда, — хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать, — мое добровольное заключение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, — умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен, — как хочешь: последствия почти тождественны, т. к. и то, и другое положение имеет свои отрицательные и свои положительные стороны. Если б я был фактически, так сказать, — анатомически, мертв, я бы по вере своей знал бы, что делают мои детки, был бы к ним ближе и несомненно полезнее, чем я сейчас. Пока я мертв только граждански, у детей моих может быть еще надежда, что мы с ними еще свидимся когда-нибудь и в этой жизни, а у меня, кроме того, что мне еще удастся быть им чем-нибудь полезным, но я лично этой надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза. Пока, однако, я здоров и толст по-прежнему, так, что мне даже

противно иной раз увидеть случайно себя в зеркало. Утешаю себя только тем, что раз мне легче было бы быть анатомически мертвым, то значит, детям моим лучше, что я еще жив, т. к. когда я с ними в разлуке, мне всегда кажется, что, чем мне хуже, тем им лучше. А почему я считаю, что мне было бы легче быть мертвым, — поясню тебе маленькими эпизодами, иллюстрирующими мое душевное состояние. На днях, т. е. третьего дня, когда я спокойно читал Салтыкова-Щедрина, которым зачитываюсь с наслаждением, я вдруг увидел в уменьшенном размере, как будто очень издалека, лицо моего сына Юрия, но мертвое, в горизонтальном положении, с закрытыми глазами... Последнее письмо от него было от 22-го марта ст. ст. и с тех пор почтовые сношения с Кавказом, и раньше испытывавшие большие затруднения, вероятно, вовсе приостановились, т. к. ни здесь, ни в Tobольске мы ничего от Юры не получали. Не подумай, что я галлюционирую, подобные видения бывали у меня и раньше, но ты легко себе представишь, каково мне переживать именно **такое** [здесь и далее выделено Е. С. Боткиным, — *примеч. авт.*] и при настоящих условиях, в общем вполне благоприятных, но при невозможности не только поехать к Юре, но даже что-либо о нем узнать. Затем, вчера еще, за тем же чтением я услышал вдруг какое-то слово, которое прозвучало для меня, как «папуля», притом произнесенное, будто, Танюшенным голосом, и я чуть не разрыдался. Опять-таки это не галлюцинация, потому что слово **было** произнесено, голос **был** похож, и я ни секунды не думал, что это говорит моя дочь, которая дол-

жна быть в Тобольске: ее последняя открытка была от 23-го мая — 5-го июня и, конечно, это были бы слезы, чисто эгоистические, о себе, что я не могу слышать и, вероятно, никогда не услышу этот милый мне голосок и эту дорогую мне ласку, которой детишки так избаловали меня. Точно также ужас и горе, охватывающие меня при описанном мной видении, также чисто эгоистические, т. к. если действительно мой сын умер, то он счастлив, а если жив, то неизвестно, какие испытания ему приходится или еще придется переживать. Ты видишь, дорогой мой, что я духом бодр, несмотря на испытанные страдания, которые я тебе только что описал, и бодр настолько, что приготовился выносить их в течение целых долгих лет... Меня поддерживает убеждение, что “претерпевший до конца, тот и спасется”, и сознание, что я остаюсь верным принципам выпуска 1889-го года.

Когда мы еще не были выпуском, а только курсом, но уже дружным, исповедовавшим и развивавшим те принципы, с которыми мы вступили в жизнь, мы большею частью не рассматривали их с религиозной точки зрения, да и не знаю, много ли среди нас и было религиозных. Но всякий кодекс принципов есть уже религия, и нам, у кого, вероятно, сознательно, и у кого и бессознательно, — как, в частности, это было у меня, т. к. это была пора не то чтобы форменного атеизма, а полного в этом смысле индифферентизма, — [этот кодекс принципов, — *примеч. авт.*] так близко подходит к христианству, что полное обращение наше к нему, или хоть мно-

гих из нас, стало совсем естественным переходом. Вообще, если “вера без дела мертва есть”, то “дела” без веры могут существовать и, если кому из нас к делам присоединилась и вера, то это лишь по особой к нему милости Божьей. Одним из таких счастливых, путем тяжелого испытания — потери моего первенца, полугодовалого сыночка Сережи, — оказался и я. С тех пор мой кодекс значительно расширился и определился, и в каждом деле я заботился не только о “Курсовом”, но “Господнем”. Это оправдывает и последнее мое решение, когда я не колебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не колебался по требованию Бога принести Ему в жертву своего единственного сына. И я твердо верю, что, так же как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им Отцом. Но т. к. я не знаю, в чем положит Он их спасение и могу узнать об этом только с того света, то мои эгоистические страдания, которые я тебе описал, от этого, разумеется, по слабости моей человеческой, не теряют своей мучительной остроты. Но Иов больше терпел, и мой покойный Митя¹²⁶ мне всегда о нем напоминал, когда боялся, что я, лишившись их, своих деток, могу не выдержать. Нет, видимо, я все могу выдержать, что Господу Богу угодно будет мне ниспослать. В твоём письме, за которое я еще раз горячо благодарю тебя (в первый раз я старался выразить это в нескольких строках на отрывном купоне; надеюсь, что ты вовремя получил его к празднику, а так-

же мою физиономию — к другому?), ты с драгоценным для меня доверием поинтересовался моей деятельностью в Тобольске. Что же? Положа руку на сердце, могу тебе признаться, что там я всячески старался заботиться “о Господнем, како угодити Господу” и, следовательно, по курсовому, “како не посрамити выпуска 1889-го года”.

И Бог благословил мои труды, и я до конца своих дней сохранию это светлое воспоминание о своей лебединой песне. Я работал изо всех своих последних сил, которые неожиданно разрослись там, благодаря великому счастью совместной жизни с Танюшей и Глебушкой, благодаря хорошему, бодрящему климату и сравнительной мягкости зимы и благодаря трогательному отношению ко мне горожан и поселян. Собственно говоря, Тобольск только в центре своем, правда, обширном, представляет собой город, очень, кстати, живописно расположенный, богатый старинными церквями, богоугодными и учебными заведениями, к периферии же он постепенно и незаметно переходит в настоящую деревню. Это обстоятельство наряду с благородной простотой и чувством собственного достоинства сибиряков придает, по-моему, всем отношениям жителей между собой и не приезжим тот характер непосредственности, безыскусственности и доброжелательства, который мы с тобой всегда так ценили и который создает потребную нашим душам атмосферу. К тому же в городе так быстро распространяются всякие вести, что первые же счастливые случаи, в которых Бог помог мне оказаться полезным, вызвали такое доверие ко мне, что желающих получить мой совет рос-

до с каждым днем вплоть до внезапного и неожиданного моего отъезда. Обращались все больше хронические больные, уже лечившиеся и перелечившиеся, иногда, конечно, и совсем безнадежные. Это давало мне возможность вести им запись, и время мое было расписано за неделю и за две вперед по часам, так как больше шести-семи, в экстренных случаях, восьми больных в день я не в состоянии был навестить: все ведь это были случаи, в которых нужно было очень подробно разобраться и над которыми приходилось очень и очень подумать. К кому только меня не звали, кроме больных по моей специальности?! К сумасшедшим, просили лечить от запоя, возили в тюрьму пользоваться kleптомана и с истинной радостью вспоминаю, что этот бедный парень, взятый по моему совету своими родителями (они крестьяне) на поруки, вел себя все остальное время моего пребывания прилично... Я никому не отказывал, если только просившие не хотели принять в соображение, что та или другая болезнь совершенно выходит за пределы моих знаний. Я отказывался только идти к только что заболевшим, если, разумеется, не требовалась немедленная помощь, так как, с одной стороны, время мое уже было обещано вперед другим, а, с другой, я не хотел становиться на пути постоянных врачей Тобольска, который очень ими счастлив и в количественном, а главное, в качественном отношении. Все это очень знающие и опытные люди, прекрасные товарищи и настолько отзывчивые, что публика Тобольска привыкла присылать прямо лошадь или извозчика к доктору и тотчас же его получить. Тем более цен-

но и ее терпение относительно меня, который не в состоянии был исполнять такого рода требования, а, напротив, вынужден бывал заставлять их подолгу ждать. Правда, так как скоро стало известно, что я никому не отказываю и слово свято держу, больные могли ожидать меня со спокойной душой. Если же болезнь не позволяла ждать, то больные или обращались к местным врачам, что меня всегда радовало, или к доктору Деревенко, который тоже пользовался большим доверием, или отправлялись в больницу; таким образом случалось, что, приехав в заранее назначенный мною день и час, я уже не заставал болящих, но это только всегда бывало на руку, так как большею частию программу приходилось составлять столь обширную, что я не всегда мог ее выполнить, образовывались иногда долги, которые я выплачивал, когда кого-нибудь не заставал. Принимать в том доме, где я помещался, было неудобно, да и негде, но все же от 3 до 4¹/₂ — 5 я всегда бывал дома для наших солдат, которых исследовал в своей спальне, комнате проходной, но т. к. через нее проходили лишь свои же, то это их не стесняло. В эти же часы ко мне приходили мои городские больные — либо для повторения рецепта, либо для записи. Приходилось делать исключение для крестьян, приезжавших ко мне из деревни за десятки и даже сотни верст (в Сибири с расстояниями не считаются) и спешившими обратно домой. Их я вынужден бывал исследовать в маленькой комнатке перед ванной, бывшей несколько в стороне, причем диваном мне служил большой сундук.

Их доверие меня особенно трогало, и меня радовала их уверенность, которая их никогда не обманывала, что я приму их с тем же вниманием и лаской, как всякого другого больного, и не только как равного себе, но и в качестве больного, имеющего все права на все мои заботы и услуги. Кто из них мог переночевать, того я на следующее утро пораньше навещал на постоялом дворе. Они постоянно пытались платить, но т. к. я, следуя нашему старому кодексу, разумеется, никогда с них ничего не брал, то, пока я был занят в избе с больным, они спешили заплатить моему извозчику. Это удивительное внимание, к которому мы в больших городах совершенно не привыкли, бывало иногда в высокой степени уместным, т. к. в иные периоды я бы не в состоянии был и навещать больных вследствие отсутствия денег и быстро возрастающей дороговизны извозчиков. Поэтому в наших обоюдных интересах я широко пользовался другим местным обычаем и просил тех, у кого есть, присылать за мной лошадь. Таким образом улицы Тобольска видели меня едущим и в широких архиерейских санях, и на прекрасных купеческих рысаках, но еще чаще потонувшим в сене на самых обыкновенных розвальнях. Столь же разнообразны были и мои друзья, что, может быть, и не всем нравилось, да мне-то до этого никакого не было дела. К чести Тобольска должен, впрочем, оговориться, что прямых указаний на это никаких не было, да и косвенных было всего одно, к тому же оно и не бесспорно. Приехал как-то вечером ко мне муж одной из моих пациенток с

просьбой безотлагательно навестить ее, т. к. у нее сильные боли (в животе). По счастью, я мог исполнить его желание, правда, за счет другой больной, но которой я не обозначил своего посещения, и поехал с ним на дом на извозчике, с которым он ко мне приехал. Дорогой он начинает ворчать на извозчика, что он не туда едет, на что тот ему резонно от...»¹²⁷.

Последнее письмо Евгения Сергеевича убийцы оборвали на полуслове. Оно не было отправлено.

Спустя несколько десятилетий, после развала коммунизма, письмо прочел его внук Константин Константинович Мельник-Боткин. Тогда и начала складываться эта книга, редактором которой является Константин Константинович, — прямой потомок врача-мученика, верного «даже до смерти» слуги своего Государя.

Заключение

Четыре опоры

В Царском Селе, если зайти за Феодоровский собор, можно увидеть на лужайке четыре дуба. Говорят, прежде их было семь. Но во время Великой Отечественной войны три дерева будто бы выкопали с корнями немецкие оккупанты и куда-то увезли.

Весной 2007 года, накануне праздника Феодоровской иконы Божией Матери, парк чистили, прибирали прохожане. Одна милая женщина, укутанная от сильного ветра в платок, хозяйничала невдалеке от дубов у костерка, сжигая собранный ею прошлогодний мусор. Она привычно пользовалась костылем, ловко передвигалась, при этом делаясь с нами самым сокровенным: «Эти деревья сажала Царская Семья. Каждый по саженцу, всего их было семь дубочков. Осталось только четыре. Это святое место. Да вы зайдите за ограду. Зайдите, дотроньтесь до коры — она теплая, обнимите стволы, постоит, в небушко посмотрите сквозь ветки».

Ветер раскачивал ветви, быстро-быстро по совсем уже весеннему синему небу гнал облака. Мощные, четко очерченные стволы выделялись на фоне белоснежного

Деревья, посаженные Царской Семей рядом с Феодоровским собором в Царском Селе. Фото Д. К. Ковалевского

Феодоровского собора. Четыре дуба набирались сил, глубоко из-под земли их корни собирали живую родниковую воду, питая просыпающиеся после зимы деревья, чтобы затем они, их распустившиеся кроны, тихо, незаметно и бескорыстно наполнили нашу земную атмосферу живительным и свежим воздухом. И тогда у нас вдруг мелькнула неожиданная мысль: «Четыре дуба, четыре опоры, — ведь это самая лучшая, самая надежная, даже если обратиться к категориям физики, поддержка: у стола, у стула, у кровати — у самых нужных вещей, что служат человеку, — четыре опоры. Неизвестно, какие, кем

посаженные деревья, увезли немцы, какие остались расти у Феодоровского собора, но, может быть, сегодня они могут послужить для нас в определенном смысле символом — своеобразным живым памятником Боткину, Демидовой, Труппу, Харитонову — единственным людям, оставшимся с Царской Семьей до последнего мгновения. Эти простые, зачастую совсем незаметные люди были с ними, помогали, поддерживали, заботились. В Царском Селе, в Тобольске. В Екатеринбурге.

И вместе приняли смерть, разделив судьбу Царственных Узников.

Каждый из них был по некоей дворцовой «табели рангах» в самой близости от Царской Семьи. Достаточно посмотреть на их должности: врач, повар, комнатная девушка, камердинер.

«Камердинер» (комнатный, состоящий при покоях служитель), «комнатная девушка»; вообще «слуга»... Рассматривая эти слова, В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» дает им среди прочих объяснений и такое толкование: «окольный слуга», «состоящий при особе», «служитель в доме», «при лице», «состоящий в домашнем услужении». И тут же, как всегда, приводит примеры — несколько народных пословиц: «Царь без слуг, как без рук», «Где Царь (князь), там будет и слуга его», «Верный слуга Царю всего дороже». Именно среди таких пословиц, в которых говорится о верных слугах и их служении, встречается и та, что приводит Евгений Сергеевич Боткин в своей книге о Рус-

ско-японской войне: «За Богом молитва, за Царем служба не пропадет».

Верные слуги... Не просто преданные и честные — за время совместного заточения они *духовно сроднились* с Царской Семьей. Однажды в Тобольске наступил день, когда Императору пришлось записать в дневнике: «14/27 февраля [1918 г., — примеч. авт.] Среда. Приходится нам значительно сократить наши расходы на продовольствие, и на прислугу [...] и кроме того, пользование собственными капиталами ограничено [...] Все эти последние дни мы были заняты высчитыванием того минимума, кот[орый] позволит сводить концы с концами.

15/28 февраля. Четверг. По этой причине приходится расстаться со многими из людей, так как содержать всех, находящихся с нами в Тобольске, мы не можем. Это, разумеется, очень тяжело, но неизбежно. По нашей просьбе Татищев, Валя Д[олгоруков] и m-r Gilliard взяли на себя хлопоты по хозяйству и заведыванию остающимися людьми, а под ними камердинер Волков»¹²⁸.

С болью прощалась Царская Семья с теми, с кем сроднилась за все это время, перенеся вместе столько трудных дней. Это касалось каждого, кто покидал Их Величеств. Так, очень тяжело было прощаться с няней А. А. Теглевой, которую Дети очень любили и к которой были искренне привязаны.

В статье «Русский инок», вошедшей в современное издание книги игумена Серафима (Кузнецова) «Право-

славный Царь-Мученику», рассказывается о доблести старых Государевых слуг, явившейся при этом расставании: «Сказал Государь со слезами на глазах и любимому Своему слуге старику Чемодурову: “Жаль Мне тебя, старик, ты верно служил и искренне любил Меня, и Я тебя взаимно любил, но горькая нужда вынуждает и с тобой, Мой друг, расстаться. У Меня уже нет возможности содержать и тебя, а потому, что делать, иди, мой милый, куда хочешь на свободу, не забывай Меня и Мою Семью”. Эти слова Царя-Страстотерпца тронули старика, и он горько заплакал: “Я с Вас ничего не хочу, — сказал старик. — Я вижу Ваше бедственное положение, я все свои скудные средства отдам на содержание себя и Вас. Всегда я был верным Вам. Хочу быть таковым до конца. Я от Вас не уйду”.

Такой ответ верного и любимого старика растрогал еще больше Государя. После минутного молчания Государь подошел к старому Чемодурову, обнял и поцеловал его. Старик остался верен своему слову, он был при Государе до конца, пока насильно не был взят в Екатеринбург»¹²⁹.

За многие десятилетия двадцатого века сознание русских людей подверглось такому жуткому массированному давлению, им так изощренно манипулировали, что некоторые представления, навязанные «строителям коммунизма», крепко въелись в сознание их внуков и правнуков и по сегодняшний день.

Так, например, слова «слуга», «служить» получили после 1917 года исключительно негативный оттенок: «У нас теперь слуг нет — все теперь господа» — вот расхожее утверждение Шарикова, неожиданно ставшего хозяином жизни. А потому и утверждение, что «всякая кухарка может управлять государством» стало лозунгом, возвещавшим непререкаемую истину. Возникло и другое, нынче известное выражение: «слуга народа», ставшее в современной России воплощением лжи и фарисейства.

Между тем, служить друг другу заповедано нам Самим Спасителем: «А кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20, 26). Подавая пример служения друг другу, Господь Иисус Христос, как слуга, омыл ноги своим ученикам перед Тайной Вечерей. Или другой пример: когда Спаситель вошел в Капернаум, «к Нему подошел сотник и просил Его: «Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его» (Мф. 8, 5–6). Три евангелиста (Матфей, Марк и Лука), рассказывая этот эпизод, передают за очень емкими и в то же время скупыми строками волнение сотника за больного слугу; для него не просто обратиться к Иисусу — Он всегда в толпе, среди людей, много просящих и страждущих, просителю трудно побороть великое смущение перед Тем, Кого все называют «Учитель», но он преодолевает свое смущение, дерзает просить, ибо очень беспокоится о страдающем слуге (вспомним: «Верный слуга — всего дороже»).

Наконец, святой апостол Павел в Послании к Галатам произносит свои знаменитые слова, так много говорящие о духовном значении служения ближнему: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6, 2).

И, наверное, это, заповеданное нам в Священном Писании наставление — служить друг другу — вошло даже в языковую и литературную норму русского языка. В прежние время подписывались: «Ваш покорный слуга» или «Готовая к услугам». Производным от этих слов было выражение: «Покорнейше прошу». Обращение: «Милостивый государь». К сожалению, сегодня эти замечательные слова ушли из нашей устной и письменной речи.

Вся русская классическая литература — Гоголь, Достоевский, Лесков и многие другие писатели — рассказывают о людях, которые служили. В департаменте, чиновником особых поручений, письмоводителем, врачом, учителем, управляющим имением, приказчиком... О солдате говорилось «служивый». Заметим, что, например, известная фраза Грибоедова, вложенная им в уста Чацкого в комедии «Горе от ума», «Служить бы рад, прислуживаться тошно» — не более как протест против неискренности в этом служении, против подхалимства, обмана и фарисейства.

В сохранившемся дневнике протоиерея Афанасия Беляева, который с марта по июль 1917 года несколько раз исповедовал Царскую Семью (их постоянный духовник,

отец Александр Васильев, был болен и не смог прийти во дворец), есть замечательное свидетельство о Царских слугах, правда, косвенное, как доказательство от противного. 2 марта 1917 года о. Афанасия пригласила Императрица Александра Феодоровна, чтобы отслужить молебен о здравии тяжело болевших Детей перед чудотворной иконой Божией Матери «Знамение» Царскосельской, которую обычно всегда приносили во дворец из Знаменской церкви Царского Села. Священник выполнил свою обязанность. Через несколько дней, 9 марта, после приезда Государя, он оказался арестованным, как все, кто в этот момент были во дворце, потом его освободили. Тем не менее, вплоть до отъезда Их Величеств с Детями в Тобольск он продолжал приходить во дворец, служить Литургию, молебны, исповедовать Царскую Семью. И на страницах дневника мы можем видеть, как в его душе происходит удивительная перемена. Вначале о. Афанасий и в самом деле выполнял свой долг лишь по обязанности, томительно ждал освобождения, был, конечно, обескуражен арестом, даже несколько испуган, скучал о своей семье. Первое время он много думает о политике, пишет, что дает «советы» Императору — как Тому следовало бы поступать.

Но постепенно, по мере того, как отец Афанасий все внимательнее наблюдает за Императором, Императрицей и Детями, личное и сиюминутное в его рассуждениях отходит на задний план. Всякий раз его трогает благодарность Государя за сказанную проповедь, он поражается

Икона Божией Матери «Знамение» Царскосельская

Его спокойствию, тому, с каким достоинством держится Государыня, Великие Княжны, и постепенно начинает понимать что-то такое, что раньше от него ускользало. Он начинает проникаться сочувствием, любовью к Импера-

тору, Императрице и Их Детям, которые потрясают его своей чистотой, трогательной нежностью по отношению к родителям, высокой нравственностью. И он, если так можно понять его дневник, — прозревает¹³⁰.

Неудивительно поэтому, что те давно уже находившиеся при Их Величествах слуги, о которых мы рассказываем, прекрасно понимали, Кому они служат, и были безгранично преданы Царю и Его Семье. Трупп, Демидова, Харитонов служили Царю уже почти двадцать лет. Боткин — десять. Они не были «медлительны сердцем», «имеющие очи видели». Можно сказать, что, будучи «последними» по своему влиянию в царском окружении, в череде сановников и вельмож всякого ранга, они, в конце концов стали «первыми», самыми близкими к Царской Семье людьми, разделившими с Ней заточение, ссылку, страдания и мученическую кончину.

Четверо слуг — Е. С. Боткин, А. С. Демидова, А. Е. Трупп, И. М. Харитонов, несмотря на предложение большевиков оставить Царскую Семью (это было уже перед самым расстрелом в Ипатьевском подвале) и получить свободу, — отказались покинуть своих державных Хозяев.

Последние заботы царских слуг были посвящены здоровью Их Величеств и Царских Детей. Как мы уже говорили, на протяжении 1917–1918 годов Они нередко болели. Великие Княжны в марте 1917 года переболели корью, с серьезными осложнениями, в Тобольске они болели краснухой, были подвержены постоянным про-

студам. Очень серьезно болел Цесаревич, у Императрицы Александры Федоровны сдавало сердце. Государь носил на руках своего больного Сына и тоже иногда вынужден был проводить время в постели. Демидова, Трупп, Харитонов... Мы ничего не знаем о состоянии их здоровья. Они держатся.

Больше всего работы было, конечно, у Боткина. Вспомним еще раз: он, преодолевая мучительные приступы почечных колик, пишет письма комиссарам, постоянно «выбивает» для Царской Семьи лишние часы, минуты пребывания на свежем воздухе, добывается приглашения священника. И последнее письмо его свидетельствует о том, что он мыслит и чувствует со всей полнотой и силой своего пламенного неугасимого духа.

Несомненно, служение врача своему ближнему является наиболее ответственным, в чем-то приближающим к служению священника. То, что врач обладает совершенно особыми знаниями, лечит, спасает от болезни, иногда очень опасной, и даже смертельной, то, что он так же, как анатомию, должен знать душевный мир пациента, конечно, ставит его в особое положение. И потому в своих лекциях Евгений Сергеевич преподавал студентам не только медицинскую науку, но проповедовал поистине христианскую любовь к каждому больному, убеждая, что врачу, сражаясь с болезнью, надо обязательно лечить и его душу.

Кроме того, Евгений Сергеевич Боткин — доктор медицины, приват-доцент Военно-медицинской академии,

действительный статский советник (что соответствует чину генерал-майора) был не только выдающимся врачом, но и талантливым писателем, блестяще владеющим словом, очень способным пианистом, то есть, человеком во всех отношениях незаурядным. Он, безусловно, был духовным центром этой большой семьи, состоявшей из одиннадцати человек, советчиком и поддержкой каждого. Он знал, как облегчить моральную и физическую тяжесть.

В то же самое время в своем последнем служении Царской Семье все Их верные слуги оказались равными. Равно, одинаково, они стояли перед лицом неминуемой гибели, находясь в одном застенке, равно служили опорой и поддержкой Царской Семье. И все вместе оставались одной семьей, преданной своему Государю даже до смерти. Им, четверым, Господь судил славную кончину, венчая их с Царем, Царицею и Царскими Детями мученическим венцом.

Сегодня, вспоминая убиенных в Ипатьевском подвале, не будем забывать и о тех, кто хотел служить Их Величествам до конца дней своих и действительно служил им верой и правдой. В своем дневнике Император Николай II постоянно вспоминал о Нагорном и Седневе, которых арестовали 27 мая 1918 года. Никто не знал, что их расстреляли в тот же день.

Пули безумцев, пущенные по указке врагов Божиих, врагов рода человеческого, оборвали жизни самоотвер-

женных, верных людей — достойнейших представителей человечества, отдавших жизни «за други своя». Конечно, имена их не забыты у Господа: Анастасия (Гендрикова), Василий (Долгоруков), Климентий (Нагорный), Иоанн (Седнев), Леонид (Седнев), Илья (Татищев), Терентий (Чемодуров), Екатерина (Шнейдер)...

А чудом спасшиеся — София Буксгевден, Алексей Волков, Пьер Жильяр и Сидней Гиббс послужили Царственным Страстотерпцам своими бесценными свидетельскими показаниями и изданными воспоминаниями.

Сидней Гиббс долгое время жил в Китае, в 1934 году перешел в Православие, и потом принял монашеский постриг с именем Николай. В 1938 он вернулся в Англию, после Второй мировой войны основал в Оксфорде православный храм. Умер в 1963 году в сане архимандрита.

В то время как в Советском Союзе разрушали церкви, а в ГУЛАГе погибали священники, в далекой и чужой стране, на созданном одним из Царских слуг православном приходе, в храме, у алтаря возносилась молитва об Императорской Семье, о Ее верных слугах и о России — чтобы она опамятавалась и возродилась.

Некоторые исследователи истории гибели Царской Семьи считают, что Царские слуги были убеждены — пока они находятся рядом с Царем и Его Семьей, Хозяевам ничего не угрожает, при них не посмеют совершить беззаконие. Слуги думали, что они, представители, как тогда говорили, «трудового народа», являются гаранта-

ми безопасности Их Величеств. Вероятно, они могли придерживаться подобного мнения, но, как мы знаем, палачей не остановило ничто. И только теперь их упование начинает исполняться. Сегодня, после того, как почти целый век Царственные Мученики были оболганы и оклеветаны, Царские слуги, разделившие трагическую судьбу своих Хозяев, дают нам глубокое, истинное понимание того, что представляли собою Царь «с Царицею, и Чадъ», и они сами.

ЧАСТЬ II

«ДОБРОВОЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСКОЕ ПОКАЗАНИЕ ПЕРЕД СУДОМ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»

Д-р Евг. Серг. Боткин
СВЕТ И ТЕНИ
РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ^{*}
1904—1905 гг.
(Из писем к жене)

Печатается по изданию: Д-р Евг. Серг. Боткин. Свет и тени Русско-японской войны. 1904—5 гг. С-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. (Сохранена пунктуация оригинала (автора)). Экземпляр книги, с которого перепечатывался текст в данном издании, содержит дарственную надпись: «Дорогой сестре Будаговой от искренно ей признательного и преданного Ев. Боткина». Будагова была сестрой милосердия из «Общины сестер милосердия св. Георгия».

Д-ръ Евг. Серг. Боткинъ.

СВѢТЪ И ТѢНИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

1904—5 гг.

(Изъ писемъ къ женѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28

1908.

Евгений Сергеевич Боткин был приглашен на должность лейб-медика Императора Николая II в 1908 г., после того как Императрица Александра Феодоровна прочитала только что вышедшую из печати книгу «Свет и тени Русско-японской войны. Из писем к жене», созданную им вскоре после окончания военных действий.

Это произведение — фактически, исповедь военного врача — как ничто другое свидетельствует о высоких профессиональных и нравственных качествах автора. Оно, по нашему мнению, и послужило одной из основных причин царского выбора.

Прочтем же, вслед за Государыней, эту исповедь.

Предисловие

Решаясь напечатать отрывки из своих писем с театра войны, я, как само собою разумеется, отнюдь не думал, что собрал в них все лучи света, мощными снопами повсюду прорывавшегося сквозь безнадежный мрак нашей минувшей несчастной кампании, или что со сколько-нибудь исчерпывающей полнотой настлал те тени, из которых образовался этот мрак. Я хорошо понимаю, что набросал только ряд светлых и темных пятен, которые попадались на моем пути от начала и до конца войны.

Но мне представляется, что, если бы все, бывшие на этой войне, поступили так же и все, сохранившие о ней свои заметки или письма, сделали бы их достоянием желающих, то из всего множества фактических данных, которое этим путем бы накопилось, и составила бы наиболее яркая и верная картина пережитого Россией испытания.

Правда, условия походной жизни и интенсивной работы чрезвычайно препятствовали более систематическому и подробному изложению дел и событий. Поэтому, понятно, и мне далеко не все удалось записать из того, что я видел и слышал, — да и немало из написанного я предпочел, готовя свои письма к печати, выпустить:

инное успело уже устареть за те два с половиною года, которые отделяют нас от Портсмутского мира, другое, — напротив, еще слишком свежо и остро, — многое, наконец, представляет совершенно частный или личный интерес.

Особенную строгость проявил я при этом ко всяким слухам, стараясь по возможности их избегать, так как, по обыкновению, они были большею частью или слабо или даже вовсе не обоснованы: в настоящее время, когда мы видим огонь без дыма, не надо удивляться, что, вопреки пословице, и дым бывает нередко без огня.

Предлагаемые же отрывки, хотя первоначально и не предназначались для печати, появляются именно в том виде, как они были написаны мною под свежим впечатлением, и представляют собой, таким образом, добровольное свидетельское показание перед судом общественного мнения.

Ев. Боткин
С.-Петербург,
1 марта 1908 г.

І. В пути

18-е февраля 1904 г.

Мы едем весело и удобно. Все едут за одним делом; все военные совершенно покойно настроены; нет никакого разговора о возможных опасностях, все даже веселы, и большинство рвется на войну.

По мере приближения к Сибири становится все теплее. На станциях я выхожу иногда в одной тужурке, в башлыке и папахе. Сейчас здесь, в Челябинске, 9⁰ мороза, воздух чудный, дорога прекрасная, солнце светит, и лошадка летела стрелой. Интересно было посмотреть этот маленький городок, в котором, однако, все можно найти.

Преобладающее ощущение — будто со старой жизнью у меня все порвано, и я начал новую; будто все, что было, осталось в прошлом, или было только сном, — что нет у меня ни семьи, ни Общины¹, ни старых друзей, и что предстоит что-то новое, неведомое. Конечно, это чувство объясняется только полной отрезанностью от вас, отсутствием всяких о вас известий — и несомненно только временное; но не один я испытываю его, а также и капитан К., оставивший жену и пять человек детей, причем младшему год с небольшим. Первые дни он очень

грустил, особенно по утрам, а добрейший капитан Л., холостяк, помещающийся в одном с ним купе, участливо спрашивал его:

— Чем бы мне развлечь вас, голубчик?

Генерал Р. обедает за нашим «красно-крестным» столом и ко всем нам относится удивительно мило. Ложась раньше всех, он первый и встает, и, зная, что предоставленные себе, мы рискуем проспать даже обед, будит нас, предупреждая о больших станциях.

— Доктор, извольте приказать себе встать! — разбудил он сегодня меня. — Через полчаса Каинск², и мы стоим там 35 минут.

Днем он сегодня над картой Маньчжурии обсуждал различные возможности нападения японцев, и это было очень интересно. К нам присоединился еще один офицер, хорошо знающий китайцев и их язык; сегодня я учился у него этому языку и с интересом слушал его рассказы. «Ига, лянга, санга, сыга, уга, люга, чига, пага, дзюга, шига» значит: 1, 2, 3... 10. Встречаясь с новым человеком, китаец спрашивает его: «Как твое дорогое имя?»; потом, вместо привета, спрашивает: «Кушал ты или не кушал?» Отвечаешь: «Кушал», т. е.: «Чи Фан ля». Потом задает вопрос: «Сколько прекрасных солнц и лун заключает в себе твоя семья?», на что полагается отвечать: «Грязных поросят у меня столько-то» (число детей и т. д.). Чем возвышеннее и любезнее его вопрос, тем униженнее должен быть ответ.

В Каинске встретили мы скорый поезд, в котором уез-

жали женщины и дети. На площадке одного вагона мы увидели милого мальчугана шести лет, с которым разговорились.

— Как тебя зовут?

— Адя.

— Значит, Аркадий?

— Да нет, Адя!

— Да коротко что-то.

— Ну, Андрей Сергеевич.

— А фамилия?

— Гонзин.

— Откуда едешь?

— Из Порт-Артура³.

— Бомбардировку видел?

— Видел.

— Не страшно было?

— Не-ет.

— Даже забавно было?

— Да, забавно.

— Что же, ты проснулся от шума?

— Да нет, ведь они и утром продолжали.

— А близко упала бомба?

— Нет, они падали в старом городе, который на берегу, а мы жили в новом, который подальше.

Славный мальчик Адя. Когда поезд тронулся, он мне ласково кивал с платформы, и я еще раз пожал его лапку. Видимо, и на взрослых бомбардировка не произвела особого впечатления.

Наше время все больше и больше разнится от вашего: вчера уже мы опередили вас почти на три часа.

21-е февраля 1904 г.

Сегодня ночью приезжаем в Иркутск, где я и опущу, вероятно, это письмо. Простое там, кажется, часов пять с половиною, и в этом чудном поезде к 9 ч. утра будем подвезены к Байкалу. Это огромное удобство, которое нам выхлопотал милейший Вас. Вас. Уф, начальник поезда, всю дорогу нас оберегавший и опекавший.

Третий день равнина сменилась умеренными возвышенностями с очень недурным сосновым и, отчасти, березовым лесом, но местные жители ничего этого не снимают, увлекаясь своими зданиями. В настоящее время мы едем по району богатых угольных залежей, здесь же — родина нефрита и графита. Знаменитый Alibert⁴ имел здесь большое дело и роскошный дворец, но однажды уехал — и более, говорят, не возвращался. Что с ним случилось — здесь никто не знает.

24-е февраля 1904 г.

Только вчера телеграфировал тебе о переезде через Байкал, так как в Танхое, куда привезли нас, телеграфа нет, и мы ушли оттуда уже поздно, в первом часу ночи. Самый переезд был удивительно приятен. Мы ехали в больших кошевах по двое, где обыкновенно едут втроем, и было удобно до чрезвычайности. Я надел на рубашку шерстяную фуфайку, затем жилет, тужурку, лет-

нее пальто, башлык на шею, папаху, доху, рукавицы, а на ноги — бурочные сапоги и валенки. Во всем этом я едва дышал — так было жарко. Погода мягкая, кругом по горизонту величественные горы, окружающие громадную площадь снега, прорезанную тут и там вагонами; они идут по рельсам, но с помощью саней, которые везут две лошади. Нужно признаться, что везут они очень тихо, и никто, как будто, за ними не наблюдает.

Нашего кучера, бурята, пятнадцатилетнего Ивана, подгонять не приходилось и, несмотря на чахлость своих трех лошадок, он совсем незаметно промчал нас до станции «Середина», стоящей на 25-й версте по середине озера. Дорогой я сладко дремал, и, когда открывал глаза, мне казалось, что я вижу чудную северную сказку.

Станция Середина — большой деревянный барак, снутри обитый войлоком и отлично отопленный. По стенам стоят длинные столы и скамейки. Закуска предлагается даром. Здесь мы встретили ряд обитателей Владивостока, покинувших его еще до бомбардировки. Между прочим, ехали две сестры, с одной из которых было семь человек детей: старший гимназист, а младшему — три недели, и мать сама его кормит. Мало того, они везут еще с собой четырехмесячного щеночка, который еще меньше, чем самый младший член семьи. Едут они очень благополучно. Такие семьи рассаживаются в кошевах иначе, чем мы, не на сиденье, а прямо на дно ее, так что за ее высокой спинкой они должны быть очень хорошо защищены от ветра.

Оставшиеся двадцать две версты пролетели еще незаметнее; мы обгоняли войска, не иззябшие, а шедшие бодро и весело. Ближе к берегу, к пристани Танхой, мы стали встречать обозы Красного Креста, сперва Евгениевской Общины⁵, а потом и нашей, Георгиевской.

Следующие два дня, как я уже писал, прошли значительно вялее, но о голоде, все-таки, и речи быть не могло, так как каждый день были станции с недурными буфетами для завтраков и обедов. Поезд стоял всегда достаточно, чтобы все могли насытиться, и цены совсем обычные, но каждую порцию приходилось добывать с боя, с постоянным риском или облить кого-нибудь щами, или самому быть облитым. «Услужаящие» проявляли чудеса своего искусства: только что ты уберегся от фазана, который пронесли над твоей головой, ты чувствуешь, что кто-то толкает тебя в ноги, и замечаешь, что между ними мальчишка проносит тарелку супа. Сегодня утром приехали мы в Маньчжурию.

II. В Харбине⁶

1-е марта 1904 г.

Итак, с невероятной быстротой мы долетели вчера до Харбина. Осталось самое светлое воспоминание обо всем путешествии и обо всех спутниках.

В Харбин мы приехали — как к себе домой. На вокзале нас встретили знакомые врачи и студенты. Алексан-

дровского⁷ и меня повез к себе доктор Ф. А. Ясенский, старый приятель Александровского. Мы сразу попали в уютную, теплую, благоустроенную квартирку старого холостяка и очень милого и гостеприимного человека. Поболтав до трех часов утра за кипящим самоваром, я улегся в кабинете, который уступил мне любезный хозяин.

Утром всей компанией Красного Креста ездили смотреть дома, намеченные для нашего управления и сестер милосердия, и затем все поехали с визитами к здешним властям; я же, не имея еще мундира, отщепился, когда ехали мимо хорошего парикмахера-француза. У него отличное atelier* с громадным трюмо на пять кресел, выписанным из Парижа, в самом современном стиле. И это где же? — в Харбине! Пока я стригся, пришли два призванные из запаса, косматые и грязные, и пока одного стригли, другой его подзадоривал и говорил:

— Остригите его машинкой! Обрейте ему усы!

— Валяй, брей мне усы!

— Не надо, — говорит француз.

— Прошу тебя, брей, — трудно что ли?

И вышел он актер актером.

6-го марта 1904 г.

Сегодня председательница местного комитета Красного Креста, К. А. Хорват, устроила Красному Кресту дневной спектакль в китайском театре Николая Ивано-

* Ателье (франц.).

вича Ти-фун-тая. С китайским театром я познакомился вчера вечером, побывав вместе с друзьями даже в двух театрах в один вечер. Это — большие деревянные сараи с партером и ложами в верхнем коридоре. Нижний составляет что-то вроде мест за колоннами. Мы получили лучшие места в одной из лож против сцены, и это стоило нам по 60 коп.

Партер уставлен маленькими четырехугольными столиками, за которыми сидят грязные и неблаговонные китайцы. На столиках, так же как и на деревянных перилах лож, стоят чашки, покрытые блюдецками, с насыпанным уже чаем. Чай этот наливается кипятком, долго не настаивается, остается мутным и сильно пахнет пылью. Во все время представления посетителей обносят сластями (за деньги) и между прочим обсахаренными китайскими (райскими) яблочками на тоненьких палочках. Мы пробовали только их и остались ими очень довольны. Китайцы все время едят и пьют; по временам в партере поднимается пар — это принесли темно-серые, по-видимому, до крайности грязные, смоченные в кипятке салфетки, которые и раздаются публике. Китаец обтирает себе салфеткой руки, потом губы, потом лицо и иногда перекидывает салфетку другому. Затем салфетки отбираются, снова смачиваются и через некоторое время опять приносятся.

На сцене происходит совершенно непонятная кутерьма; люди входят и выходят, все в красивых китайских костюмах, и отчаянно выкрикивают и вывизгивают свои роли;

актерам и актрисам, которым особенно много приходится кричать и визжать, подносят тоже время от времени чай. Лицедеям приходится действительно сильно надирать голос, так как они должны все время покрывать неустанно действующую музыку. Оркестр в этих театрах несложный: один играет на инструменте, подобном скрипке, но с одной струной; другой бьет, когда нужно, в барабан, третий — в тарелку и кастаньеты, четвертый — в гонг, а пятый весь вечер неутомимо колотит двумя деревянными палочками по какой-то деревянной наковальне. Вся эта какофония не имеет большею частью никакого мотива и, смотря по действию, то становится чуть потише, то бьет во всю. Изредка раздается рожок или род флейты. Артисты кричат и визжат в унисон с оркестром, так что долго выдерживать эту музыку совершенно невозможно. Китайцы же смотрят с большим вниманием целыми часами подряд и иногда выражают свое одобрение громким рыком: «хау, хау», что значит — хорошо. Недурно выходят различные декоративные сцены и группы, да комики играют с выразительностью, причем у них нос и окружность глаз непременно вымазаны белым. Актрисы страшно накуманы, даже ладони намазаны красным, а мужчины почти все с привязанными бородами, покрывающими и рот. Но часто женщины играют мужские роли, а юноши — женские. Декораций не было никаких, и все изображалось жестами: когда должна была выйти чудная китаянка, комик сделал движение, будто поднимает ворота и потом опустил их за нею; когда хотели изобразить, что поехали верхом, взяли какие-

то палочки и помахивали ими; когда поплыли по воде, взяли весло и гребли по воздуху. Совсем — игры нашей детворы. Иногда эта передача действия переходит в большой реализм.

Сегодня мы все сидели в партере за длинными столами; театр был устлан коврами. Тем не менее, и несмотря на пальто, ноги у нас замерзли, я прозяб и, будучи не в состоянии выносить музыкального шума, готов был уйти, — когда прислуживавшие нам китайские полицейские стали расставлять бокалы, рюмки, затем раскладывать вилки, наконец, ножи. У меня был аппетит, и я остался. На больших деревянных подносах принесли закуску, уже разложенную на блюдечки. На каждом из них лежало четыре сорта закуски, а всего их было семь, причем все было нарезано маленькими кусочками: кроме омара (с кислым и сильным запахом), ветчины, курицы, какой-то копченой рыбы, — здесь была прессованная икра (очень вкусная), семи-летние куриные яйца, консервированные в извести, с темно-зеленым слоистым желтком и темно-коричневым студенистым белком (тоже вкусные), маринованный бамбук (недурно) и отвратительная морская капуста, какие-то студенистые червячки. Когда было замечено, что закуски кончаются, принесли еще по блюдечку. После этого в чашках подали суп из ласточкиных гнезд; это оказался прекрасный куриный бульон, с густой, как войлок, студенистой вермишелью, — это-то и были вываренные ласточкины гнезда, — по мне невкусные, но Ш. и их съел дотла и еще другую порцию взял у сестры; я тоже с удовольстви-

ем выпил бульон из чашки соседа, которого чуть не стошнило при одной мысли, что это — ласточкины гнезда.

После этого наши сестры поднялись, и все стали расходиться. Все это угощение было приготовлено здешним китайским генералом Джоман, который принимал гостей вместе со своей женой. Были и другие важные китаянки, все очень старательно причесанные, с цветами и разными украшениями в волосах. Каждую из них вводила в зал ее служанка, при приезде их обе двери открывались настежь, и генерал звал свою жену, которая шла гостям навстречу.

Приветствуют китайцы друг друга без больших церемоний, а складывают руки лодочкой и немного потряхивают ими по воздуху; чем больше уважения заслуживает та, которую приветствуют, тем ниже опускаются руки; девушки и дети при этом приседают, и чем они моложе, тем ниже. Некоторые гости пришли со своими маленькими и очень миленькими, притом красиво одетыми, китайчатами, с которыми обращались с большой нежностью. Уходя, я заметил, как одну из этих деток кормили ласточкиными гнездами, «вправляя» ей в рот, по меткому выражению одной из сестер, эту вермишель серебряной палочкой. Накануне я видел, как одной из актрис, сидевшей в боковой ложе, принесли грудного китайчонка; она нежно завернула его в свой халат, целовала и передала затем сидевшей с ней рядом женщине, которая тут же и покормила его грудью. В общем, китайцы имеют добродушный вид, некоторые даже недурны

собой; к нам относятся с благодушием, но кто знает, что у них в действительности в душе?!

13-е марта 1904 г.

Харбин стал препорядочным городом. Он раскинут на большом пространстве и делится на три части. Так называемый Новый Харбин вырос, разумеется, около железнодорожного пути, так как для него только и существует. Не будь войны и войск, для которых он служит большой стоянкой, он бы производил впечатление совершенно лишнего. Новый город состоит из ряда низеньких домиков, выстроенных из красного кирпича, похожих друг на друга, как родные братья. Про них остроумно сказал капитан Л., оглядывая их ряды: «Вот, сколько домов, а если собрать всех обитателей их, то можно всех поместить в одном пятиэтажном доме, и тогда это был бы не город, а только дом». Дома эти так между собою схожи, что трудно найти свой. А. никак до сих пор не может узнать дом, в котором гостит у Я. Третьего дня он вечером заехал в общежитие Красного Креста, чтобы его оттуда проводили; взялся один из врачей и запутался окончательно. Много и мне пришлось поплутать, пока не огляделся. Дома все казенные и потому под номерами. Но номера ставятся не по порядку расположения, а по порядку постройки, — поэтому №91 оказывается между №475 и 830. Извозчики совершенно не знают, так как все приехали вместе со своими развалистыми дрожками и упряжью с пристяжкой из Одессы: все местные извозчики призваны как запасные. За Новым Хар-

бином в 4—5 верстах находится старый Харбин, с китайскими фанзами, окруженными заборами из прессованного навоза с глиной. В старом Харбине помещается и управление пограничной стражи, и, между прочим, была устроена отличная школа-приют, в которой были размещены наши сестры, так как школа, за выездом многих семей, прекратила свои действия. Помещены были там сестры отлично, и вообще школа оборудована премило, и детишки, которых мы там застали (три мальчугана), были очень симпатичны.

Третья часть города — за железнодорожным путем — называется пристанью. Это — торговая часть, с улицами, полными китайских лавок и больших русских магазинов, где можно достать все, что нужно.

В Новом Харбине Красным Крестом нанят большой трехэтажный дом, построенный китайцем Вынь-ха-вынем, но попросту прозванный у нас Вей-ха-веем. Здесь помещается управление главноуполномоченного, будем жить все мы и сестры. Фельдшерскую школу в Харбине отдали нам под склад, а большие казармы барачной системы — под госпиталь. В каждом таком бараке могут помещаться по двести человек, и таких у нас будет шесть или семь. Теперь идет там ремонт, приспособление — с быстротой просто лихорадочной.

С. В. Александровский — поистине молодчина: энергичный, находчивый, распорядительный, сообразительный и с большим тактом. Он, несомненно, умный человек и делающий свое дело ради дела, ничего из него не извле-

кая. Он — большой мастер узнавать людей, быстро раскусывает их и очень объективно их расценивает. Благодаря этому он умеет обставить себя людьми и умеет ими пользоваться. Он может быть вспыльчив, но, по-видимому, снисходителен к тому, что вне сил данного субъекта, и не прощает только нерадивости и недобросовестности.

Скажи от меня Мимуле⁸, что диких людей я не видал, но что, все-таки, китайские «ходи»⁹, как зовут здесь всех простых китайцев (по-ихнему же), особенно нищие, в невообразимых отрешках, достаточно дикообразны, и нужен неисчерпаемый запас любви и нежности русской души, чтобы не только говорить: «бедный ходя!», как вчера ласково называл один из истопников китайца, грузившего ночью наш поезд, но даже «ходюшка».

III. В Ляояне¹⁰

22-е марта 1904 г.

...Я очень спешил с открытием 1-го Георгиевского госпиталя и не спешить не мог, так как Алёксандровский бомбардировал меня ежедневными телеграммами на эту тему, а военно-медицинский инспектор умолял скорее немого освободить переполненный военный госпиталь.

Усадьба инженера Шидловского, Паю-Верн, отданная нам под госпиталь, пресимпатичный и преуютный уголок, который летом будет, вероятно, обворожительно мил и красив, да и теперь даже красив. В нем два двора; внутренний

отделен живописными воротами; на дворах стоят несколько столбов с собаками, которые должны изображать львов — одну из любимых форм воплощения Будды. Во внутреннем дворе, в глубине флигель для офицеров с внутренними болезнями; за ним — отдельный для них садик; налево покоеобразное здание — (вчера открытое) хирургическое отделение; направо — домик сестер (с большим балконом) и аптека. В первом дворе направо — терапевтический флигель (тоже еще отделяется), а налево — наш домик, окруженный садиком. Еще ближе к воротам (внешним) с правой стороны — кухня, склад провизии и домик для китайцев, у нас служащих, с левой — домик в три окошечка, где амбулатория, а между ним и нашим домиком — флигель для студентов и гостей. За рядом зданий правой стороны — бараки, в которых помещаются склады, санитары и наша общая большая столовая; наконец, ледники, закрома, конюшни, стойла и т. д. Вся усадьба обнесена высоким забором, от которого вглубь еще идут в немалом количестве перегородки. Это обширное хозяйство сторожит караул, так что можешь быть за нас совершенно спокойна.

Здесь настоящая весна, воздух чудный. Ведь Ляоян — на широте Неаполя.

18-е апреля 1904 г.

...Встаем мы рано: около восьми часов утра по всей усадьбе раздается гонг, при звуке которого В. В. А., когда в духе, начинает петь «Славься», что выходит очень

забавно. Д. быстро вскакивает с постели и начинает умываться. В это время в соседней комнате раздается веселое пение Ш., насвистывание и разговоры В. В. А. Я выкуриваю папиросу, чтобы проснуться, и тоже встаю. Теплый весенний воздух оживляет меня, и я с неизменным удовольствием наблюдаю типичные утренние сцены. Чай дается только до 9 1/2 часов утра. Сейчас же начинаются бесконечные переговоры с С. В. Александровским, писание телеграмм, распределение отрядов и проч., ежедневно прерываемые разными лицами с самыми разнообразными вопросами. Днем после обеда (в 1 1/2 ч.) продолжается то же, но к помехам присоединяются частые посетители, иногда несомненно интересные; в 8 1/2 ч. — ужин, телеграммы и сон. В промежутках забегаешь в больницу, что удастся далеко не каждый день, бегаешь по постройкам, подгоняешь работу. По вечерам нередко беседуем с Д., который все жалуется на то, что его госпитальные запасы лекарств, консервов и проч. расхищают (приходится снабжать и войска, и наши же отряды).

IV. Первые раненые

27 апреля 1904 г.

Я нахожусь, наконец, действительно на войне, а не на задворках ее: в трех верстах от лагеря, которым раскинулся летучий наш отряд, находятся самые наши передовые позиции (Фенчулинский перевал). Я сижу на нераскрученных

мешках нашего выючного отряда; с ящиков слабо светит мне фонарь с красным крестом; слева деловито и спешно жуют голодные лошади, шурша ногами в соломе и время от времени от удовольствия пофыркивая. Справа постепенно вялает и замирает предсонная беседа в палатках. Тьму, окружающую меня, прорезывает догорающий костер и два движущихся фонаря дежурных санитаров, освещающие их колени и ноги, хвосты и морды лошадей. Спустилась тихая, мягкая, теплая ночь, будто оттого, что небо прикрыло землю куполом из темно-синей стали. Небо кажется здесь ближе к земле, чем у нас, и звезды бледнее и мельче.

Мы расположились у подножия высокой горы, на берегу совсем мелкой, но быстрой речки, делающей, согласно китайскому обычаю, бесчисленное количество изгибов. На другой стороне речки развернулся дивизионный лазарет, составляющий одно из ближайших к полю сражения медицинских учреждений (ближе — только полковые лазареты). Будем работать с ним рука об руку. И он, и мы вышлем в бой еще по небольшому отряду, а здесь, где сейчас стоим, будем перевязывать доставляемых раненых. На ближайших к нам возвышенностях (в одной версте) днем, как муравьи, чернеют солдатики, укрепляющие позицию. Эти возвышения окружены высокими горами, покрытыми разнообразных оттенков зеленью, среди которой, причудливыми букетами, брошены белые и розовые цветущие деревья. Вообще, здесь удивительно красиво. Дорога от Ляояна в Ляньшань-гуань, особенно последний крутой и извилистый перевал — необыкновенно живописны.

Я выехал из Ляояна в 11 часов вечера того дня, когда получилось известие о наших тяжких потерях под Тюренченом¹¹. Так как ни зги не было видно, то я воспользовался любезно предоставленной мне парной (с пристяжкой) военной повозкой, приспособленной для раненых, так называемой двуколкой, и улегся в ней вместе с доктором К., который никогда верхом не ездил. Нас сопровождали мой казак Семен и солдат, знавший дорогу, которому я предоставил свою верховую лошадь. Конечно, я скоро задремал, несмотря на отчаянную тряску, и не давал себе спать крепко, только чтобы следить за нашими верховыми, боясь нападения на них хунхузов¹². Тряска вышибла из-под головы подушку, а ногам было свежо, так как ночи здесь холодные, а та была к тому же с дождем и ветром, и я положил казенную подушку на ноги, а под голову — свернутую бурку и, проехав несколько верст, уже не имел ее, — она выскочила из-под меня на радость прохожему. В дальнейшем пути таким же образом доктор К. лишился своего саквояжа и был в отчаянии.

— Was haben Sie denn drin verloren? — спрашиваю.

— Ach! Mein Kamm, meine Buerste, meine Seife, alles teuerste! **

Я утешился, хотя казак, посланный за потерей, ничего не принес.

* Что Вы там потеряли? (нем.).

** Ах! Мой гребень, моя щетка, мое мыло, все очень ценное! (нем.)
(Перевод Н. Б. Ветошниковой)

В три часа ночи мы пришли в Сяолинцзы (полуэтап), где, найдя какую-то грязную подушку в офицерском отделе, я прямо на каннах (это отапливаемые каменные нары) уснул сладким сном, уткнув подушку в угол. Не прошло и трех часов, как я вскочил, разбудил свою команду, осмотрел помещение для нашего лазарета и отправился дальше верхом. Это было наслаждение: чудный воздух, чудные пейзажи, и милая белая лошадка везет меня покойно по отчаянно каменистой дороге, переноса через бесчисленные изгибы одной и той же горной речки. Ехал я и все вспоминал рассказанную тобой легенду о царе, повелевшем всем своим подданным каждый вечер смотреть на звездное небо. Именно, мир и любовь внушают эти чудные места, а тут люди друг друга вынуждены кропить...

От Ляояна до Сяолинцзы — 22 версты, от Сяолинцзы до первого этапа Лян-дя-сянь — 18 верст. Там мы отдохнули, пообедали, полюбовались устройством нашего этапного лазаретика, и я опять сел на коня, а бедный К. беспомощно заболтался в двуколке. Этот переход в 25 верст был длинный и тяжелый, через высокую гору, и я тоже ложился в двуколку поспать, но, как только раз попробовал поднять голову, чтобы полюбоваться видом, получил от толчка удар деревянной рамой, к которой прикрепляется парусиновая палатка. На гору я поднимался опять верхом и так же спустился с нее. На втором этапе, в Хоян, мы переночевали на каннах с небольшой соломенной подстилкой, лежа так близко друг к другу, что почти касались

носами и стукались локтями. Наш этапный врач Беньяш дал мне свою подушку и одеяло, а военный врач, тут же ночевавший, — свою бурку. Распорядившись устройством лазарета, я снова сел на лошадь и через удивительно красивый перевал переехал в Лянь-шань-гуань (18 верст).

Накануне здесь уже прошла первая партия раненых под Тюренченом (163 человека), перевязанных в Евгениевском госпитале Красного Креста. Я осмотрел этот госпиталь, только еще начавший устраиваться, осмотрел и военный госпиталь, и мы сообща приготoвились принять на следующий день 490 раненых.

Они пришли, эти несчастные, но ни стонов, ни жалоб, ни ужасов не принесли с собой. Это пришли, в значительной мере пешком, даже раненные в ноги (чтобы только не ехать в двуколке по этим ужасным дорогам), терпеливые русские люди, готовые сейчас опять идти в бой, чтобы отомстить за себя и товарищей.

— Вот, — говорят эти молодцы, — в деревне только прутиком тронуть, и то слезу вышибут, а здесь и молотком ее не добыть.

— В деревне, — говорю, — прутик не болью, а обидой слезу вызывает, а здесь — одна честь.

— Да, да, — поддакивают молодцы, — за Царя, за Отечество.

Другой солдатик идет по двору, накинув белый халат на голову, и распевает:

— «На супротивные даруя»¹³...

— Что поешь?

— Целость Миколая Александровича охраняем! — торжествующе осклабился молодой парнишка.
Трогательные ребята!

V. После Тюренчена

3 мая 1904 г. Ляоян

В день освящения 1-го Георгиевского госпиталя в Ляояне его посетил командующий армией генерал-адъютант Куропаткин¹⁴, одобрил его устройство, осмотрел помещение сестер милосердия, и, зайдя в аптеку, спросил, во сколько времени госпиталь может свернуться в случае отступления.

— В три дня, — ответил аптекарь.

— Ну, это много; столько мы вам, может быть, и не дадим.

То было 21-го марта, сегодня 3-е мая, и мы уже отправляем все, без чего можем обойтись, в Харбин. То, что недель пять, шесть тому назад казалось невозможным, теперь почти стучится в дверь. Тяжело это ужасно. Больно расстраивать то, что создавалось с такими трудами и любовью.

Целая цепь наших краснокрестных этапных лазаретов между Ляояном и передовыми частями: Сяолинцзы, Лян-дзянь, Хоян, Лянь-шань-гуань, — должны быть ликвидированы. Поддерживают только мысль о солдате, ко-

торому отступление должно быть еще неизмеримо тягостнее, и вера в Куропаткина, который, конечно, знает, что делает. Какую выдержку нужно иметь, чтобы при настоящих условиях неуклонно вести дело вопреки окружающему нервному настроению, только подчиняясь точным соображениям и благоразумию! Простое, симпатичное отношение Куропаткина к людям еще увеличивает его обаяние. Меня он однажды привел в такой восторг, что я в тот же день хотел написать тебе целое письмо, посвященное ему, но, конечно, не успел.

В тот день уезжал Н. П. Линеви¹⁵, этот почтенный и симпатичный генерал, дважды Георгиевский кавалер, командовавший Маньчжурской армией до приезда Куропаткина и назначенный последним в Уссурийский край (в Хабаровск).

Мы с С. В. Александровским присоединились к группе военных, собравшихся его проводить. К этому времени очистили платформу, чтобы пропустить перед отъезжающим, церемониальным маршем, почетный караул. Вдруг Куропаткин сделал несколько шагов навстречу этому караулу и бодро, молодцевато прошелся во главе его перед Линеви¹⁵. Это было так мило и хорошо сделано, что привело меня в восторг.

Но как давно это было и сколько воды и крови с тех пор утекло! Как будто и не во время войны было, а мирным летом в лагере под Красным Селом¹⁶.

Не то теперь.

Теперь война чувствуется около нас, как чувствуется смерть в доме безнадежно больного. Каждая мысль твоя связана с войною, каждое действие твое должно с нею сообразоваться. Я был только что в лагере на передовых позициях, где ждали врага со дня на день, где неделю перед тем отступали наши и провезли тысячу раненых, но там война, где все для нее приспособлено, меньше ощущается, чем здесь, на фоне обычной комфортабельной жизни: ты хочешь отдать белье в стирку, говорят: «Прачка (китаец) не берет», значит, ожидают скорого приближения японцев; то ты слышишь, что такой-то госпиталь свернулся, то такая-то канцелярия выезжает, и т. д.

А как хорошо теперь стало в Георгиевском госпитале: все здания отремонтированы, офицерский флигель вышел отличный, впереди разведен милый садик, в большом саду поставлены шатры, с другой стороны — крытые железом асбестовые переносные бараки, выросшие, как грибы; всем раненым, прибывшим сразу по 150 человек, хватало и места, и белья, всех их, бедненьких, сестры обмывали, врачи перевязывали, и солдатики, накормленные и отогреты, ехали дальше уже в благоустроенном санитарном поезде.

Ляоян, 16-е мая 1904 г., воскресенье

Я удручаюсь все более и более ходом нашей войны, и не потому только, что мы столько проигрываем и столько теряем, но едва ли не больше потому, что це-

лая масса наших бед есть только результат отсутствия у людей духовности, чувства долга, что мелкие личные расчеты ставятся выше понятия об отчизне, выше Бога. Мы не имеем в достаточном количестве новейшего образца пушек. Куропаткину не подвозится достаточное число войск. Под Тюренченом мы потеряли батареи, и сражение, которое по героизму 11-го и 12-го полков и большинства батарей, костями легших за свое святое дело, должно бы остаться в истории, как героический подвиг, и, может быть, блестящая победа. Взята у нас под Артуром позиция, которая считалась неприступной. Вчера узнали мы об этой потере нашей, и я весь день был сам не свой, да и сегодня я еще не отошел от этого впечатления, и потому, вероятно, и пишу в таком мрачном тоне, ты уж прости меня. Не знаю, как бы я пережил все эти события в Петербурге, ковыряясь в обыденных мирных делах. Только и спасает хоть некоторая непосредственная прикосновенность к этому великому испытанию, ниспосланному бедной России.

Всю тяжесть потерь наших в смысле гибели людей я испытываю теперь, когда у нас постепенно умирают наиболее тяжело раненные, задержанные нами поэтому здесь. На днях, при моем ночном обходе Георгиевского госпиталя, я нашел одного солдатику, Сампсонова, раненного в грудь и оперированного, вследствие образовавшегося у него нарыва над печенью и гнойного плеврита, в бреду и в тяжелом состоянии. Он обнимал санитаря, трогательно за ним ухаживавшего, и стонал. Когда я пощупал его

пульс и погладил его руку, он потащил обе мои руки к своим губам и целовал их, воображая, что это его мать. Когда я подошел к нему с другой стороны и заговорил с ним, он стал звать меня тятей и опять поцеловал мне руку. Я не мог лишить его этой потребности в ласке к родителям и тоже поцеловал этого безропотного и по этой безропотности высокого душой страдальца за родину... И никто-то, никто из них не жалуется, никто не спрашивает: «За что, за что я страдаю?» — как ропщут люди нашего круга, когда Бог посылает им испытания.

Ляоян, 19-е мая 1904 г.

В четверг на прошлой неделе вернулся я из поездки по нашим северным госпиталям, завтра уезжаю на юг.

Здесь у нас, в Южном Управлении главноуполномоченного, не только благополучно, но даже премило: между тремя приспособленными фанзами разбит прелестный садик, в котором пышно цветут розы, азалии, функии и гранаты; обещают даже плоды. Вчера только отчаянно изводила китайская музыка, визжавшая и свистевшая целый день на соседнем дворе над покойником. Так полагается у китайцев, которые дежурят около своих умерших, чтобы к нему не забежала кошка или собака. Если же забежит, то, по их поверью, покойник встанет и пойдет к живым людям, которые от этого начинают помирать.

— И часто это случается? — спрашивает наш санитар переводчика.

— «Пастаянно, пастаянно», — убежденно отвечает тот.

А между тем, мертвых детей своих они бросают на съедение собакам. Д. сам видел, как недалеко от госпиталя собака тащила трупик ребенка, лет четырех, уже с выгрызенной грудкой.

Когда я был недавно в Мукдене, я осматривал, между прочим, знаменитые могилы императоров. Каждая китайская могила есть просто песчаный бугор, совершенно подобный обыкновенным кучкам, в которые сваливается у нас песок. Кто может, ставит перед могилой каменный столб, не круглый, а плоский. У более богатых он выше, украшен резьбой и надписями и стоит на спине высеченной из камня черепахи. Императорская могила изображает все то же, но в гигантских размерах. Огромный песчаный бугор окружен высокой каменной стеной, за которую редко кого пускают, но все, что за нею, ясно видно с соседнего гребешка. На могиле растет корявое полуиссохшее дерево, а на нем — орлиное гнездо. Так и реют обитатели его над всем этим уединенным местечком. Вход за стену, которою окружен собственно могильный холм, представляет собою престелные по красоте ворота с чудными орнаментами из разноцветных изразцов. Еще лучше, прямо дивно хороши первые ворота, которые ведут в парк, окружающий стену. В этом парке, между первыми и вторыми воротами, — традиционный, но исполинских размеров каменный столб на черепахе и по бокам главной аллеи — вы-

сеченные из камня животные: верблюды, слоны, львы (собакоподобные) и т. п. Сбоку отгорожена полуразвалившаяся кумирня¹⁷.

VI. Перед боем под Вафангоу¹⁸

Вандзялин, 25-е мая 1904 г.

Последние дни можно назвать для нас погоней за ранеными. Прошел слух, что будут большие операции на юге, и мы спешно полетели туда. Но там оказалось тихо, и дальше последней железнодорожной станции нам двинуться не пришлось. Едва наметили мы новую организацию наших этапных лазаретов, как пришло известие о высадке японцев около Кайджоо и столкновении с нашими войсками. Ввиду того, что в Кайджоо у нас нет ни лазарета, ни летучего отряда, мы спешно собрались из Вафангоу и, прихватив еще студента V курса с перевязочным материалом и инструментами, погрузив наших лошадей, воспользовались паровозом, который шел туда за водой, выхлопотали разрешение прицепить к нему несколько вагонов и спешно выехали назад на север. Здесь стоит наш санитарный поезд, в котором я и пищу, но нам не разрешено было им воспользоваться, чтобы доехать до Кайджоо, и мы должны были здесь переночевать. Утром сегодня слышим канонаду, моментально велим седлать коней, чтобы ехать туда, нам объявляют, что через час идет поезд и обгонит нас. Коней расседлывают, ка-

нонада стихла, и мы опять сидим и ждем. Так было и вчера: японцы немного постреляли, даже, говорят, частью высадились и без боя вернулись на суда. Ожидание, как ты знаешь — самое томительное времяпрепровождение, но мы выдерживаем его очень бодро и терпеливо, благодаря хорошей компании, живому характеру Сергея Васильевича и очень милому спутнику, старому доктору А. А. Г., проделавшему еще турецкую кампанию. Это — цельный и очень симпатичный тип шестидесятых годов, именно один из положительных типов этого периода, гражданин своего отечества, болеющий за него душой, когда что неладно, и жаждущий его успехов, мечтающий о них. Небольшого роста, полный, коренастый, с лысой головой и большой седой бородой, с двумя рядами редких, но крепких зубов, он своим басом и очками напоминает мне А. Н. Пыпина¹⁹ и тем уже приятен.

— Очертело мне здесь, — мрачно говорит он в минуты грустного раздумья, а через несколько минут всех рассмешит какой-нибудь молодой забавной шуткой. Так, вчера, когда все с нетерпением ждали, чтобы разогрели консервы, он тоже объявил себя голодным и стал изображать нетерпеливую лошадь, ударяя одной ногой об песок. Мы все дружно захохотали. Когда вчера пришло известие о высадке японцев около Кайджоо, он первый, почти шестидесятилетний старец, стал подбивать Сергея Васильевича ехать туда.

— Это случай нашим войскам одержать победу, — радовался он.

27-е мая 1904 г.

Мы пятый день без всякого дела, все катаемся взад и вперед, причем на каждой станции нас изводят маневрами и возят то несколько шагов вперед, то несколько шагов назад, и угощают такими толчками, что В., который с нами едет, танцует, поднимая руки изящным жестом кверху. Он страшно смешил нас разными анекдотами и остротами, но под конец и он исчерпался, и мы устали смеяться. Сейчас за этим письмом, сидя на ящиках с консервами и тюфяке, примостившись спиной к стене вагона, я заснул, но во сне продолжал водить пером по бумаге. В этом виде меня снял князь Львов²⁰, главноуполномоченный Объединенной Земской Организации, присылающей сюда ряд этапных лазаретов и питательных пунктов.

Много делается теперь для наших солдат, но они еще не развернулись во всю родную мощь. Послушав рассказов Г. о русско-турецкой кампании, я как-то успокоился за исход и настоящей, снова укрепив веру в наше воинство. Мы просто еще не разошлись, а разойдемся — так покажем себя снова и добьемся своего. Трудно это будет, мы много потеряем, но восстановим нашу репутацию славных и несокрушимых. Что пока настоящая война в сравнении с Русско-турецкой, с переходом через Балканы, когда пушки тащили люди одним колесом по уступу скалы, другим по воздуху над пропастью, когда единицы наших сражались против сотен и тысяч врага, когда люди месяцами не имели крова и зябли в снегах,

согреваясь лишь у костров?! Доктор Г. рассказывал про своего товарища, который приехал раз в шинели на голлом теле и в солдатских рваных опорках, несмотря на сильный мороз. Оказалось, что он встретил раненого, что перевязать его было нечем, и он разорвал свое белье на бинты и повязку, а в остальное одел его. И так он это делал весело, просто и хорошо. Далеко еще нам, далеко до них...

VII. В бою под Вафангоу

Дашичао, 15-е июня 1904 г.

...Дело было, как ты знаешь, под Вафангоу, 31-го мая я присел на свою кровать в палатке рядом с Кононовичем²¹ и что-то с ним обсуждал, когда его санитар Рахаев обратил наше внимание на то, что в соседнем полку трубят тревогу. Мы прислушались — верно. Тотчас были оседланы кони, и мы поехали в штаб. Там узнали, что тревоги нет, но что велено выступать на позицию, а войскам, бывшим впереди, в Вафандяне, отступать на нее же, и что на следующий день в 12 часов ожидается бой.

В этот день, проспав одетый часа полтора, я перевел раненых, пришедших ночью с юга, из товарного поезда в санитарный и когда, устроив их, около четырех часов утра, возвращался через станцию, я увидал, что командир первого корпуса, барон Штакельберг²², уже встал, его штаб на ногах, у подъезда — его конвой. Я разбудил Ко-

ноновича, тотчас оседлали опять коней, и мы стали ожидать Штакельберга. Однако, время шло, и мы поехали одни на позиции, которые объехали уже накануне. Мы остановились у А. А. Гернгросса²³, очень милого и хорошего генерала, начальника 1-й дивизии, потом, дождавшись Штакельберга, проехали с ним на 2-ю батарею. Шли приготовления к сражению, и мы поехали назад, выкупаться и пообедать. Последнее нам не удалось, так как стали раздаваться орудийные выстрелы. Они становились все чаще, и мы невольно считали промежутки между ними, как между родовыми схватками. Консервы не лезли нам в рот, и мы снова поскакали к Гернгроссу. Он сидел со своим штабом в покойном ожидании, но солдатики уже нервничали, все повскакали и нетерпеливо ждали приказа двигаться. Наконец настал момент, они стали одеваться и пошли. Вскоре поехали и мы со штабом Гернгросса, желая выяснить, как лучше расположить наши летучие отряды. С час летали мы по всем позициям и остановились опять на 2-й батарее, где и сошли с коней.

Все весело болтали; к нам подъезжали различные офицеры; один из них, артиллерист Сидоренко, очень симпатичной наружности, с той самой батареи, на которой мы стояли, оживленно рассказывал, как их обстреливали при отступлении из Вафандяна, когда в 1 ч. 30 мин. дня поставленная против японская батарея сделала первый выстрел. Первая шрапнель разорвалась очень далеко впереди нас, вторая — поближе, третья уже показала, что стреляют по нам. Гернгросс распорядился увести лошадей и нам не стоять толпой. Снаряды стали ложиться все ближе и ближе. Герн-

гросс стал спускаться с горы; за ним пошли все, а я немного задержался на горе. Снаряды свистели уже надо мной и со злобой ударяли в близлежащую гору, разрываясь совсем близко от всей удалявшейся по ложине группы людей. Впоследствии я узнал, что тут моя лошадь получила удар над глазом камнем, отбитым шрапнелью.

Я собирался тоже спускаться, когда ко мне подошел солдатик и сказал, что он ранен. Я перевязал его и хотел приказать нести его на носилках (он был ранен в ногу шрапнельной пулей), но он решительно отказался, заявляя, что носилки могут понадобиться более тяжело раненым. Однако, он смущался, как он оставит батарею: он — единственный фельдшер ее, и без него некому будет перевязывать раненых. Это был перст Божий, который и решил мой день.

— Иди спокойно, — сказал я ему, — я останусь за тебя.

Я взял его санитарную сумку и пошел дальше на гору, где, на склоне ее, и сел около носилок. Санитаров не было — они находились в ложинке под горой. Наша батарея уже давно стреляла, и от каждого выстрела земля, на которой я сидел, покрытая мирными белыми цветочками вроде *Edelweiss'a**, сотрясалась, а та, на которую падали японские снаряды, буквально стонала. В первый раз, когда я услышал ее стон, я подумал, что стонет человек; я прислушался, и во втором стоне я уже заподозрил стон земли, на третьем — я в нем убедился.

Это не поэтический, а истинный был стон земли.

* Эдельвейса (нем.).

Снаряды продолжали свистеть надо мной, разрываясь на клочки, а иные, кроме того, выбрасывая множество пуль, большею частью далеко за нами. Другие падали на соседнюю горку, где стояла 4-я, почему-то особенно ненавистная японцам, батарея. Они осыпали ее с остервенением, и часто я с ужасом думал, что, когда дым рассеется, я увижу разбитые орудия и всех людей ее убитыми. И этот страх за других, ужас перед разрушительным действием этой подлой шрапнели составлял действительную тяжесть моего сиденья. За себя я не боялся: никогда еще я не ощущал в такой мере силу своей веры. Я был совершенно убежден, что как ни велик риск, которому я подвергался, я не буду убит, если Бог того не пожелает; а если пожелает, — на то Его святая воля... Я не дразнил судьбу, не стоял около орудий, чтобы не мешать стрелять и чтобы не делать ненужного, но я сознавал, что я нужен, и это сознание делало мне мое положение приятным. Когда сверху раздавался зов: «носилки!», я бежал наверх с фельдшерской сумкой и двумя санитарями, несшими носилки; я бежал, чтобы посмотреть, нет ли такого кровотечения, которое требует моментальной остановки, но перевязку мы делали пониже, у себя на склоне. Почти все ранены были в ноги, и все перевязанные вернулись к своим орудиям, утверждая, что, лежа, они могут продолжать стрельбу, и что «перед таким поганцем» они не отступят. Люди все лежат в своих окопах около орудий, что их очень выручает, а офицеры сидят, и только мой Сидоренко чаще всех, всей своей стройной фигурой, подымался над батареей.

Я благоговел перед этими доблестными защитниками своей родины и радовался, что подвергся одной с ними опасности. «Почему, — думал я, — я должен быть в лучших условиях, чем они? Ведь и у них у всех есть семьи, для которых смерть их родного будет тяжким горем, а для иных — и разорением». Санитары, разбежавшиеся было по нижним склонам горы, видя меня на их месте, все подобрались ко мне и расположились около носилок, но когда осколком шрапнели и камнями у меня опрокинуло ведро с водой, прорвало носилки и набросило их на одного из санитаров, они окончательно спустились вниз, и только из-под горы посматривали, цел ли я, после особенно сильных и близких ударов. Между ними был и санитар Кононовича, Рахаев, упросивший отпустить его со мной, так как он хотел «совершить подвиг», и казак Семен Гакинаев, сопровождавший меня в поездке в Лянь-шань-гуань и с тех пор считающийся моим казаком. Он не оставлял меня ни на шаг ни 1-го, ни 2-го июня. Гакинаев потом много рассказывал про мою «храбрость», особенно поразившую его потому, что, по его мнению, все врачи должны быть почему-то трусами.

— Сидит, — говорил он про меня, — курит и смеется.

Смеяться, положим, было нечему, но я улыбался им, когда они «петрушками» снизу посматривали на меня.

Один из батарейных санитаров, красивый парень Кимеров, смотрел на меня, смотрел, наконец, выполз и сел подле меня. Жаль ли ему стало видеть меня одиноким, совестно ли, что они покинули меня, или мое место ему казалось заколдованным, — уж не знаю. Он оказался, как

и вся батарея, впрочем, первый раз в бою, и мы повели беседу на тему о воле Божией.

Вскоре, с левой стороны, ко мне подсел другой молодой солдатик, совсем мальчик с виду, Блохин, который спасался то на одном склоне горы, то на другом, и всюду, видимо, чувствовал себя одинаково скверно. Казалось, он хотел прижаться ко мне, как теленок к матке, и причитать после каждой шимозы²⁴ и шрапнели.

Бой разгорелся жаркий: впереди (на левом нашем фланге) слышался за горой неугомонный треск пулеметов и ружейного огня; японские батареи, с небольшими паузами, осыпали нас своими снарядами. Мы тоже отстреливались: в воздухе слышались голоса: «Девяносто два! Девяносто пять! — направо от деревни!» и т. д. Вдруг из-под горы выползает один из наших краснокрестных санитаров (10-го летучего отряда), Тимченко, раненный в правое плечо. Мы столпились около него, и я начал его перевязывать. Над нами и около нас так и рвало, казалось, японцы избрали своей целью наш склон, но во время работы огня не замечаешь.

— Простите меня! — вдруг вскрикнул Кимеров и упал навзничь. Я расстегнул его и увидел, что низ живота его пробит, передняя косточка отбита, и все кишки вышли наружу. Он быстро стал помирать... Я сидел над ним, беспомощно придерживая марлей кишки, а когда он скончался, закрыл ему глаза, сложил руки и положил удобнее. После этого я спустился вниз доканчивать перевязку Тимченко; оказалось, что к тому времени был ранен легко в ногу уже и бедный мой Блохин. Когда оба были

перевязаны, и остальные санитары унесли их, я опять вернулся на свое место и остался вдвоем с трупом. К счастью, был уже седьмой час, стало темнеть и, после двух-трех выстрелов от японцев, бой окончился²⁵.

Я пошел к моему милому Сидоренко, которого навещал и во время боя. Офицеры батареи стали понемногу сходиться; все были радостно возбуждены, что отстояли позицию, поздравляли друг друга с крещением огнем, радовались незначительным потерям: человек девять раненых и четверо убитых — мой Кимеров и трое нижних чинов, все трое — одним ударом; значит, из всей массы выпущенных на нас снарядов только два оказались смертоносными.

Когда уже совершенно стемнело, я вместе с Сидоренко провожал четырех убитых на батарею к их братской могиле, а раненых, мною перевязанных, повел на более основательную перевязку, так как у меня не было возможности ни их обмывать, ни себе руки мыть. По дороге мы встретили Кононовича. Он тоже был под сильным огнем, как и все наши отряды. Отпившись немного чаем (консервированное тушеное мясо не лезло в горло), мы с ним пошли устраивать на ночь всех прибывавших раненых и даже умерших.

Легли мы не поздно, и на второй день боя, 2-го июня, встали рано. Нужно было хоть немного заняться ранеными, которых накануне мы уложили на станции, и развернуть там перевязочный пункт.

Тотчас стали привозить новых раненых, и я принялся сажать их в вагоны, простые товарные, так как санитарного

поезда не могли подать. Я должен был класть этих несчастных святых раненых в товарные вагоны сперва на солому и циновки, потом просто на циновки, наконец просто на пол и чуть ли не на уголь. А в то же время, на расстоянии 25–30 верст, у нас стоял чудно оборудованный поезд!

Устраивая раненых, я зашел с ними к северному semaфору, версты за полторы, и, провозившись с час времени, во втором часу возвращаюсь на станцию. Там все изменилось: суета, спех, беготня; раненые, зараженные общей нервной атмосферой, забывая свои раны, сами залезают в товарные вагоны, боясь, что их оставят.

Что случилось?

В час дня нашим приказано было отступать; теперь грузился последний поезд, нашему перевязочному пункту велели спешно уложиться и уезжать. Спрашиваю Кононовича про наши летучие отряды: Мантейфель²⁶ и Родзянко²⁷ уже здесь, им тоже дано распоряжение уходить.

Я продолжал усаживать раненых, отпуская их уже с одной перевязкой. Одним из последних сел офицер, относительно не тяжело раненный в ногу, но весь в слезах:

— Что они с ними делают, Боже мой, что делают! — говорил он. Кто первые «они» — не знаю, но под вторыми он подразумевал своих бедных солдатиков...

Наконец, погрузился и наш перевязочный пункт, сели все сестры, студенты, врачи, и последний наш поезд стал отходить от Вафангоу.

Поезд ушел — и вовремя: за ним полетели шrapнели, но, к счастью, не попадали. Я остался один на опустевшей станции, даже не отдавая отчета себе, что же я

один буду делать, но сердце говорило мне, что должно остаться. Я пошел в домик, совсем рядом со станцией, в котором мы провели последнюю ночь. В этом домике был у нас небольшой склад, из которого мы выдавали солдатам и офицерам чай, сахар, табак, консервы и проч. Теперь в нем оставался небольшой запас перевязочного материала и 14 колесных носилок. Тогда я понял, что я буду делать. Последний поезд увез всех раненых, которые были доставлены на станцию, но ясное дело, что было много таких, которые до станции еще не добрались, которые придут еще и, найдя станцию пустой, будут в отчаянии. Оставаясь один, я не знал, как я буду помогать этим опоздавшим (о колесных носилках я, кажется, тут не вспоминал), но я чувствовал, что они будут, и что я обязан остаться для них или с ними.

Я стал вывозить колесные носилки на площадь перед станцией, — недавно такую оживленную, теперь пустынную, — навстречу ручным носилкам, на которых приносили раненых с позиции. Раненых перекладывали и везли вдоль полотна, а носилки шли назад на позиции. В это время около нас и над нами разрывались шрапнели, надо мной шел дождь пуль, но разрывы были так высоки, что ни одна не коснулась меня.

— Евгений Сергеевич, да что вы делаете, да станьте же сюда! — отчаянно звал меня старичок подполковник Лукьянович, заведывавший складом и задержавшийся при нас с двумя санитарями. Он зазывал меня под защиту небольшой каменной будочки рядом с нашим складом. В этой грязнейшей будочке у меня тотчас же образовал-

ся перевязочный пункт, так как стали подходить раненые, а пошедший дождь помешал нам перейти в помещение склада. Я перевязывал их и опять отправлял на наших колесных носилках.

Понемногу проезжали мимо меня санитарные военные двуколки и запоздавшие врачи и, наконец, перестали проезжать. Орудийный огонь стал перелетать через нас, направленный на наших отходящих стрелков, а ружейный приблизился и защелкал по домику и засвистел вокруг. Мне пришлось сказать, что один из санитаров наших, пошедший за перевязочным материалом в склад, на пороге его упал, раненный в живот. Я перенес тогда свой пункт в этот склад на расстояние шагов пятнадцати. Но санитар мой, бедный, не дожидаясь, чтобы я кончил перевязку солдатику, попросил, чтобы его скорее унесли. Солдатик, с которым я в это время возился, тоже волновался, что останется в руках японцев, но я успокоил его обещанием остаться в таком случае с ним. На счастье, он был последний и, для него нашлись последние носилки. Мы положили его на них, посадили раненых, которые могли ехать, на наших лошадей, и тоже покинули Вафангоу.

VIII. Отступление от Вафангоу

Харбин, 25-е июня 1904 г.

Вот я снова в цивилизованном городе, в том самом славном Харбине, который месяца три назад ка-

зался мне дырой и захолустьем. Так-то все относительно в жизни. Но после лагерной жизни, когда приходилось спать и на земле, питаться скоро приедающимися консервами, сидеть на жердочках или ящиках, в самом лучшем случае на разваливающихся стульях, писать при свете задуваемой ветром свечи, в мокрой, колыхающейся палатке, при постоянном ожидании тревоги, оказаться во втором этаже теплого каменного дома, за письменным столом, при керосиновой лампе, сидеть на венском стуле и писать на атласном бюваре²⁸, хотя бы и чужом, — это переход более резкий, чем перелететь из деревни в Париж, — но такова моя судьба, что мне все время приходится летать. Мне оказалась надобность заехать в наши госпитали в Тьелине, Каюяне, Гунчжулине и Харбине, и я, повернувшись в Ляояне, укатил на север, хотя каждый день ожидался бой на юге. Я поехал туда, где начальство меня признавало нужнее. Но едва я добрался до Харбина, как в Дашичао вспыхнула эпидемия дизентерии, и Давыдов²⁹ сегодня телеграфирует, что я нужен на юге. Александровский меня, однако, еще не вызывает, и я надеюсь доделать здесь свои дела.

30 июня 1904 г.

Ты удручена, что все наши потери ни к чему, что нас «все-таки оттеснили». Не знаю, есть ли это общепринятое выражение о результате Вафангоуского боя, ибо газет я не читаю, но не такое осталось у нас впечатление.

— Vous n'avez pas gagné la bataille, parce que vous ne l'avez pas voulu*, — сказал Chemineau**, один из французских военных агентов, и сказал то, что нам всем здесь кажется. Не то чтобы кто-нибудь изменил интересам родины, а, по-видимому, дальнейшее наступление считалось для нас невыгодным: мы могли быть окружены, или что-нибудь в этом роде.

Во всяком случае, мы фактически наступали, левый фланг наш брал позицию за позицией, японцы отступали и только направо нас теснили, когда было приказано отступать. Никто не понимал такого распоряжения командира корпуса, солдаты спрашивали: «Да зачем же мы отступаем, ваше благородие?» — и не слушались, — им приходилось трижды повторять приказание. Казалось, если бы наш левый фланг окончательно опрокинул правый — неприятеля, то мог бы ударить в его левый и, тем выручив наш правый, — выиграть сражение. Таковы мысли штатского, конечно, более трудно выполнимые на деле, чем в письме, особенно если принять во внимание, что вся линия боя была растянута верст на одиннадцать.

Но что ни говори, а отступление есть вещь крайне тяжелая, особенно когда приходится поворачивать спину неприятелю в двух- или трехстах шагах от него, и наибольшие потери наши приходятся именно на отступление.

— Из нас бы никто живым не вернулся, — говорят солдатики, — если бы японцы хорошо стреляли.

* Вы не выиграли сражение потому, что вы этого не хотели (франц.).
(Перевод С. Петровой)

** Шемино (франц.).

Из ружей они стреляют плохо, но тоже заваливают свинцом, из орудий — метко, кажется, с помощью сигналов китайцев, которые, говорят, делают им знаки, то руками, то ветками деревьев. Кроме того, местность им отлично известна, они знают расстояние до каждой позиции и могут стрелять хоть без прицела. На их сопках стоят столбы с дощечками, на которых нарисованы очертания наших гор и отдельные опознавательные точки с точным обозначением расстояния, так что им остается только стоять и расстреливать наши батареи.

Продолжаю свою бесконечную повесть о Вафангоу.

Итак, мы шли из Вафангоу с отступающими стрелками, которые двигались под оружейным огнем, как на параде. Мой последний раненый, Шестопалов, был ранен в позвоночник, ноги его были совершенно парализованы, и он был тяжел, точно весь из свинца: мы с трудом несли его вшестером. Скоро мне подвели откуда-то лошадь, и я поехал, продолжая следить за теми ранеными, которых несли, так как истомленные солдатики несли через силу. Приходилось останавливаться и перевязывать или подбирать раненых. Так, один доплелся до фанзы и оттуда зывал о помощи: он был перевязан, но не мог идти дальше, и боялся, что его забудут в его фанзе. Его посадили на мула, но дальше мне пришлось опять отдать свою лошадь одному раненому в ногу, перетянутому выше раны полотенцем.

День был жаркий, и во рту у меня так пересохло, что язык казался куском люфы³⁰, сильно царапавшим нёбо. Тогда я отбросил предрассудок о сырой воде и

попивал у солдатиков из их фляг по глотку, то у того, то у другого, — чтобы не лишить и их необходимой влаги. В одной деревне какой-то китаец угощал нас студеной водой и, чтобы мы пили ее с доверием, говорил: «Знаком, знаком».

Где-то на полдороге мой Гакинаев мне привел еще лошадь, и я, сдав носилки с ранеными полковому лазарету, который мы нагнали на стоянке и с которым я некоторое время шел потом вместе, причем через речку они перевезли меня на двуколке, поехал один вперед, так как Гакинаев отдал свою лошадь тяжелораненому.

Дальше я нагнал Ф., офицера, состоящего при иностранцах, который рассказал мне, что когда на левом фланге был получен приказ об отступлении (он дошел туда приблизительно часа через два после того, как станция, пришедшаяся на правом фланге, была уже очищена), он поехал на станцию один, чтобы узнать положение дел, и в леску около станции наскочил на японцев, которые по нему стреляли; он спасся только благодаря быстроте своего полукровного коня. По времени (тотчас после грозы) это было как раз тогда, когда обстреливали наш, вернее уже мой, перевязочный пункт по другую сторону станции. Вероятно, японцев было тут мало, а то бы нам не уйти было от них.

Еще дальше нагнал я одного капитана Генерального штаба. Мы мило с ним беседовали, когда он вдруг окликнул офицера в бурке, скакавшего в стороне от нас, но нам навстречу.

— Есаул Матвиенко, по какому праву вы позволяете себе распоряжаться чужими лошадьми и дали моего

коня?.. — следовало неприятное объяснение, и я отъехал.

Войска тянулись непрерывной нитью; впереди виднелся белый китель командира корпуса и светлое пятно его штаба. Я увидел красный крест и подъехал, думая, что это один из наших отрядов. Оказалось, что это 34-й полк несет за флагом Красного Креста своего раненого командира Дуббельта³¹. (Сегодня как раз, несмотря на тяжесть полученных ран, значительно поправившись, он уезжает на Кавказ из Харбина, где лежал в Дворянском госпитале.)

Дорога становилась все труднее, местами артиллерия совершенно закупоривала путь, быстро надвигалась темнота. В поисках за проездом я уже в совершенную темноту наткнулся на казаков.

— Я прилеплюсь теперь к вам, — сказал я офицеру в бурке, от которого видел одни очертания, — а то совсем потеряю дорогу.

— Отлично, мы тоже ищем, как проехать, — ответил мне приятный голос, сразу располагающий к человеку. Мы поехали рядом и разговорились.

— Не понимаю, — сказал мой спутник, — почему Красный Крест так рано уезжает с поля боя, а не убирает раненых? Это — прямая его задача.

— Оттого, — говорю, — что на него все еще смотрят как на обоз и приказывают ему отступить вместе с ним, но он не весь отступает, и вот вы едете с ним рядом. Меня тоже просили уйти с моего перевязочного пункта, но так как я имел право располагать собой, то и остался.

Я рассказал ему, как было дело, а он — о том, что, испросив разрешение у своего начальства, поехал после отступления с казаками на правый фланг и вывез оттуда оставшихся на позициях 50 раненых.

— И вот, представьте, мне нужна была для них лишняя лошадь, и попалась лошадь капитана Генерального штаба (имярек), я и взял ее, а он потом встретил меня и стал разносить, грозить... Ну, да Бог с ним!

— А как ваша фамилия? — спрашиваю.

— Есаул Матвиенко.

Интересное совпадение и поучительный контраст!..

Я расстался с его приятным голосом, говорившим как-то особенно ровно и покойно, в Вандзялине и поехал в темноте искать Красный Крест. Данные мне указания привели меня в военный госпиталь, но я так был утомлен и было так темно и поздно, что я решил тут и переночевать. Меня отпоили чаем, дали закусить консервами солонины (моя первая еда в этот день), и я стал так неудержимо дремать, разговаривая с милыми товарищами, что решился откровенно сесть в угол, и на стуле заснул. Меня разбудил один военный врач, который свел меня в соседний госпиталь (его был переполнен), где мне дали носилки и чье-то пальто, и под открытым небом заснул мертвым сном. Часа через полтора, много два, словом — в четвертом часу утра, чуть брезжило, меня разбудили: пора было укладывать носилки, госпиталю было приказано свернуться и отступать. Добрые сестры, частью знакомые, были уже на ногах и отогрели меня чаем и дру-

желюбным приемом, и я, когда посветлело, пошел искать свои отряды.

IX. После Вафангоу

4-е июля 1904 г.

Снова сижу в вагоне и возвращаюсь на юг. Чтобы доехать до Ляояна, я воспользовался любезностью полковника Н. и занял место в его вагоне II-го класса. Это представляет громадные удобства по нынешним временам, так как расстояние в каких-нибудь 60 верст от Мукдена³² до Ляояна теперь требует до суток времени. Сейчас мы стоим на последней станции перед Ляояном и стоим уже бесконечное число часов, хотя нам с полчаса тому назад дали уже третий звонок. Остановки эти объясняются тем, что в Ляояне происходит выгрузка войск и интендантских грузов, и станция не может нас принять. А здесь уже скопилось поездов три, если не четыре. Очень возможно, что на оставшиеся версты 30 у нас уйдет еще весь день, и что нас, в конце концов, еще не довезут до Ляояна, а на часок, другой, остановят у закрытого семафора. Ты понимаешь, как от этого должны страдать бедные солдаты, которыми полны все эти поезда, как трудно рассчитать при этой системе, где и когда их можно будет кормить, так что они целыми днями остаются без еды или получают свой обед в 2—3 часа ночи. Единственное спасение, если в поезде у них походная кухня. Мне

же, если б не любезность полковника, пришлось бы тоже и голодать, и проводить ночь в переполненном вагоне III-го класса. Теперь же я сладко спал на мягком диване и в чистых простынях.

Полковник отлично говорит, как будто все знает, и мне было крайне интересно все, что он сообщал: о Мукдене и Ляояне, их взаимных отношениях, которым приписываются и, как видно из его слов, несправедливо, многие из наших бед; о способностях того и другого из деятелей; о ходе и конце нашей кампании. Он не сомневается в нашем успехе, считает, что Япония будет раздавлена на много лет, что она уже проиграла войну, благодаря собственным опшибкам, не менее крупным и многочисленным, чем наши. На днях она высадила последние свои две дивизии (теперь он считает у них 250 тысяч) и больше сформировать армии не может, так как у них нет офицеров. Что мы выиграли первую половину кампании — доказывается и всеми оптимистами, так как японцам не удалось сделать того, на что они рассчитывали: ни Артура, ни Ляояна, ни Мукдена они не взяли, и нигде дороги не разрушили, так что дали нам подвезти порядочное количество войск. План их, как говорят, был: взять Артур (это они могли сделать 27-го января пятью тысячами человек беспрепятственно) и сильно укрепить его; затем взять Владивосток и тоже укрепить, а затем засесть в Корее, из которой нам пришлось бы выбивать их в течение пяти лет. С этой точки зрения они, разумеется, далеки от успехов.

Под Вафангоу мы имели дело с противником вдвое нас сильнейшим, что узналось лишь поздно или изменилось за ночь между 1-м и 2-м июня. Между тем, у нас все были убеждены, что японцы превосходили нас всего какими-нибудь тремя тысячами.

Должен признаться, что отсутствие единства управления боем меня тогда же поразило. Я всегда воображал, что командир корпуса или другой военачальник, руководящий сражением, составляет центр самой интенсивной распорядительной работы; я думал, что к нему и от него безостановочно летят гонцы с донесениями и распоряжениями, что он ежесекундно знает, что творится на любом конце поля брани, на деле же получается впечатление, что каждый за себя, а за всех — один Бог. Думаю, что и тебе должно было так показаться из того, что я раньше писал о Вафангоу, — слухов же передавать даже не решаюсь.

Х. Смерть есаула Власова

5 июля 1904 г. Вафангоу

Я приехал в Ляоян в 5 $\frac{1}{2}$ часов дня и прямо прошел в Управление, где обсуждал дела с Михайловым. К ужину собрались врачи и рассказали мне печальную весть, что Коля Власов вчера же утром в 6 часов скончался. Бедняга говорил обо мне с момента ранения, просил свезти его именно туда, где я; приехав к нам в 1-й Георг-

гиевский госпиталь, все время меня спрашивал, а меня не было. Не говоря уже о грусти, которую причиняет смерть такого прекрасного, благороднейшего человека, мне ужасно тяжело, что я не был при нем. Как я был огорчен, когда сегодня утром уже застал гроб заколоченным! Это — длинный и узкий, немного китайского покроя, гроб, обтянутый китайской малиновой материей с нашитым на крышке крестом из белого атласа. На крышке, на месте, соответствующем голове, лежал уже заметно увядший венок из живых цветов, вчера положенный одним из товарищей покойного; сестра милосердия украшала гроб цветами из госпитального сада; здесь же в маленьком деревянном сарае, служащем нам покойницкой, я нашел одного молодого офицера, сильно и сердечно удрученного, оказавшегося графом Б. Товарищи понемногу сходились; все, даже наименее знавшие Власова, успели оценить и полюбить его; нет ни одного человека, который бы иначе отзывался о нем, как с восторгом. И погиб-то он оттого, что был слишком хорош.

30-го июня они с генералом Ренненкампом³³ (который тоже был тогда ранен, лежит у нас и велел себя принести на отпевание Коли) попали в засаду: шли в долине, а сверху, с сопок, их расстреливали японцы. Наши должны были немедленно отступить; сотня Власова прикрывала это отступление. Уже все ушли, он все еще оставался. Солдаты убеждали его поторопиться уйти, — он сказал, что это невозможно, так как он привык уходить последним. В это время он присел на корточки, чтобы

посмотреть еще раз в бинокль, — и получил рану в живот. Сперва он не почувствовал боли и думал, что только контужен, не позволил даже себя нести и четыре версты прошел пешком, но потом должен был уступить. Его донесли до реки, и там он плыл до Ляояна на шаланде, уже сильно страдая, в течение трех дней.

В Георгиевский госпиталь он уже поступил с явлениями прободного перитонита и в таком состоянии, что операция была признана невозможной. Он продиктовал телеграмму матери и друзьям. Во всех он говорил, что ранен легко, мать просил не беспокоиться и обещал подробности в письме. Телеграммы эти не были посланы, так как положение его быстро ухудшалось: в 2 часа дня он прибыл, а в час ночи потерял сознание, вскакивал, не узнавал сестры милосердия, с которой днем еще беседовал, и в 6 часов утра его не стало.

В надгробном слове священник о. Курлов³⁴ сказал, что покойный поручил ему передать матери его, что он умирает христианином, с мыслью о ней, которую любил и чтил больше всех в жизни. Он радовался, что успел причаститься, так как знал, что матери это будет приятно. Он все-таки имел надежду, что может поправиться, а по впечатлению сестер он был даже далек от мысли о неизбежности смерти. В день кончины его один из его товарищей, который горько плакал, принес старшей сестре госпиталя Е. Н. Ивановой сто рублей на похороны и уехал. На похоронах было много офицеров, и все искренно опечалены. Мы несли его гроб на полотенцах и веревках, так как он был без ручек, и донесли до самой могилы.

XI. Смерть ген. Келлера³⁵ и отступление от Холангоу

Деревня Кофеницы (Восточный отряд).

25 июля 1904 г.

Живу я здесь целую неделю почти на самых позициях, каждый день может разразиться бой, но именно здесь я и отдохнул немного, и поуспокоился. В нашем Управлении в Ляояне необычайно нервная атмосфера. Правда, всюду все переутомлены и все изнервничались; покойный генерал Келлер последнее время почти не спал по ночам, вставал и говорил своему адъютанту:

— Vous savez, je ne suis pas alarmiste, mais j'entends qu'on tire*.

Адъютант выходит из палатки, вслушивается в темноту и убеждается, что это двуколка громыкает где-нибудь по каменистой дороге (звук, действительно, очень похожий на ружейную стрельбу).

— Какая двуколка, это стреляют! — не сразу успокаивается граф.

Как жаль этого храброго рыцаря! Я помню его еще в Ляояне, когда он пришел в Георгиевский госпиталь лечиться: небольшого роста, с розовыми щеками, ясными голубыми глазами и белокурой с проседью, расчесанной надвое, бородкой, он был сама любезность. В отряде все скоро полюбили его и, прежде всего, за его необычно-

* Вы знаете, я не паникер, но я слышу, что стреляют (франц.). (Перевод С. Петровой)

венную со всеми обходительность. Затем он с первого же боя проявил необычайную, даже излишнюю храбрость: он ходил часто в белом кителе по самым батареям под отчаянным огнем. Ему говорили, что так нельзя, так не надо, но он ничего не хотел слушать. 18-го июля он проделывал то же самое. Когда он шел с одной батареи на другую, ему предстояло пройти по сильно обстреливаемому месту; его предупредили, он молча взглянул на говорившего и своим особым смелым шагом пошел вперед. Тотчас же разорвалась шрапнель, и он упал; никто на батарее и никто из его штаба не был ранен, но он, бедняга, получил в себя весь заряд, — говорят, до 34 ран. Когда его поднимали, он мог только сказать: «оставьте меня», и сейчас же, по-видимому, скончался.

Это было в бою под Холангоу. Говорят, бой шел блестяще, мы положительно побеждали, когда вдруг один полк, по приказанию своего командира, ушел и тем открыл японцам место к наступлению. Командира сменили, его собрались судить, есть слух даже, что он куда-то скрылся, но, тем не менее, мы все-таки должны были отступить.

Никогда не забуду этой ужасной ночи, *cette nuit funèbre** (ведь нет точного перевода этого выразительного слова) с 18-го на 19-е июля.

18-го июля, утром, я выехал из Ляояна сюда, в Восточный отряд, с особым поручением и особыми полномочиями от Александровского. Со мной ехали один из

* Похоронной ночи [приблизительный перевод] (франц.).

главноуполномоченных Объединенной Земской Организации, Н. Н. Ковалевский, и еще один из ее членов. Мы отлично, несмотря на сильнейшую жару, доехали до полутапа Сяолинцзы; я осмотрел там этапный лазарет харьковского земства, полюбовался чудным устройством Евгениевского госпиталя, только что вновь открытого, и мы поехали дальше.

Это та самая дорога, которую я делал ровно три месяца тому назад, когда после тюренченского боя ехал в Лянь-шань-гуань. Теперь живописные скалы покрылись пятнами темной бархатистой зелени, поля — высоким изумрудным гаоляном³⁶, таким высоким, что, сидя верхом на коне и подняв нагайку, я все-таки оказываюсь ниже этого леса тонких тростниковых стеблей. Недаром китайцам запрещено сеять гаолян ближе трехсот, если не ошибаюсь, сажень от железнодорожного пути, — иначе в нем прятались бы хунхузы и обстреливали бы поезда. И то он служит японцам во время ночных разъездов: юркнет на лошади в гаолян — и не найти его. Гаолян дает китайцам прекрасную кашу, вроде гречневой, дает солому для скота и дает топливо. Временами и местами другого топлива не найти. Из гаоляна же плетутся отличные изгороди.

Теперь он достиг, кажется, своей максимальной высоты и цветет густыми, с лиловатым отливом, кистями. У китайцев примета, что если периода дождей не было до начала цветения гаоляна, то его и не будет вовсе.

Мы приехали на первый этап, в Ляндясян, уже вечером, в полную темноту. Около русской лавочки, где

можно поесть и попить, стояли спешившиеся казаки и их лошади. В ресторанчике мы нашли одного моего знакомого сотника, измученного, исхудалого, истерзанного душой. Сначала он не хотел разбалтываться, сказал только, что под Холангоу, куда мы ехали, целый день идет сильный бой, что Келлер смертельно ранен, генерал Гершельман³⁷ отброшен, князь Д. в очень опасном положении, терско-кубанский полк зашел японцам в тыл и, вероятно, погибнет. Ты себе легко представишь, какое впечатление должны были произвести на меня все эти известия в эту мрачную ночь, в маленьком закоптелом кабачке, полученные от офицера, только что выскочившего, как он выражался, «из грязной истории». Он разговорился и стал отводить душу. Не смею даже повторить всего, что он говорил, но впечатление от его слов получалось удручающее: такому-то было приказано начать бой ночью, он начал его только утром, когда было светло; другого предупреждали не идти такой-то дорогой, а непременно другой, так как иначе он рискует всей своей частью, а он повел ее именно по запрещенной дороге, вследствие чего массу потерял, вовремя не пришел и способствовал проигрышу боя, и т. д., и т. д.

Мы съели по яичнице, выпили по стакану чая и все вместе выехали.

— Евгений Сергеевич, расскажите что-нибудь! — просит мой бедный спутник, чтобы отвлечься.

— Что я могу вам рассказать после всего, что слышал: язык присох у меня к гортани.

Мы расстались около самого Холангоу. Сотник поехал в лагерь, а мы — в этапный лазарет харьковского земства.

Там уже лежало свыше ста раненых. Князь Ширинский-Шихматов³⁸ досказал нам новости: граф Келлер убит, доктор Ивенсен, старший врач 6-го московского летучего отряда, ранен в ногу; сейчас идет военный совет, обсуждающий вопрос, держаться ли на позициях, или отступать.

Мрачность ночи все сгущалась.

Я прошел к телу Келлера (раненые были уже все перевязаны); оно стояло под шатром Красного Креста, любовно убранном князем Ширинским разнообразной зеленью; две свечи тускло освещали последнее земное жилище храброго воина; два солдата стояли на часах у тела. С глубоким чувством поклонился я останкам, едва приведенным в человекоподобный вид и закутанным кисеей. Кто знает, не есть ли это самый счастливый удел русского гражданина в настоящую тяжелую годину?!

Князь ушел узнать результат совещания военачальников, а я остался поджидать его. Вдруг в темноте раздались стоны, и справа от меня показалась черная вереница носилок, с которых и долетали эти стоны на разные голоса.

Мы еще распределяли этих раненых по палаткам этапного Харьковского лазарета, когда вернулся Ширинский и объявил, что решено отступать и раненых приказано немедленно эвакуировать. Было 2 1/2 часа утра. На чем и как эвакуировать? Стали рассортировывать несча-

стных, и раненым в руку, только что уснувшим после пережитых душевных и физических напряжений, было предложено идти пешком. Ширинский остановил ехавшие мимо пять санитарных двуколок, в одной из которых едва растолкали измученного заснувшего врача, и попросили его взять с собой человек двенадцать, которые идти не могли. Я отдал фудутунку³⁹ Красного Креста, в которой приехали наши вещи, раненым, чтобы перевезти еще троих. Оседлали лошадей и думали и их отдать под раненых, когда подошел еще целый транспорт пустых санитарных двуколок. Усадили всех, кого было можно, остались только такие, которых необходимо было нести на носилках. Но кто их понесет? Китайцы наотрез отказались. Спасателями явились саперы с своим милейшим офицером, капитаном Субботиным, которые принесли раненых; они и понесли их дальше и захватили еще новых. Наконец, пришли санитары с носилками из дивизионного лазарета, и все больные были унесены. Унесли и графа Келлера, положенного в неимоверной тяжести гроб, за ночь сколоченный солдатами.

К этому времени солнце уже ярко горело на небе, освещающая все по-своему и отогревая измученные души. Шла речь о том, как хорошо шел бой, какая была бы славная победа, если бы не такой-то полк; что с князем Д. ничего не случилось; что терско-кубанский полк благополучно вернулся, и т. д. Никакие осадные орудия, которых боялись ночью, не стреляли, и сестры лазарета, уложив вещи, тоже благополучно уехали. Ковалевский остался

укладывать оставшееся имущество, а я пустился в обратный путь.

Встречаю молодого офицера, с которым познакомился в Ляояне, где он навещал одного из наших уполномоченных. Он был у Ренненкампа и занимался разведками. Каждое утро выезжал он с 16-ю казаками искать японцев, постоянно на них натывался и замучился так, что в Ляояне находили его сильно изменившимся и изнервничавшимся.

— Знаете, — рассказывал он тогда, — иной раз выезжаешь такой бодрый и все ничего; встретишь японцев, скомандуешь — и все так покойно; но иной день так скверно себя чувствуешь, что так бы и удрал от них, ей-Богу.

Теперь он имел довольный вид, солнце играло и на нем, и в нем.

— А знаете, доктор, ведь я перехватил транспорт, ей-Богу! Хоть паршивый, но перехватил, уже и в газетах об этом было, ей-Богу! Вы не читали?

Милое его улыбающееся лицо само действовало на меня, как солнце, и я поехал прибодренный, не замечая, что не спал ночь.

Дорогой я нагонял раненых, которых несли, и следил за ними; на первом этапе вздремнул два часа, затем приехал в Чинертунь, около которого и теперь стоим, а к вечеру добрался до военного госпиталя, куда прибыли все наши раненые и где и я переночевал.

ХП. В Восточном отряде

Кофенцзы. 26-е июля 1904 г.

Пользуясь дождем и затишьем — наверное, перед бурей — я расписался эти дни. В эти между боевые периоды часто испытываешь малодушное состояние больного, которому предстоит неизбежная операция: может быть, чем раньше она состоится, тем лучше, но он рад всякой оттяжке: то операционная комната не готова, то доктор прихворнул, и т. д. Так и я: знаю, что бои должны быть, и большие, и много их, и, может быть, иногда чем скорее, тем лучше, но радуешься невольно, когда они оттягиваются, представляя себе, сколько опять горя и страданий они должны с собой принести.

Но такое настроение опять-таки развивается преимущественно в Ляояне. Здесь, в лагере, оно гораздо более боевое, и даже переутомленные офицеры тяготятся затяжкой бездействия. В иных полках настроение даже очень бодрое, так что радостно на них смотреть.

Вообще, солдаты и офицеры в огромном большинстве дерутся великолепно; не всегда удачно бывает, по видимому, более высокое командование, и вечная беда, что приказ к отступлению приходит и неожиданно, и не всюду одновременно, и часто несоответственно, как будто, положению дела, так что многое из того, что говорил мой знакомый сотник, к сожалению, кажется, справедливо.

Во всяком случае, мы еще в недостаточной количественной силе, и трудности, с которыми нашим войскам приходится бороться, громадны. Но русский человек ко всему применяется, и многие полки уже бегают по сопкам не хуже японцев. Большое преимущество нашего врага в том еще, что он через китайцев отлично о нас осведомлен, мы же знаем о нем только то, что сами раздобудем.

Стойкости японских войск и стратегических способностей их военачальников здесь никто не отрицает. Сам Куроки⁴⁰, говорят, болен ревматизмом, его носят на носилках, но ему особой подвижности и не нужно: со всеми позициями он соединен телефоном, обо всем происходящем он каждую минуту осведомлен, может немедленно отдать любое распоряжение и таким образом объединяет действия всей своей армии. Кроме того, у японцев отлично организована система сигнализации флагами во время боя. Пользуются они и гелиографом⁴¹, по ночам рыщут какими-то огнями по горам. Словом, многому можно нам у них поучиться.

В Восточном отряде, впрочем, очень хорошо: позиции тоже соединены между собой телефонами, настроение в штабе разумное и бодрое, у всех готовность биться до последней капли крови и — что особенно важно — вера в возможность победы. Дай им, Боже, успеха!

Удивительно, как отличается лагерь от лагеря. Здесь лагерь имеет характер боевой, деловой, серьезный, в Кудзяцзы — казовый⁴² и эффектный: песни, музыка, воздуш-

ный шар. Там я был как раз в очень подавленном состоянии, и эти песни раздражали меня: мне слышалась в них фальшь...

Несмотря на крайне жесткое ложе, я здесь высыпаться (еще я сплю на бурке, которую мне уступает один из моих сожителей, студент летучего отряда, Перримонд, большой молодчага, работавший в последнем бою целый день на батарее); еда наша крайне умеренная, и дела я сейчас не имею никакого. Я остался здесь временно, до присылки уполномоченного Восточного отряда вместо князя Ширинского, и, как будто, забыт начальством. Пока я этим только доволен, но сейчас отрезан от Ляояна на неопределенное время: после одного дня дождя река местами уже стала непроходима, и казак, чтобы свезти в штаб донесение, должен был раздеться, положить донесение в фуражку, снять седло с лошади и поплыть рядом с нею. Я же доехал до реки и вернулся назад в свою деревню.

Радуюсь своей задержке еще и потому, что это даст мне, я надеюсь, возможность посмотреть на деле работу летучих отрядов. Жизнь я их уже вижу. Вне дела — это мытарство: без всяких удобств, без настоящего питания, без книг и духовной пищи, жизнь в грязи и отчаянной скуке, когда начинают, как три сестры у Чехова, стонать: «в Москву, в Москву!». Я этого, конечно, не испытываю, так как первые дни все ездил верхом: один день объехал наши позиции с генералом Капшталиным⁴³ и полковником Ора-

новским⁴⁴ (начальником штаба отряда), другой — отыскивал место для первого летучего отряда, третий — устраивал Курляндский отряд, на четвертый — выделял из Курляндского отряда еще меньших размеров летучку для отряда генерала Грекова⁴⁵; на пятый день ездил в Сяолинцзы, в Евгениевский госпиталь, — последние же два дня сижу и пишу, «как поденщик». Так я мог бы выдержать долго, но назавтра китайцы предвещают бой.

Когда китайцы ожидают, что будет «война», как они говорят, они увозят своих «бабушек», «мадам» и детей в горы. Наши хозяева сделали это уже несколько дней тому назад и с горя стали курить опий и пить свою отчаянную китайскую водку — ханшин, от которой наши солдатики иногда умирают, а в лучшем случае и на второй, и на третий день пьянеют, лишь только выпьют стакан воды. Ханшин и опий приводят китайцев в расслабленное довольное состояние, и они делаются смешливы. К нам, своим непрошеным гостям, они относятся вполне дружелюбно, а двое из них особенно ко мне расположены: при виде меня улыбаются, повторяя каждый раз: «капитан шан-го»⁴⁶. Чрезвычайно их интересует мое утреннее мытье, из которого они делают себе целое зрелище.

Кофенцзы — славная деревушка с довольно обширными и чистыми фанзами и славными огородами при каждой из них. Бобы и огурцы вьются по тщательно переплетенным гаоляновым прутьям и по каменным стенкам, отделяющим один дом от другого. Тут растут и баклажаны, и дыни своеобразного вида, — маленькие, но очень

недурные на вкус, — посажены гряды лука, в иных деревнях — целые красивые поля мака.

Нигде я не видал столько женщин, как в этой деревне. Быть может, это объясняется тем, что здесь народ, по-видимому, побогаче, и кто может себе позволить эту роскошь, тот имеет и двух, и трех жен. На иных дворах женщины, как только появишься, закрывают быстро окна, на других они менее боязливы и только скромно прячутся, если замечают направленный на них взор. Когдаходишь в фанзу, китаец-хозяин любезно приглашает на левую (большую) мужскую половину ее, просит сесть: «Садиза!» — иногда вынимает изо рта трубку и предлагает: «Кури, кури». Но, когда хочешь войти из сеней в правую дверь, хозяин перед ней останавливается, придерживая ее, и почти шепотом предупреждает: «Мадам сип, сип». И действительно, там постоянно какая-нибудь «мадам» спит. Китайцы очень берегут своих женщин, которым предоставляют, по-видимому, только домашнюю работу, на полях же и в огородах работают почти исключительно мужчины; только однажды случилось мне видеть двух китайнок, срывавших головки мака.

Высоко ценя счастье семейного очага, китайцы на всех своих изделиях изображают его эмблемы, часто весьма своеобразные. Так, летучая мышь у них эмблема семейного счастья, лягушка — эмблема любви. Квакают они здесь сотнями голосов на два тона, с беззастенчивостью привилегированных особ, и так громко, так неумолчно, что люди чуть понервнее от этого не могут

спать. Стоит выпасть днем дождю, чтобы к вечеру они уже затянули свою песнь любви. И с каким благоговением слушают подчас эту песню китайцы! Я видел одного, который долго стоял перед лужей, не отрывая глаз от невидимого хора, — наконец, даже на корточках присел, чтобы слушать с полным удовольствием. Китайцы вообще народ очень гибкий и на корточках сидят, видимо, с таким же удобством, с каким мы сидим на кресле. Рыба у них тоже прикосновена к семейному счастью, и молодым на свадьбу принято дарить чашку с двумя рыбами. Наконец, аист имеет, надо думать, то же значение, что и в Европе, почему в необыкновенной шпильке, изображающей розу с удивительными листками, ты найдешь и рыб, и лягушку, и аиста, и лотос — цветок верности.

Китайцы, несомненно, очень чадолюбивы. Они нежны с детьми, и я никогда не видал, чтобы они их наказывали или били. Зато не видал я и драк между детьми. Вообще, детишки китайские славные, только отчаянно грязные. Манеры, игры и плач их совершенно общедетские, рожицы часто очень милые; все они черноглазые. Летом маленькие детки, если не совсем голы (в большую жару и взрослые китайцы работают совершенно нагишом), то имеют в высокой степени упрощенный костюм, состоящий из одного передника, висящего на шее и прикрывающего только грудь и живот. Такие передники носят, по-видимому, решительно все китайцы под своим обычным платьем, иные даже на серебряной цепочке. Большею частью эти передники вышиты, иногда очень красивым узором,

синим по белому. На некоторых из них сделаны даже карманы. Взрослые китайцы, когда жарко, ходят большею частью только в одних панталонах, а выше — или ничего, или такой передник. Панталоны у них широкие, но около щиколоток туго обтянутые; сверху они надевают еще рабочие панталоны, устройство которых я долго не мог понять вследствие их странного вида: они завязываются так же низко, как и другая пара, но выше закрывают только переднюю часть голени, колени и несколько выше их кончаются, привязываясь тесемками к поясу. Это, так сказать, мужской передник, который китайцы после работы снимают; но пока в нем, это имеет препотешный вид, особенно сзади. Ужасно уродлива у них бритая передняя половина головы; не понимаю, зачем они это делают. Скорее миришься с их косой, которую они часто кладут венцом на голову, напоминая тогда, при известных типах, древних римлян в венках.

... Я лично не видал еще ни одного насилия русских над китайцами, — вижу, напротив, что за все, за всякую потраву, за всякую вещь, китайцы получают большие, согласно их требованиям, деньги, что они часто подходят к «капитану» с жалобой на того или другого солдата, будто он ему денег не заплатил или срывает незрелую кукуру. Эти жалобы доказывают, по-моему, их уверенность, что подобные поступки солдат наказуются, и нередко такие обвинения бывают просто шантажными. Так, мне рассказывали, как один китаец, которому не удалось с обоих денщиков офицера получить по полтиннику за одну

и ту же курицу, стал бить себя лицом об дверь и выть. Вбежавший офицер, увидав китайца в крови, хотел сильно наказать денщиков, да дело объяснилось.

Высказывается, однако, и противоположное мнение. Конечно, отдельные случаи безобразий не могут не перепадать, но мне невольно вспоминается рассказ про одного этапного коменданта, который, вопреки своим обязанностям, не давал казакам сена без денег. Денег у казака нет, а лошадь свою он кормить должен, ибо, что такое казак без лошади? Ну, и перерубили казаки китайцу руку и отняли у него солому. Кто же наталкивал их на разбой, спрашивается?

...Когда я в Кудзяцзы навещал наши отряды, я поехал отыскивать Курляндский. Въезжаем в ближайшую деревню и натываемся на казаков с оголенными шашками, офицер — с револьвером в руке.

— Что случилось? — спрашиваем.

— Сейчас из гаоляна хунхузы казака ранили и скрылись в этой деревне.

Деревню сейчас оцепили казаки, встречных китайцев всех задержали, и, через некоторое время (мы уже проехали тогда дальше), поймали двадцать хунхузов и между ними двух японцев.

Был еще случай, когда я чуть не попал под пули хунхузов.

Есть у нас на одной из станций ближе к Харбину, в Шуанмоцзы, госпиталь Казанского Дворянства. Я приехал туда в 11 часов вечера, благополучно прошел мимо часовых, которые из темноты вдруг громко окликают:

«кто идет?» (скорее отвечаешь: «свой!»), чтобы не стреляли) и пришел в домик, занимаемый врачами и сестрами. Старший врач госпиталя Н. стал рассказывать мне, как на днях было нападение хунхузов на их станцию, как несколько пуль попало даже в крышу госпиталя, и как вчера хунхузы опять обстреливали неподалеку воинский поезд; что их — три эскадрона под начальством японских офицеров, и что на фуражках убитых хунхузов найдена японская надпись «Великая Япония».

В это время вдруг слышим свист и щелк, свист и щелк.

— Ну, вот, вот, опять! — заволновался бедный доктор, затушил скорее лампу, согласно приказанию пограничной стражи, а то стреляют на огонь, и стал успокаивать меня из темноты.

— Вы не бойтесь, сейчас перестанут.

Его помощник, второй врач госпиталя, Крамер, встал с постели, куда уже улегся на ночь, и пошел в госпиталь на случай прихода раненых. Хорошие условия работы!

Мы пошли за ним, но стрельба, действительно, сейчас прекратилась: пограничная стража пошла усмирять разбойников.

Видел я хунхузов и вблизи: двое лечились в Георгиевском госпитале от побоев, полученных при дознании (китайцы при допросе подвергают пыткам), хотя им предстояла смертная казнь. Вид у них был обычных китайцев, они были только крупнее и мрачнее, прямо злее, но ведь и в других же условиях!

Однажды видел я красивого, большого, приятного

хунхуза, их полковника, вошедшего, со своими солдатами, в известный отряд полковника Мадритова⁴⁷. Он дрался за нас, был ранен, и я застал его во время перевязки. Он очень благодарил за нее, но отказался лечь в госпиталь и объявил, что пойдет курить опий. Никогда еще не казалось мне столь уместным это употребление опия...

ХIII. В ожидании боя

28-го июля 1904 г. Кофеницы

Ложимся мы здесь спать довольно рано, не позже одиннадцати, а под утро спишь уже сквозным сном: с одной стороны, бока разболят от жесткого ложа, с другой, — невольно прислушиваешься к жизни лагеря, не начинается ли, мол, что, и присматриваешься к небу; с третьей, — начинают одолевать мухи. Это настоящие мухи-назои, которые называются здесь некоторыми египетской казнью. Обилие их, действительно, неимоверное, и, глядя на них, я себе ясно представляю, как могут японцы нам досаждать уже одною своею численностью. Мухи покрывают собою все съестное, так что все приходится защищать колпаками, для чего пользуются обычными китайскими соломенными шляпами конической формы; чуть на столе появится кусок сахару, он тотчас делается черным от насевших на него мух; потолки черны и от мух, и от их следов; пока стоит рюмка вина или ты пьешь чай, тебе неоднократно приходится вылавливать оттуда утопленниц;

иной раз вздохнешь неосторожно, и тебе в горло попадает муха; чтобы спастись от них, тебе нужно и окна, и двери затянуть кисеей, первые никогда не открывать, вторые держать на блоке, чтобы они были открыты, только когда пропускают человека; где этого нет — облегчаешь свое существование веером, который заводят здесь почти все в борьбе со страшной жарой. Китайцы все ходят с веерами, даже самые бедные (нам продают веера по пятнадцать копеек), а от мух у них особые опахала из конских волос. Я тоже ложусь спать с веером (окна у нас в фанзе, конечно, никогда не запираются) и под утро обмахиваюсь им, иногда даже во сне.

Боя все нет, и я продолжаю писать.

Следовало бы брать пример с солдатиков. Спрашиваю одного раненого в Евангелическом госпитале, которого застал за письмом.

— Что, друг, домой пишешь?

Обыкновенно лицо солдатика при этом засияет.

— Домой, — говорит.

— Что же, описываешь, как тебя ранили (он был ранен легко) и как ты молодцом дрался?

— Никак нет, пишу, что жив и здоров, а то бы старики страховаться стали.

Вот оно — величие и деликатность простой русской души!

В том Евангелическом госпитале была следующая трогательная сцена. Куропаткин обходил раненых и раздавал Георгиевские кресты. Получил и один фельдфе-

бель или унтер-офицер 34-го Севского полка. Расспросив, по обыкновению, раненого о деле и похвалив за него: «хорошо работали», Куропаткин своим громким, покойным голосом, передавая ему знак военного отличия, говорит:

— Именем Государя Императора поздравляю тебя кавалером.

— Покорнейше благодарю, ваше высокопревосходительство! — молодецки выкрикает раненый.

— Теперь тебе всюду и всегда почет будет за этот крест. Постарайся его еще раз заслужить, — продолжает Куропаткин и отходит.

— Рад стараться, ваше высокопревосходительство! — громко раздается ему вслед.

Так обошел он весь барак и вышел. Я задержался за какими-то расспросами, когда меня остановил новый кавалер 34-го Севского полка и в волнении заговорил:

— Ваше высочество, я еще должен доложить, я непременно должен доложить его высокопревосходительству...

— Что, друг?

— Меня командир полка от плена японского спас; когда я был ранен, он мне отдал свою лошадь и велел скорее везти. Я непременно должен это доложить, — повторял со слезами на глазах благодарный солдатик.

— Хорошо, я передам.

На первом же обеде у Куропаткина я рассказал ему это.

— За таким командиром, — сказал он, — конечно, весь полк, как один человек, пойдет.

Через несколько времени в Кудзяцзы мне пришлось обедать у Куропаткина как раз рядом с этим командиром. Это оказался высокий, полный, с большой белокурой бородой и добродушным лицом человек. Я рассказал ему все, что написал тебе, и он был, видимо, доволен.

— По-видимому, солдатик уверен, что вы сами рисковали пленом японским, когда отдали ему свою лошадь. Верно ли это?

— Нет, конечно, этого риска не было, но он все верно рассказал.

После этого обеда Куропаткин собрал у себя в палатке всех полковых командиров и других начальников частей и сказал им, как мне потом передавали слышавшие, блестящую импровизированную речь. Он очертил им весь ход истекшей части кампании, описал дальнейшие планы, указал на назначение 10-го корпуса и коснулся некоторых замеченных им недостатков.

— Мы не привыкли, — говорил он, — к горной войне, и думаем уже, что трудности ее непреодолимы. Такое представление передается от офицеров и нижним чинам. Между тем, к ней можно приучиться, — нужно только упражняться.

На другой же день солдат стали заставлять брать приступом сопки или, как их здесь нежно называют, «сопочки». Пошли на одну из них и генералы осматривать позиции, но один, бедняга, отстал на первой трети и стал взы-

вать о помощи: он не мог уже сойти, так у него кружилась голова. Красный Крест и тут помог.

— Ну, вот, — говорил бедный генерал, спустившись, — а я, пехотный генерал, говорят, должен видеть все расположение моих частей, ну, где мне с моим сердцем!

— Да зачем вам самому, ваше превосходительство, у вас есть заместитель, — утешает его другой генерал.

— Да он совсем не может по горам ходить! — с отчаянием воскликнул первый. — Отяжелели мы, засиделись!

XIV. В Евгениевском госпитале

1-е августа 1904 г. Сяолинцзы

Удивительная энергия у этого талантливое человека Н. Н. Исаченко⁴⁸, не могу на нее налюбоваться! Если бы ты видела, что он, вместе с уполномоченным, графом П. Н. Апраксиным⁴⁹, другими врачами и сестрами создал в Евгениевском госпитале?! Наняв несколько жалких фанз на склоне горы, он часть ее срыл, образовал две террасы, на одной расположил хирургических больных (ближе к перевязочной), на другой — терапевтических, все в шатрах, соединенных между собою брезентами и вытянутых в линию, и свою палатку поставил так, что от нее виден весь госпиталь; установил правильную выносную систему человеческих отбросов; по всему участку проложил дорожки и прорыл канавки; устроил

церковь в шатре и образовал хор из сотрудников и выздоравливающих. Больных ведет и относится к ним идеально. Все чрезвычайно милые люди, евгениевцы приобрели и массу личных друзей, благодаря которым они для своего госпиталя, пользующегося во всем Восточном отряде самой блестящей репутацией и любовью, в различные трудные минуты со всех сторон получают необходимую помощь. Только от них я и слышу о нашем движении вперед, о наступлении на японцев, как о чем-то реальном, что будет непременно, и я сам начинаю верить, что оно может наступить, даже скоро.

Теперь их всех отзывали отсюда, ввиду нашего отступления, приказывали сниматься, а я все отстаивал, и госпиталь удержался, продолжая приносить свою громадную пользу. Все, без чего можно обойтись, отослано в Ляоян, и все-таки всего еще достаточно.

Пришлось отослать и иконостас, и шатер, в котором так мило была устроена церковь, но служба все-таки продолжается: по канавке, которой был окружен церковный шатер, натыкали сосенок, сделали из них Царские Врата, поставили одну сосенку за алтарем, другую — впереди перед аналоем, приготовленным для молебна; на две последние сосенки повесили по образу — и получилась церковь, которая казалась еще ближе всех других к Богу, потому что стоит непосредственно под Его небесным покровом. Его присутствие чувствовалось в ней больше, чем в какой-либо другой, и так вспоминались слова Христа: «Где двое или трое соберутся во Имя Мое, там

и Я посреди их»⁵⁰. Эта всенощная среди сосен в полутьме создавала такое чудное молитвенное настроение, что нельзя было не подтягивать хору и не уйти в молитву, забыв все житейские мелочи...

Это было в субботу вечером, в тот самый вечер, когда на наших горах, «сих проклятых цопках», как их называют солдатики, впервые за эту кампанию раздалось наше радостное русское «ура». Я возвращался в это время из штаба, расположенного в соседней деревне в Чинертуне, и как ни был далек от ожидавшегося события, сейчас же предположил, что родился Наследник, ибо какое другое событие могло нас теперь порадовать?!

Как раз в Сяолинцзы расположен тот славный 12-й полк, шефом которого назначен Наследник⁵¹.

Вечером третьего дня раздавались музыка и пение и вчера с утра тоже. В это время в нашей сосновой церкви шла обедница; едва затихало церковное пение — к нам летели звуки бравурного марша; напоминая мне церковную католическую процессию во время состязания автомобилей, виденную нами с тобой в Палланце. Тогда мы чувствовали в этом совпадении борьбу церкви с мирским началом, — теперь, наоборот, эти противоположные мотивы звучали в унисон: так, казалось, в счастливой душе сливаются песни радости с благодарной молитвой к Богу.

После службы мы пошли на площадь, где были выстроены именинный 12-й полк и другие, в ожидании начальства и молебна. Приехал начальник Восточного отряда Н. И. Иванов со штабом (из Чинертун).

— Здравствуй, славный 12-й полк! — раздалось на площади, «покоем»⁵² окруженной войсками. Грянул ответ; поздравление продолжалось, мы пошли туда. В это время вдали появился генерал Бильдерлинг⁵³, командующий всем восточным флангом. Он со всеми поздоровался, обошел войска и пригласил всех в середину каре к молебну. Перед аналоем стали знамена 11-го и 12-го полков. Я залюбовался знаменщиками, Георгиевскими кавалерами, особенно одним из них, высоким белокурым молодцом с двумя Георгиями. С какой счастливой гордостью держал он это воплощение идеи полка, идеи их единства и верности Царю и Отечеству, с какой нежностью подносил, вернее — опускал его перед священником для окропления святой водой! Совсем как любящая и гордая своим ребенком мать подносит его к причастию...

Перед молебном священник 12-го полка, в бою под сильным огнем причащавший умирающих, — как, впрочем, и многие другие, — сказал несколько простых и сердечных слов на тему о том, что за Богом молитва, а за Царем служба не пропадают. Его громкий голос ясным эхом раздавался над ближайшей горой в направлении к Ляояну, и казалось, что эти звуки из нашего жуткого далека так и будут скакать с горы на гору к нашим родным и близким, в нашу бедную, дорогую отчизну для того, чтобы и вы все, родные, услышали их...

После молебна генерал Бильдерлинг провозгласил тост за здоровье Государя, и оркестры двух полков грянули «Боже, Царя храни!» Темпераменты обоих капель-

мейстеров оказались совершенно разными: один вел торжественным «andante», другой — радостным, ликующим «allegro». После первых же звуков, вместо чудного величественного гимна послышалась трудно понятная какофония. «Так-то, — подумал я, — и наши русские сердца, даже одинаково преданные своему Царю, бьются и звучат совершенно по-разному, и что из этого получается?! А когда в тот же хор вплетаются еще души, настроенные не на наш гимн, а на «Wacht am Rhein»⁵⁴, или марсельезу, или камаринскую?!»

В 1 1/2 часов дня в 12-м полку был обед, на который и мы все были приглашены. Знаменитый полковой командир, полковник Цыбульский⁵⁵, необыкновенного, как говорят, хладнокровия в бою, — встречал гостей. Большой шатер был убран зеленью, скамейки — покрыты синей китайской материей; из солдатских палаток сделан второй шатер, в котором, за недостатком скамеек, были вырыты канавки: в них гости ставили свои ноги, садясь на землю, покрытую зеленью, и имея другую сторону канавки столом. Тем не менее, обед был обильный и яствами, и питьем, и тостами, и прошел очень мило и оживленно. Очень кстати выпал и на нашу долю праздник — маленький отдых многим измученным душам; как чувствовалось это в различных речах и пр.!

Бильдерлинг оставался долго и сказал офицерам-хозяевам очень милое слово: «Однажды Наполеон расспрашивал своих приближенных, кто имел каких знаменитых предков. Один из них ответил, что он не имеет знатных людей среди своих предков, но постарается, чтобы по-

томки его имели такого. Вот вы, господа, являетесь такими предками, которыми потомки ваши будут гордиться», и т. д.

В ответ на тост за мое здоровье я просил слова и рассказал, как был поражен мужеством и терпением, с которыми раненые под Тюренченом переносили свои страдания, в глубоком убеждении, что они делают свое великое дело за Царя и Отечество. «Они умели биться, умели и страдать», — сказал я и предложил выпить за здоровье тех из тюренченских раненых, которые еще не поправились. Тост был встречен очень сочувственно; генерал Иванов⁵⁶ поцеловал меня и предложил всем офицерам 12-го полка сделать то же, что и было очень мило исполнено, и я с удовольствием расцеловал этих скромных, но истинных героев в серых изношенных рубашках.

Пили и за здоровье иностранных представителей, из которых двое, в том числе и германский, отвечали на русском языке. Последний подчеркнул, что германская армия, особенно прусская, была всегда союзницей русской.

Одним из распорядителей обеда был очень милый офицер полка, сын полкового командира. Что чувствуют оба, отец и сын, когда вместе идут в бой?! Жутко мне поставить себя на их место...

...В Лянь-шань-гуани я познакомился с одним офицером, который в начале войны был помощником коменданта. Когда полк его, 24-й, пошел в поход, он, молодой муж и отец малолетнего мальчика, отказался от своего сравнительно безопасного и выгодного места и попро-

сился в полк. Там его тотчас же назначили на какую-то нестроевую должность, — он отказался, чтобы быть в строю. Покойный Келлер хотел взять его к себе в штаб, но он попросил командира полка, славного полковника Лечицкого⁵⁷, удержать его в полку — и получил роту.

В первом же бою на его глазах были убиты два его лучших друга, из которых один был ему специально поручен стариком-отцом. До тех пор он все желал войны, но тут с ним произошел переворот: он слишком наглядно увидел всю жестокость и мерзость ее. Когда он, после боя, представлял Келлеру остаток своей роты, человек в двадцать пять, и граф спросил его, где его рота, ему сдавило горло, и он едва мог проговорить, что она — вся тут!

XV. Врачи на войне

...При дальнобойности современных ружей и орудий всем врачам приходится работать под огнем, и, к чести их сказать, они все без исключения, как военные, так и наши, краснокрестные, повсюду ведут себя просто доблестно. Даже офицеры говорят, что в мирное время привыкли относиться к врачам, как к невоенным, а теперь убедились, что они такие же военные, как они сами, и столько же рискуют собой. Забираются наши врачи и на батареи, и один из врачей Евгениевского отряда, доктор С., временно бывший главным врачом одного из летучих отрядов, даже так увлекся, что вместе с офицерами

высматривал японцев и просил в них стрелять. Он остался в восторге от действия артиллерии, работа которой, действительно, всеми признается безупречной.

Каждый из наших летучих отрядов заработал себе в частях, при которых действовал, самое лестное имя и самую сердечную благодарность; все свидетельствуют о их самоотверженности. Радостно и трогательно мне было вчера видеть, как сердечно и горячо относились в 12-м полку к уполномоченному Курляндского летучего отряда, барону фон-Хану.

Балтийские немцы, которых на войне здесь оказалось довольно много, вообще повсюду работают прекрасно: и Курляндцы, и Евангелический госпиталь, выделивший свой летучий отряд, и профессор Мантейфель со своими учениками, и врачи отряда П. В. Родзянко, тоже из балтийских провинций, наконец, Русско-Голландского отряда, — все внушают к себе самое искреннее уважение и тем, конечно, что они приехали, и тем, как они себя держат и как работают. Здесь совсем не проявляется у них то, что меня обыкновенно так обижает с их стороны — это презрение к русскому человеку, презрение, которое и было, по-моему, причиной враждования с ними. Здесь, как они сами заявляют, научаешься уважать русского мужика, а раньше многие из них его, пожалуй, и в глаза не видали.

Не помню уже, писал ли я тебе, что, памятуя свои обязанности заведующего медицинской частью Красного Креста, я, во время боя под Вафангоу, не хотел упор-

ствовать в том, чтобы сидеть за фельдшера. Когда пришел военный фельдшер с другого перевязочного пункта, я спросил его, не может ли он за меня остаться, — он сказал, что должен спросить своего врача. Разумеется, я послал его к врачу, но он больше не возвращался.

Прибежал потом, запыхавшись, на гору ко мне профессор Цеге-Мантейфель с двумя санитарями и носилками.

— Говорят, у вас много раненых? — спрашивает он.

— Нет, — говорю, — и вы, пожалуйста, уходите.

Глядя на его огромную фигуру в большом белом шлеме, я думал, что по нему тотчас же откроют только что затихший огонь.

— А вы что же здесь делаете? — спрашивает он.

— Я сижу за фельдшера, который ранен.

— Так я вам пришлю своего.

— Отлично, — говорю, — присылайте.

— Ах, нет, — вспомнил Мантейфель, — ведь он у меня совсем в другом отряде. Ну, я останусь за вас.

— Ну, нет, этого я не могу позволить; это я, терапевт, могу остаться за фельдшера, а вы, профессор хирургии, нужны на перевязочном пункте подальше. Дайте мне только, пожалуйста, папирос, потому что мои — на исходе, а сами уходите.

Так и проводил его. Никогда не забуду я ему этих папирос...

У нас здесь пока затишье продолжается, объясняемое разными слухами, но, может быть, поддерживаемое дож-

дями, которые опять зарядили, особенно сегодня. Быть застигнутым ими здесь — мне одно удовольствие, но мне уже становится стыдно, что я так долго отдыхаю. Неясно тоже вижу, почему меня оставляют здесь в покое.

P.S. 3-е августа 1904 года. Ночью получил телеграмму от Александровского из Ляояна: «Жду тебя с нетерпением». Завтра выезжаю.

5-е августа 1904 г. Ляоян

На днях, кажется, опять поеду в Харбин разбирать одно дело. Много у меня таких «дипломатических» поручений, — надо бы как-нибудь и о них рассказать.

Удручен я ужасно сведениями о нашем флоте. Если он погиб, погиб и Артур, быть может, — погибла и кампания, особенно, если в Петербурге пойдет внутренняя передряга.

13-е августа 1904 г.

Вот и опять я еду в Харбин. Туда приехал второй Георгиевский отряд, приехали бактериологические отряды «имени С. П. Боткина», снаряженные Комитетом Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, приезжает лазарет для сестер, посланный Императрицей Марией Феодоровной.

Еду с удовольствием, рассчитывая, что ничего не пропущу на юге, и радуясь встрече с М. Необыкновенно приятно здесь, на чужбине, знать, что увидишь искренно, сердечно расположенного к тебе человека, так исключительно расположенного, как милый М.

Должен, впрочем, сказать, что на этот раз я попал и в Ляоян, действительно, как домой: не в пример предыдущим разам меня ждала хорошая комната, которую я разделяю с другом своим, уполномоченным Г.

В Георгиевском госпитале нашел ряд больных из персонала: доктор Ш. болен брюшным тифом; сначала он был легкий; но вторая волна посильнее; переносит он его очень удовлетворительно; сестра Л. прodelывает совсем серьезный тиф, но к моему отъезду температура стала спадать; студент О. тоже в тифе, теперь ему лучше; наконец, делопроизводитель Ж. — тоже, но и у него дело идет на улучшение.

XVI. Бомбардировка Ляояна⁵⁸

3-е сентября 1904 г. Мукден

Ехал я в Ляоян, как писал тебе с дороги, с большим волнением. Уже в Мукдене слышалась пальба, на станции Шахэ ясно видны были и дымки орудий и снарядов.

Мы добрались до Ляояна в среду, 18-го августа. Много физиономий переменил он на моих глазах: застал я его скромной и довольно безлюдной резиденцией «папашин» Линевича, как называют офицеры своего любимого старика-генерала; присутствовал при встрече Командующего армией Куропаткина и при последовавшем затем оживлении этого городка, приковавшего к себе внимание всего мира; видел его, наконец, совсем опустевшим большим

этапом, когда Командующий перенес свою квартиру на юг, и Ляоян стал только отголоском бывшего и местом отдохновения замученных и изнервничавшихся офицеров.

18-го августа я нашел его в совершенно новом, боевом наряде. Должен признаться, что этот наряд уже тогда произвел на меня впечатление дорожного костюма: как будто воин облачился, чтобы выступать. Несмотря на отсутствие Командующего, который уже был на востоке, оживление на станции было чрезвычайное, но с характером железнодорожной лихорадки, в смысле немецкого «*Reisefieber*»*. Наш санитарный поезд ожидался с нетерпением, сам Ф. Ф. Трепов⁵⁹ встречал его и тотчас же приступил к деловым переговорам с комендантом и главным врачом поезда. На платформе ходила масса военного народа со спешными движениями и деловыми серьезными лицами. На станции, около станции, в городе, на нашей окраине (около Георгиевского госпиталя) развевались новые флаги с красным крестом, виднелись новые колонии палаток.

Громкий многоголосый говор станционной толпы казался виртуозными вариациями правой руки под односложный аккомпанемент левой, в виде гула орудий, заставлявшего всех невольно повышать голос. Разыгрывалась сложная боевая симфония...

Со мной приехали сестры и врачи, и я поспешил в наше Управление, чтобы узнать положение дел и получить распоряжения. Там я застал только инвалидов: ге-

* Чемоданное настроение (нем. разг.).

нерала Р. и нашего уполномоченного, П. П. В., тоже свалившегося с лошади и повредившего себе колено; остальные были на позициях. Я попросил свою лошадь, — оказалось, что на ней уехал мой казак; другой не осталось, да и куда было ехать? — я не знал, на каких позициях идет бой; к тому же приехал санитар, объявивший, что сейчас возвращается Александровский. Тем временем канонада достигла своего апогея, гром орудий стал непрерывным: мы отбивали отчаянную атаку японцев с высокой горы впереди Ляояна. Мы удерживали ее второй день и были довольны ходом дела.

Стали спускаться сумерки, стрельба поредела, приехал Александровский, усталый, серьезный, и велел тотчас же собрать санитаров, желающих ехать выбирать из траншей раненых.

Канонада совсем смолкла, наступила темнота, и с нею пришло известие, что раненых нужно убрать до 9 часов вечера, так как мы... отступаем: мы отдавали гору и переходили на форты, которыми давно окружен Ляоян.

Мы с М. пошли в Георгиевский госпиталь искать еще врачей, которые с перевязочным материалом и санитарами поехали бы за ранеными в деревню Мазтунь. Разумеется, Александровский и я ехали тоже. В Георгиевском госпитале застали транспорт в двести слишком раненых, в новом перевязочном пункте еще шли перевязки прежде доставленных.

Тем временем разразилась гроза со страшным ливнем, промочившим меня насквозь, и в несколько минут обратившим дороги в едва пролазную скользкую грязь,

по которой я двигался лишь с трудом, опираясь на руку М., но и то, наконец, поскользнулся, упал и чуть не свалил своего спутника. Когда мы добрались до нашего Управления, Сергей Васильевич уже изменил план, послал за ранеными только уполномоченного В. В. Ширкова⁶⁰ с санитарями, так как в такой грязи и темноте невыносимо было делать перевязки, а мы с ним пошли на платформу нашего госпиталя принимать раненых с поезда, который должен был сейчас прийти с южных позиций. Вместе с тем мне необходимо было расспросить Александровского про все, что было сделано без меня, дабы войти в курс дела.

Оказалось, что, кроме ранее намеченных перевязочных пунктов в Георгиевском госпитале и на этапе, — в городе развернулся Евгениевский госпиталь, снова отлично оборудовавший полученный дом, опустевший за выездом какого-то Правления; около станции — земские отряды, которые предполагалось поставить в ближайшей деревне, оказавшейся, однако, под сильным расстрелом; наконец, на разъезде, в расстоянии полуверсты от северного семафора, были поставлены два подвижных лазарета, куда отсылались из наших городских госпиталей все легкораненые. Разъезд этот уже стал называться Ляояном №2; из него шла усиленная эвакуация раненых, помощью всегда стоявших там теплушек.

Мы спешно приняли привезенных раненых, чтобы поскорее освободить железнодорожный путь для подвоза снарядов. «Если я буду иметь возможность, — сказал, будто, Куропаткин, — я вывезу всех раненых; если же

мне нужны будут снаряды, я сперва их подвезу, а потом буду вывозить раненых», — и это, разумеется, совершенно правильно, так как эти снаряды защищают и этих самых раненых. Сергей Васильевич поехал к Трепову, а я пошел в госпиталь Мантейфеля и Галле, куда были направлены вновь прибывшие раненые.

Два больших керосиновых факела освещали подходы носилки и двуколки, в перевязочных шла нервная работа над несчастными окровавленными солдатами, большая палата барака была заполнена страдальцами. Да, уже это не Тюренчен!

Вот они, ничем не скрашенные ужасы войны!.. В воздухе стояла ужасная, подавляющая какофония стонов. Налево стонет без сознания раненый в голову; рядом другой — в полном сознании — громко жалуется на боль; впереди кличет тебя несчастный, прося глоток воды; направо — раненый в живот жестоко страдает оттого, что не может выпустить жидкость, его распирающую... Кого напоив, к кому направив сестру или ординатора, я, совершенно удрученный, подавленный, пошел домой.

Каюсь, вид раненого японца в своем кэпи среди всех этих мук мне был неприятен, и я *заставил* себя подойти к нему. Это, конечно, глупо: чем он-то виноват в страданиях наших солдатиков, с которыми он их разделяет! — но уже слишком душа переворачивается за своего родного...

Сергей Васильевич привез известия, подтверждавшие наше отступление с доминирующей горы, — опять, казалось, ничем не вызванное и непонятное.

XVII. Эвакуация Ляояна

Поспав часа четыре-пять, мы, проснувшись, были удивлены затишьем. Как будто и войны нет. Яркое солнце озаряло наш милый садик, где не было видно крови и не слышно было стонов, кругом царили тишина и, казалось, полный мир. Сергей Васильевич решил, что мне непременно нужно поехать отыскивать новые места для перевязочных пунктов севернее Ляояна, стал отчаянно торопить меня, а когда я уехал (верхом, конечно), послал за мной еще Михайлова с целым штабом: уполномоченного, студентов и санитаров с флагами Красного Креста.

Как прогулка, поездка была очень приятной. В ближайшей деревне я нашел прелестную усадьбу богатого китайца, окруженную каменной стеной, с хорошими фанзами, чистыми замощенными большими плитами дворами, садиками и огородами. Мы все съехались в ней и на ней сошлись: ее выбрал бы и каждый из нас в отдельности, тем более, что другой такой и не было в деревне. Отпустив домой весь лишний персонал, Михайлов поехал со мной на 101-й разъезд, — конечная цель нашего путешествия, верстах в двенадцати от Ляояна. Заняв и там несколько смежных фанз, мы зашли к будущим соседям, врачам дивизионного лазарета, где нашли старых знакомых и выпили чайку. Казалось, мир продолжался, несмотря даже на орудийные выстрелы, которые стали изредка долетать до нас со стороны Ляояна. Вот прошел мимо нас товарный поезд. С ранеными? Нет, почти пустой, с

чьим-то скарбом. Значит, раненые не прибывают — слава Богу! Еще поезд, — опять без раненых, тоже пустой. В одном из товарных вагонов замечаем нашего правителя канцелярии, который уже дня два назад сложил ее и дневал и ночевал на ней в товарном вагоне. Весело раскланялись и едем еще искать помещений, — так как Сергей Васильевич просил занять все свободные фанзы. Поражаемся, однако, что подходят все еще и еще поезда, устанавливаясь цепью один за другим на пути, за невозможностью проехать.

— Да ведь это отступление, — догадывается Михайлов. — Ляоян очищается!

На поезде, остановившемся на разъезде, замечаю врача одного из земских отрядов и подъезжаю к нему.

— Что делается в Ляояне? — спрашиваю.

— О, станция обстреливается, одной сестре Харьковского отряда ноги оторвало, врача ранило. Все вывозится.

Этого и следовало ожидать. Отступая на переднюю линию наших фронтов (а их было, если не ошибаюсь, три вокруг Ляояна), мы еще далеко не отдавали города, но, очистив доминирующую гору, мы передали ее японцам и тем поставили себя под расстрел. Говорят, будто на этой горе утром появился японец с белым флагом. Пока у нас рассуждали, стрелять в него или нет, он скрылся, а вслед за этим неприятель поднял на гору свою артиллерию и начал нас громить.

Взволнованные известиями, мы с Михайловым поскакали в Ляоян и, помнится, всю дорогу мы с ним были

единственные, ехавшие в этом направлении. Когда встретившийся нам врач узнал, куда мы едем, он удивился.

— Там страшно, — сказал он.

И все шло нам навстречу: арбы, двуколки, верховые, солдаты, китайцы, — все это тянулось нескончаемой смешанной унылой чередой, будто шествие умерших на тот свет.

Канонада становилась все громче и злее.

На станции Ляоян №2 мы нашли аккуратно сложенное имущество Евгениевского госпиталя, убранный из города уже под огнем, когда снарядом была попорчена крыша их дома. Впоследствии Александровский рассказывал, что, когда он приехал к Евгениевцам в эти опасные часы и предложил вынести самое для них дорогое, — через несколько минут появились врачи, неся на руках гроб с телом умершего у них офицера (раненные были все уже эвакуированы).

Когда мы подъехали к Георгиевскому госпиталю, он собирался выносить своих раненых на платформу.

— А госпиталь ты сворачиваешь? — спрашиваю Давыдова.

— Приказаний никаких не было.

Я попросил, чтобы, вынеся всех раненых и больных, он свернул госпиталь, согласно распоряжению Ф. Ф. Трепова, и пригласил бы сестер укладывать свои вещи. А они ходили по госпиталю, будто он заколдован от снарядов, и продолжали свое святое дело, не замечая, казалось, что опасность все к ним приближалась.

Настал темный южный вечер. Раненые и больные за-

няли вплотную нашу платформу и подход к ней и ждали поезда.

Я вернулся в госпиталь поторопить сестер и пошел по палатам. Они были еще всем оборудованы: стояли кровати с помятым бельем и одеялами, тут и там — подкладные судна, на столах кружки, было, словом, все, кроме образов. Опустевший госпиталь производил впечатление только что умершего человека: он еще весь тут, и теплый и мягкий, но жизни в нем нет. Я аукался с темнотой, боясь, не затерялся ли кто из тех восьми или девяти сот человек, которые помещались в этой огромной усадьбе, — и молчание было гробовое... Грустный, могильный обход! Давыдов предложил зайти в церковь, пустой покинутый шатер, и мы с ним в последний раз помолились в Ляояне; это было что-то вроде литии над трупом много поработавшего госпиталя.

Тем временем выяснилось, что поезда нам уже не могут подать к платформе, и нужно нести больных и раненых к Ляояну №2. Несмотря на темноту, обстреливание продолжалось, и снаряды ложились все ближе. Они долетали уже до деревни, в которой было наше Управление, падали в общежитии приехавших и резервных врачей и сестер, в так называемом «красном доме», и вот-вот должны были ударить в госпиталь или платформу. Больные чувствовали это и волновались, — каждый боялся быть оставленным.

— Меня, меня, ваше высокородие, возьмите, — я не могу ходить...

Кто только мог, тот уползал пешком; приходилось ловить тех, кому это было вредно.

— Всех, всех унесем, родной...

Бац! — разорвалось неподалеку.

— Потушите огни, фонари потушите! — раздается громкий голос капитана К.

Продолжаем переноску в полном мраке, почти ощупью, затем с фонариком, светящимся только с одной стороны. Сестры Е. Н. Игнатьева и только что овдовевшая Хвастунова⁶¹ и Тучкова все время тут же, на платформе, помогают, успокаивают нетерпеливых и решительно отказываются уходить, пока все не унесены.

Сама по себе канонада на таком расстоянии после батареи не производила на меня никакого впечатления, но я ужасно боялся, чтобы какой-нибудь подлый осколок не задел нечаянно сестры или кого-нибудь из раненых или больных. Существует рассказ, будто так и случилось, и один из наших раненых был вторично ранен у нас на платформе, но я отношусь к этому скептически, так как все время толокся на ней и не видал этого, а видел, как один военный врач перевязывал на ней только что раненого, действительно, кажется, совсем близко от платформы.

Слава Богу, наконец всех унесли! Бегу опять в госпиталь. Там все еще сидят сестры, доктор С. угощает их консервами из груш. Я поручаю ему провести их на Ляоян №2, и после настойчивых понуканий они уходят; остается один Давыдов.

Я подсаживаюсь к нему на камешек, и мы раскурива-

ем меланхолическую папироску. Пришли солдатики выносить вещи; я снова забегаю к Мантейфелю и Галле, чтобы посмотреть, не везут ли еще раненых, и, в случае чего, направить их прямо на Ляоян №2. Наконец, добравшись и я туда, ожидая найти больных уже нагруженными или даже уехавшими. Оказывается, они все здесь, расставлены в палатках двух наших подвижных лазаретов, военных госпиталей и прямо на воздухе между шатрами, разочарованные, что они так мало подвинулись.

— Когда же наш поезд придет? Да придет ли он?.. Живьем попадемся «ему»...

— Да нет, что ты! Увезем всех вас, а не то с вами останемся, да и не идет «он» сюда вовсе, — стараешься их успокоить.

— Да «он»-то не придет, а снаряды-то «его» долетят, — говорят несчастные, измученные страдальцы...

Настала эта мучительная ночь ожидания поезда.

«Что, — думаешь, — встанет солнце, осветит неприятно эти шатры, да как катнет он по ним и по железнодорожному пути, вдоль которого вытянуты эти ряды носилок, что будет тогда?!»

На разбросанных ящиках и чемоданах, в самых разнообразных и неудобных положениях, спят и дремлют усталые и озябшие от утренней свежести сестры и врачи. Мы с сестрой Л. Б. уселись на какой-то ящик очень удобно, но к нам подсел кто-то чужой.

— Пересядем, — говорит Л. Б., и мы переходим. Едва, однако, она хотела присесть на наш соблазнитель-

ный диван, как из-под него поднялась красивая, грустная голова нашего священника, о. Николая Курлова, который захворал тифом и, тоже ожидая поезда, с головой закутавшись в бурку, пристроился на гряде чемоданов. Было и смешно, и страшно неловко, и жаль мне стало ужасно беднягу, такого одинокого и беспомощного в своей тяжелой болезни.

Представь себе, сегодня (8-го сентября) я узнал, что он, бедный, не перенес ее и от прободного воспаления брюшины скончался. Это был хороший, увлекающийся человек, заботливо и сердечно относившийся к раненым и все записывавший их откровенные и бесхитростные рассказы. Мне больно подумать, что этот семейный человек (у него жена и трое маленьких детей, которые без него хворали дифтеритом, а он в Ляояне ужасно этим волновался) умер совершенно один, где-то в Куанченцзах.

Когда я в ту ночь тревожного ожидания в Ляояне №2 сидел и беседовал с одним из врачей и студентом Ф., к нам подошел интендантский чиновник и рассказал, что днем, около продовольственного пункта в Ляояне, трое из их служителей были ранены, и он просил нас их убрать. Очень характерно, что сам он, уходя оттуда, не позаботился об этом, а теперь ночью, нас, находящихся за три-четыре версты и при своем деле, об этом просит. Конечно, я бы охотно сейчас же за ними отправился, но я не мог отлучиться, ожидая с минуты на минуту, в худшем случае с часу на час, прихода поезда, в который я должен был грузить раненых. Великодушный интендант

отошел, очень неудовлетворенный, казалось, даже негодующий на равнодушие или малодушие Красного Креста. Мы сделали, однако, попытку воспользоваться носильщиками и носилками дивизионного лазарета, так как мои собеседники собрались идти за ранеными, но дело не выгорело, и все остались.

Когда стало чуть-чуть рассветать, пришли из нашего Управления Александровский, Кононович и другие. Пришел и генерал Трепов, — стали ждать все вместе. Больные поуспокоились и большею частью спали, а я боялся подходить к ним лишний раз, когда поезд упорно не шел, и каждую минуту могло начаться обстреливание.

Наконец, пришел желанный и, по счастью, всех вместил. С тем же поездом поехали сестры и врачи Георгиевского госпиталя. Остался только весь персонал Евгеньевской общины со всеми сестрами и все имущество ее за недостатком мест и вагонов; имущество же Георгиевского госпиталя находилось частью на платформе, а частью еще в самой усадьбе, — ради него задержался и Давыдов.

XVIII. Отступление от Ляояна

Был ясный солнечный день, поезд благополучно ушел, орудия громыхали не слишком часто, да и прислушались мы к ним настолько, что можно было относиться к их шуму так, будто это только надоевший, докучли-

вый, слишком шумный разговор, и наш лагерь страданий вдруг стал веселым, спокойным, довольно опустевшим бивуаком.

На моей душе еще оставалось, однако, одно дело: госпиталь Мантейфеля не успел схоронить своих умерших; кроме того, пропал куда-то мой Гакинаев, и я оказался без лошади, следовательно — в зависимости от поезда. Слышу вдруг, что на станции Ляоян осталось 5 человек убитых и раненых. Я собрался ехать за ними на вагонетке и пошел себе ее выхлопатывать, когда встретил охотников железнодорожного батальона, которые шли в город за церковной утварью. Тогда я поручил им осмотреть станцию (меня все беспокоили интендантские служители, за которыми я не мог поехать ночью), а сам пошел в наше покинутое «Управление», посмотреть, не ждет ли меня там мой верный Гакинаев, пока его не убьют. Грустное, тяжелое впечатление произвело на меня наше пепелище, где еще недавно жизнь была ключом, а теперь все было пусто, и двери все раскрыты, — будто сердце, которое только что любило одного, вдруг разлюбило — и готово принять в себя другого. Только красоты нашего уголка оставались неизменными, и милый садик по-прежнему пестрел гранатами, уже в виде плодов, розами и функиями...

Достать солдат для погребения покойников, уже накануне, как я справился, отпетых, я попросил состоящего при Главноуполномоченном В. В. Ширкова. Он быстро устроил это; видя, однако, что обстреливание этого

места все усиливается, поехал предложить солдатам отложить процедуру до более покойной минуты, но те отказались, говоря, что «братское дело» исполнят сейчас же. Слава Богу, все произошло благополучно.

Мы мирно сидели около палатки, прячась в тени ее крыши и пользуясь гостеприимством, совершенно исключительным, Евгениевского отряда, когда к нам подъехал А. А. Леман⁶². Он привез с собой в двуколках раненых и просил приготовиться к приему большого их количества: Енисейский полк вышел между двух ляоянских фортов, кинулся в атаку, уже взял одну деревню, но потери большие.

Воспользовавшись оставленной, как оказалось, Александровским лошадей, я поехал на перевязочный пункт за Леманом. Хотя он уехал, не дождавсь меня, и казак, меня сопровождавший, дороги точно не знал, — найти ее было нетрудно: на нас шла волна раненых. Подвигаясь им навстречу по гаоляновой дороге, мы довольно скоро добрались и до перевязочного пункта. У самой дороги, в тени гаоляна, ложились и садились раненые, и тут же их перевязывали. Волна их все увеличивалась. Я засучил рукава и тоже принялся за перевязку, без воды, без мытья рук, без записи, лишь бы скорее закрыть раны. А раненые все прибывали: одни приходили, других приносили.

— А Жирков убит! — почти весело, так деловито, быстро оповещает, проходя мимо нас, один из носильщиков раненого, которого мы перевязывали.

Говор, стоны, толпа — сгущаются; за ранеными, молча, бредут и здоровые. Отступают! Во второй деревне наткнулись на сильный огонь японцев и с большими, удручающими потерями должны были отступить. Неприятель преследовал шрапнелями. По мере приближения к нам отступающих приближались и шрапнели; наконец, стали рваться совсем неподалеку: очевидно, японцам видна была дорога, и они пристрелялись к ней. Пришлось отойти назад и всему перевязочному пункту. Мы добрались до более отдаленного места, скрытого и безопасного. Здесь столпились все: и раненый командир полка, и унылые, как бы сконфуженные, офицеры, его окружившие, не досчитавшиеся столькох своих товарищей, которые еще полчаса тому назад были так же молоды и здоровы, как они, — измученные, с серьезными лицами солдаты...

Рядом лежала груда ружей, подобранных за убитыми...

Я рад был, что был не нужен, и можно было с Леманом уехать. Подавленный, вернулся я к железнодорожному пути, и застал палатки, уже окруженные ранеными. Как сильный южный ливень из улиц в полчаса делает реки вод, а из площадей — озера, так здесь полчаса, час лютого боя — из дороги и равнины сделали реку и озеро крови.

Пока я ездил, по моей просьбе был развернут один краснокрестный перевязочный пункт и тоже уже был окружен ранеными, да еще какими, — Боже, какими!

Сейчас же врачи, сестры, студент Евгениевской Общины пошли на помощь нашему и военному перевязочным пунктам, и работа продолжалась до глубокой темноты.

Раненых после перевязки прямо сажали в теплушечный поезд, который, к счастью, уже стоял здесь.

Ты знаешь ли, что значит теплушка? Это простой товарный вагон, в котором зимой при перевозке войск ставилась печь. Теперь, кстати сказать, все эти печи, говорят, потеряны. Наступают холода, и теплушки пора называть холодильниками. Если есть время и возможность, теплушки оборудуются: кладется сено или гаолян, на них циновки, в вагоны раздаются кружки, фонари и пр. Здесь не было этого ничего, не было и свободного медицинского персонала.

Стоял длинный ряд товарных вагонов, набитых ранеными. Иду мимо и слышу, как из темноты раздаются стоны на все голоса. Некоторые взывают из глубины мрака: «Пить, пить!»

Беру фонарь и влезая в вагон, где стоны и зовы особенно многочисленны. Ступаю с осторожностью, чтобы не задеть пробитые животы, ноги и головы: едва есть место, где поставить ногу.

— Кто хочет пить?

— Я, я, я! — слышу из разных углов.

— Ваше высокородие, около меня покойник.

Гляжу, и действительно, бок о бок с живым, лежит

уже успокоившийся страдалец. Иду разыскивать солдат, чтобы вытащить пассажира, который уже доехал до самой близкой станции, потому что он раньше всех на нее прибыл, вместе с тем, до самой далекой, потому что между ним и нами легла уже вечность, и до самой важной.

Я вспомнил — не тогда, конечно, а сейчас, когда пишу тебе, — переезд зимой через Альпы: ты только что ехала среди снегов и хмурой зимы и вдруг, перешагнув совершенно для тебя незаметно, через какую-то неизмеримую высоту, попадаешь в Геную: тебя радостно поражает безоблачное синее небо, яркое солнце льет с него на тебя гостеприимные теплые лучи, и среди веселой зелени тебя приветливо встречает ослепительно белая статуя Колумба. Боже мой! Если такой переход из одной рамки в другую заставляет наше сердце биться какой-то восторженной радостью — какое же блаженство должна испытывать человеческая душа, переходя из своего темного, тесного вагона к Тебе, о Господи, в твою неизмеримую, безоблачную, ослепительную высь!..

Но тогда я не думал об этом, каюсь. Тогда я видел только этот ужасный вагон, набитый искалеченными людьми, и беспомощный труп, который спускали из него по доске...

Была темная, воробьиная ночь. Небо было, как трауром, затянуто черными тучами; мрак разрывался только резким протяжным воем снарядов и грубым, дерзким гро-

хотом их разрывов, а справа виднелся одинокий огонек тусклого фонарика, едва освещавшего несколько черных теней, и раздавалось заунывное, жидкое погребальное пение...

Тра-та-та, тра-та-та... — присоединилась возобновившаяся ружейная пальба.

— Ваше высокородие, когда же мы поедем? — стоят несчастные из своих темных коробок.

— Господи, добьет «он» нас здесь!

— Да что ты, полно! — бодро и самоуверенно отвечаешь им. — Ведь это мы же в них стреляем.

Но то стреляли в нас.

Мучительно долго пытел паровоз, пока, наконец, не тронулся и не повез.

В Ляояне №2 раненых больше не оставалось; все перевязочные пункты немедленно снялись и переехали через реку, так как наутро можно было ожидать, что мост будет разрушен из осадных орудий. На другой день, однако, по нему прошли еще все наши войска и затем подожгли его, а не взорвали, чтобы не разрушать остова, которым мы еще рассчитывали воспользоваться на обратном пути.

XIX. Разъезд №101

На ближайшем разъезде, №101, я выскочил из поезда и побежал в фанзы, накануне взятые нами с Михайло-

вым, чтобы посадить на поезд сестер, так как нам удалось захватить на него из военного госпиталя всего шесть санитаров и еще меньше, кажется, фонарей. Сестры мои опоздали, но другие, из развернутых около лазаретов, успели обойти несчастных и, сколько можно, напоить и накормить их; также были прибавлены санитары, кажется, на каждый вагон по одному.

А в лазаретных палатках не спали — перевязки продолжались всю ночь. Врачей, впрочем, было достаточно, и я пошел уснуть: было уже пять часов утра. Когда я встал, я узнал, что здесь, на 101-м разъезде, в устроенном нами большом перевязочном пункте при конножелезной и железной дорогах, ожидается большое количество раненых, и тотчас же отправился туда.

Что такое был до тех пор какой-то 101-й разъезд? Сколько раз приходилось стоять на нем и клясть медленность железнодорожного движения, не обращая на самый разъезд собственно никакого внимания. Еще когда я в последний раз ехал в Ляоян, мы на нем долго стояли, снимались, наблюдали за пальбой над Ляояном, и все-таки 101-й разъезд был для нас одним из многих. Теперь, 21-го августа, он стал крупным центром.

На огромной площади около места остановки вагонов раскинулись четыре наших перевязочных и один продовольственный пункты. Эта кипучая полезная работа во всех углах, освещенная ярким солнцем, производила отрадное впечатление: как будто и раненые днем меньше страдают. Я сортировал больных, — одних отправлял прямо на

продовольственный пункт, других — в тот или другой перевязочный, где поменьше народа, чтобы более тяжелым раненым не приходилось долго ждать, третьих сажал в вагоны. Целый день пробродил я по этой площади, оттоптал себе совершенно ноги и к вечеру узнал, что наше Правление все снялось и уехало. А мои вещи? Тоже уехали. А шашка? Тоже. Так и остался я в одной серой рубахе.

В пятом часу утра, не чувствуя ни ног, ни головы, я пошел отыскивать палатку Голубева⁶³, чтобы вытянуться хоть на часок. В это время шла усиленная эвакуация станции: горели костры из всего, что могло гореть, снимались палатки, нагружались арбы... Топография места так изменилась, что я не мог найти уже той площади, на которой проходил весь день, тем более, что последний, оставшийся несвернутым наш перевязочный пункт перенес свои действия к концу рельсов конножелезной дороги, поближе к главному пути. Я забрел куда-то далеко в сторону, когда утро нового дня показало мне, что я заблудился. Отыскав, наконец, нашу площадь, я убедился, что Голубевская палатка уже снята. Я вернулся тогда к вагонам-теплушкам и подсел к А. И. Гучкову⁶⁴. Было уже совсем светло, когда последние два поезда передвинули версты на четыре севернее разъезда, боясь, что неприятель близко. В это время на разъезде продолжались перевязки: доканчивали последний транспорт раненых, привезенных в вагонетках. Тут же, в нескольких десятках шагов, жгли наши ружья и патроны, которые щелкали и стреляли, будто батальон японцев.

Отсюда мы повезли раненых на двуколках по ужас-

ной дороге к поездам, которые их ожидали, и на пути захватили еще целый арбяной транспорт с семьюдесятью тремя ранеными.

Долго запикивал я их в первый поезд из двух последних, боясь, что в самом последнем не окажется места. Время от времени меня поторапливал один медицинский генерал, правда, очень древний. Наконец, и он, и я потеряли терпение.

— Ведь я с шести часов жду в этом поезде, — сердился старик.

— Ваше превосходительство, — ответил я, обиженный нетерпением врача, который ехал удобно во II классе только благодаря раненым, а не то, чтобы он их вез в своем поезде. — Раненые тоже ждут с раннего утра, даже с ночи, с той только разницей, что мы с вами здесь мирно сидели (признаться, я, как ты знаешь, почти не присаживался), а они за нас дрались.

Отстал почтенный товарищ, но через некоторое время, видя, что несут еще одного раненого с разбитой головой, совсем разозлился: «Да это каприз какой-то!» Но я был рад, что усадил в этот поезд, сколько было возможно, так как в самом последнем едва хватило места для всех; и то приходилось класть несчастных мозаикой, чтобы выгадывать каждый вершок. В одном из вагонов поместился и я с ними.

Как ни плохо, ни примитивно в этих теплушках, когда несчастные все разместились и поезд стал покачивать их, раненые в моем вагоне все успокоились и мирно заснули. Заклевал и я носом. Больной солдатик, единственный

не спавший, заметил это, хотел отдать мне свою шинель и предлагал улечься. Я выдержал, однако, до Янтая⁶⁵, где на станции встретили нас генерал Трепов и Александровский, который уговорил меня пересест в другой вагон, со всеми нашими уполномоченными (товарный, конечно) и уехать в Шахэ⁶⁶, так как в Янтае был военный перевязочный пункт, и мне там нечего было делать. (Лошадь моя шла походным порядком.) Я, действительно, очень изморился и уехал.

XX. Эвакуация станции Шахэ

На другой день в Шахэ мы опять открыли два перевязочных пункта, где перевязывались раненые, приезжавшие на двуколках и захваченные уже после нас на 101-м разъезде знаменитым поездом полковника Спиридонова; но работа уже далеко не была столь интенсивной, как на разъезде. Сюда же приехал днем и Командующий после самой тревожной ночи, когда около Янтая наши обозы были в большой опасности. В 6 час. вечера приехал с севера Наместник⁶⁷...

Из Шахэ мы выехали на следующий день, постояли у моста, но, когда доехали до разъезда, получив сведения, будто сзади нас идут еще раненые, вернулись к мосту и стали ждать.

Совсем мертвыми показались мне станция и ее окрестности: тишина, запустение, — и никого кругом (впро-

чем, на станции на всякий случай оставался еще один из наших летучих отрядов).

Большую часть дороги я провел в вагоне с здоровыми солдатами на каких-то кулях и ящиках, которые они везли в Мукден. Вышло это так потому, что один из больных солдат в вагоне, в котором я раньше сидел, внезапно проявил признаки острого помешательства и выскочил на ходу из поезда. Так как ход был очень тихий, да еще другой больной успел немного задержать прыжок сумасшедшего, он нисколько не ушибся. Чтобы избавить его от прежних впечатлений, я нарочно посадил его в другой вагон и именно к здоровым солдатам, рассчитывая на их помощь, в случае, если ему снова вздумалось бы прыгать. Действительно, он и хотел это сделать и сначала был очень возбужден. Из бессвязных речей его удалось понять, что он считает себя большим преступником и, по-видимому, потому, что во время какого-то боя струхнул и куда-то ушел. Он считал, что из-за этого было потеряно все дело, и что он теперь должен умереть. Он стал прощаться с нами, попросил, чтобы я поцеловал его, затем поцеловал другого своего соседа. Я старался приласкать его и расспрашивать про его семью, а он постепенно утихал и, будто отогретый, с успокоившейся наболевшей душой, мирно заснул. После этого он спал всю дорогу, но я не решался оставить его и к ночи сам заснул рядом, среди спящих тел и больших грязных сапог моих спутников.

Это была премилая компания, всю дорогу окружавшая меня вниманием и любезностями. Они угостили меня

очень вкусным супом, который сами сварили из выданных им порций, и который я с большим аппетитом хлебал из одной чашки с одним из солдат. Затем, дали мне чаю и сухарей, причем один из них с милым вниманием посоветовал мне:

— Может быть, ваше высокоблагородие, у вас зубов нет, так вы помочите сухари в чае, — чем искренне насмешил меня.

В беседе с ними я забыл, что мы отступаем, что мы оставили Ляоян, даже, что мы на войне, хотя мы все время о ней говорили. Один из солдат, видимо, следящий за газетами, все время рассказывал о текущих делах и был полон энергии и готовности к наступлению. Он был убежден, что мы увлекаем японцев, чтобы лучше расколотить их. Он рассказал, между прочим, и про то, будто один солдат уличен в продаже нашего скота японцам.

— Жажда к наживе, — лаконически вставил мрачный артиллерист, не принимавший участия в разговоре, который казался ему, видимо, препустой болтовней. Мой собеседник продолжал свои повествования и рассказал, как попался в плен японец и держал себя очень храбро, но когда у него взяли лошадь, то он заплакал.

— Хороший солдат, значит, — опять пробасил молчаливый артиллерист.

Я согласился с ним, но так в беседу и не сумел вовлечь...

Мы приехали в Мукден в третьем часу утра, и мне вспомнился Берлин: такая же свежесть сырого воздуха,

пропитанного запахом угольного дыма, какая встречает тебя, когда осенью рано утром приезжаешь на вокзал «Фридрихштрассе»...

Тяжелое впечатление произвела на меня на этот раз станция: давно ли, когда был в последний раз в Мукдене, это была «резиденция», содержавшаяся в образцовом порядке, с строго определенными дорожками, по которым разрешалось ходить, и то непременно мимо часового, который ночью без пропуска не позволял пройти, — а теперь на станции шум и гам, на самой платформе стоят какие-то повозки, ходят лошади, попирая все бывшее благоустройство... «Так, — представилось мне, — бесцеремонно попирают теперь наши недруги и их друзья нашу честь, нашу славу, которой еще так недавно должны были оказывать благоговейное и боязливое уважение». Я испытывал ощущение, будто эти колеса двуколки на станции всей тяжестью стали прямо на мою душу.

Мы шли с Андресом⁶⁸, который великолепно и самоотверженно, совершенно забывая себя, работал на всех эвакуируемых станциях, принося огромную помощь мне и пользу больным, и который сопровождал раненых в одном поезде со мной; за нами следовал санитар с тюками перевязочного материала. Сдав больных и раненых госпиталю, мы разыскивали палатки Красного Креста, где нам были ночлег и закуска. Но нам неправильно объяснили расположение их, и мы долго тщетно бродили в темноте в самом мрачном расположении духа. Боясь потерять санитаря, Андрес время от времени окликал:

— Санитар с мешком!

— Здесь!

— Санитар с мешком!

Наконец, я не мог выдерживать больше этого мрачного напряжения и расхохотался над этим методическим зовом «санитар с мешком» и над нашим комическим плутанием между «трех сосен». А. тоже расхохотался, но у меня это не смех, а слезы. Они переполнили мою душу и уже готовы были вырваться из глаз, если бы я не удержал своего истерического смеха. Как могли мы сдать Ляоян, как могло это случиться, зачем это было нужно?! Я считал это невозможным, и тяжело было это переживать...

Потеряв надежду найти наши палатки и потеряв вместе с тем в конце концов и санитара, мы вернулись на станцию, чтобы немного закусить. Она была полна такого же несчастного, иззябшего, удрученного, взволнованного народа, какими и мы с Андросом явились. К нам присоединился военный врач О., совершенно продрогший и пришибленный, — он, всегда пышущий энергией и бодростью физической и душевной. Тяжелая, мрачная ночь...

Было часов пять и совсем светло, когда мы вышли с А. со станции и увидели наши палатки совсем рядом с ней.

Затем потекли мирные мукденские дни, за которые душа совершенно расправилась, чтобы через три недели быть раздавленной насмерть.

XXI. Наступление на реке Шахэ

Мукден. 9-е октября 1904 г.

Да, я устал, я невыразимо устал, но устал только душой. Она, кажется, вся выболела у меня. Капля по капле истекало сердце мое, и скоро у меня его не будет: я буду равнодушно проходить мимо искалеченных, израненных, голодных, избывших братьев моих, как мимо намозолившего глаза гаоляна; буду считать привычным и правильным то, что еще вчера переворачивало всю душу мою. Чувствую, как она постепенно умирает во мне. На днях я уже пережил дни какого-то полного безразличия ко всему, что совершается. — Ах, бьют? — ну, и пусть бьют! Бегут? — пускай бегут! Страдают? — ну, и пусть страдают! Позор пережит, страдания перенесены, — не все ли теперь безразлично?!..

Мы наступали...

29-го сентября, пока в Тунсинхо собирался транспорт, который я взялся сопровождать на станцию Шахэ, масса раненых уже успела уйти пешком и пошла, куда глаза глядят. Так как они все пришли из Мукдена, и с той же стороны, из Санлинзы, шел нам навстречу 1-й армейский корпус, — то, за исключением 30–40 человек, все двинулись в Гудядзы. Путеводитель, который был дан нам из дивизионного лазарета и который спорил со мной по вопросу о дороге в Шахэ, утверждая, что он накануне оттуда приехал, завез транспорт тоже на дорогу в Гудядзы и внезапно скрылся. Пришлось продолжать длинный томи-

тельный путь, хотя одна из сестер с несколькими ранеными и уехала вперед правильной дорогой в Шахэ; обе другие сестры, Тучкова и Черкасова, уступив свои места в двуколке раненым, шли пешком.

Убедившись, что мы неизбежно попадем на Фушунскую ветку, я поскакал вперед, чтобы заказать в нашем подвижном лазарете обед на 200 человек и предупредить на станции о раненых. Большинство, как я потом убедился, расспрашивая в вагонах, действительно и пообедали в Красном Кресте, и остались очень довольны, но некоторые все-таки, благодаря отсутствию провожающего, несмотря на выставленного на дороге санитаря и флаги с красным крестом, доплелись до Гудядзы голодными. Вчера там еще пункта питательного не было, так как земский стал совершенно в стороне в ближайшей деревне, но в Гудядзах я встретился с кн. Долгоруковым⁶⁹, который обещал перевести пункт на самую станцию, где уже стоит готовый большой циновочный сарай. Вчера, кого нужно было, покормили военные госпиталю.

Поручив сестрам Тучковой и Черкасовой со студентом Редниковым сопровождать раненых в теплушечном поезде, я поехал дальше на дрезине с капитаном Полуэктовым, желая непременно все-таки добраться до Шахэ. Для этого от Угольного Разъезда до Суятуня я прошел верст восемь пешком, а здесь попал как раз на паровоз, повезший отсюда двенадцать теплушек на станцию Шахэ.

Никогда не забуду я этого путешествия. Около моста, перекинутого через реку Шахэ, нам представилась

картина, напоминавшая мне Великий Четверг, когда народ расходится после чтения Двенадцати Евангелий, со свечами в руках. Мы увидали в глубокой темноте толпу черных людей; у многих из них были огоньки (фонари). Громкий крик радости раздался из этой толпы при приближении нашего поезда: это раненые, которые в состоянии были ходить, добрались до моста (в более безопасное место) навстречу желанному поезду и приветствовали его прибытие. Но мы разочаровали их, не подбрав никого, так как мы знали, что в Шахэ ожидает нас целая тысяча и более тяжелых раненых, находящихся еще в опасности.

К 12 часам ночи назначено было очистить станцию: к этому времени должен был пройти через нее уже наш арьергард. Там, действительно, мы нашли человек 800 раненых и в полной тьме с фонарями принялись усаживать их. Набили один поезд, остальных уложили в другой, обошли с фонарями всю станцию и площадку около платформы и, убедившись, что остались только здоровые, собрались ехать, так как было уже около часа ночи. Вдруг приходит весть, что к станции подходит и подъезжают еще 170 раненых. Подполковник Гескет⁷⁰, распоряжающийся теперь (поезд Спиридонова расформирован) закрытием оставляемых станций, хотя страшно опасался за поезд, однако решил дождаться всех. Мы ушли благополучно, но у моста остановились, подобрали добравшихся туда раненых и долго стояли, поджидая еще других. Их было только несколько человек.

Таким образом, и во второй раз схоронил я Шахэ...

1-го октября, отправив, по требованию генерала Трепова, наш Георгиевский отряд, прекрасно начавший работать в Суятуни, в качестве перевязочного пункта, в Мукден, мы с уполномоченным Григорьевым поехали вдоль наших позиций с правого фланга к центру, в штаб Командующего. По всей линии шла отчаянная стрельба, почти исключительно наша, и лишь относительно слабая со стороны неприятеля. Стоял сплошной грохот, гул и свист. Стрельба была такая частая, что свист одного снаряда сливался со свистом другого, и в общем сочетании получался непрерывный гул, на фоне которого раздавались резкие удары наших орудий. У меня просто голова разболелась, казалось, именно от этого ужасного шума, сотрясавшего воздух в такой мере, что прутья срезанного гаоляна издавали свист, и потревоженный лес недовольно ворчал всей своей листвой. Может быть, однако, причиной головной боли или тяжести была и надвигавшаяся гроза. Тучи все гуще и сплошнее заволакивали небо, пока оно не разразилось на нас величественным гневом.

Это был Божий гнев, но гнев людской от этого не прекратился и, Господи! — какая была между ними разница!..

Как ни похожи грохот орудий на гром грозы, он казался мелким и ничтожным перед громовыми раскатами: одно казалось грубым, распущенным человеческим переругиванием, другое — благородным гневом вели-

чайшей души. Как свободно и легко, будто совершенно самостоятельно вытекает чудный голос из горла Баттистини⁷¹, так из исполинской груди природы лился грозный рокот оскорбленной людской ненавистью Божественной любви. Как ясно представилось ничтожество только что казавшейся бесконечной линии пушек — перед этими величественными раскатами, охватывавшими все небо... Злыми искрами разгоряченных глаз явились яркие огни стреляющих орудий рядом с ясной молнией, болью раздирающей Божественную душу.

— Стойте, люди! — казалось, говорил Божий гнев: — Очнитесь! Тому ли Я учу вас, несчастные! Как дерзаете вы, недостойные, уничтожать то, чего не можете создать?! Остановитесь, безумные!

Но, оглушенные взаимной ненавистью, не слушали Его разъяренные люди и продолжали свое преступное, неумолимое взаимное уничтожение.

И небо заплакало... Полились с него частые, частые крупные слезы, в один миг затопившие землю, и многие из них леденели от великого ужаса перед человеческой озверелостью, крупным градом падая на наши разгоряченные головы. Лошади не могли стоять под болезненными ударами льдинок, которые больно били нас по темени и лицу... В одно мгновение земля вся обратилась в непролазную кашу, дороги полились бурными реками, а реки вздулись так, что в них тонули лошади и люди.

Мы не могли найти Командующего и поехали на его главную квартиру, только что отъехавшую верст на

шесть назад (из Хуань-Шаня в Санпинзы). По всему пути нашему плелись раненые, на ногах и на носилках, не зная, куда идти, и с трудом пробираясь между отступающими обозами и орудиями. Когда мы подъехали к броду, которого прежде даже не замечали, то нашли, вместо него, широкий бурный поток; лошади должны были идти через него вплавь, едва перетаскивая с трудом удержавшихся на них всадников. Было грязно, свежо и мокро. У брода начала собираться целая группа людей, прикосновенных к главной квартире, когда подъехал транспорт раненых. Что было делать этим несчастным и что с ними было делать?! Скажи, разве не может охватить душу холодное отчаяние при сознании беспомощности нашей сделать что-нибудь для тех несчастных, для которых мы приехали?!

Мы поскакали искать проезд у верховьев ничтожной речонки, внезапно обратившейся в бурный поток. Под сильным дождем обогнули мы несколько верст и действительно добрались до одной из трех речек, составляющих одну ту, через которую раненые не могли перебраться. Первый исток ее мы переехали свободно; я уже хотел послать казака, чтобы он вел раненых этой дорогой, но нужно было убедиться, что и другие истоки так же легко проходимы. Оно так и оказалось, и невольно вспомнил я о прутьях, из которых каждый так легко ломается, а связанные вместе — они являются неодолимыми. Какой наглядный пример того, что в единении — сила, а люди все не хотят понимать этого и в безумной

гордыне своей думают, что каждый из них в отдельности все может, а другие — ничего не стоят!

Мы приехали в Санлинзы уже в совершенную темноту; за ранеными посылать было поздно, но на другой день я узнал, что река, к счастью, скоро спала, и они в тот же вечер переехали на другой берег.

Командующего не было дома: эту ночь, чтобы быть ближе к позициям, он остался в Хуань-Шане.

XXII. После наступления

Чансаматунь. 27 октября 1904 г.

Кажется, я уже писал тебе, что едва я приехал в Харбин, как был отозван сюда заменить при Главнокомандующем Александровского, который вскоре после моего отъезда был тоже вынужден выехать в Харбин.

После Ляояна общее настроение было самое угнетенное; слухи об отсутствии у нас снарядов окончательно отняли всякую надежду на успех, и многие, казалось, готовы были без боя отходить к Тьелину. Тяжелое это было время.

Помню обедню 29-го августа: на площади перед поездом Командующего разбит шатер, и в нем устроена церковь; с левой стороны от молящихся тянется косой линией ряд серых кирпичных домиков; перед церковью стоят «покоем» солдаты в серых, грязных, истрепанных рубашках, с серыми исхудалыми, изму-

ченными и заголодавшими лицами. Небо серое и унылое. Только торжественна служба, полная веры и молитвы, в которой всегда есть надежда, — вместо картины отчаяния придавала всему зрелищу вид тихой, покорной грусти, — такой же серой, как все окружающее. Пришел Командующий, которого я увидел здесь в первый раз после Ляояна. Он сильно похудел и страшно постарел, бледный и вдвое более седой, чем был... Но дни текли, солнце каждый день всходило и отогревало слабые человеческие души, люди отдыхали и отъедались, их обмундировывали и подбадривали, японцы не наступали, укоренилось убеждение, что мы *должны* были отдать Ляоян, и все понемногу стали снова верить и надеяться.

Помню уже всенощную в той же походной церкви-палатке на той же площади: были сумерки, в серых домиках засветились огоньки, молящиеся представляли только общие пятна, подробности в людях не замечались, и было что-то оперное во всей картине.

Помню, наконец, и молебен по случаю наступления. Командующий — снова бодрый, хотя и озабоченный, цвет лица его лучше; солдаты одеты и сыты, выражение лиц их торжественное и решительное, у всех чувство удовлетворения; солнце озаряет все своим живительным блеском и ярко горит на кресте, высоко поднятом в руках священника...

Вначале наступление шло очень успешно, план Куропаткиным был задуман прекрасный, — это все призна-

ют, — но... Только взятие Путиловской сопки вернуло нам ключ наших позиций и временно закончило наше наступательное движение некоторым успехом.

Дорого обошлось нам это движение: 29 000 ранеными и около 10 000 убитыми!

10 000 могил! А сколько еще умерло потом от ран?!..

Умереть — это еще самое легкое. Мне кажется, что художники навязали миру совершенно неверное изображение смерти, в виде страшного скелета. Мне представляется смерть доброй, любящей женщиной в белом, с материнской нежностью и сверхъестественной силой поднимающей умирающего на руки. Он чувствует в это время необычайную легкость, ему кажется, что он подымается на воздух и испытывает истинное блаженство... Так засыпают маленькие дети на коленях нежной матери... Какое счастье это должно быть!..

Несомненно, нам очень вредит наша привычка и постоянная готовность отступить.

— Ваше благородие, а куда втекать будем? — спросил солдатик, придя на позицию.

И это не трусость, а именно привычка.

— Куда едете? — спрашиваем как-то встречный обоз (это было 2-го октября).

— Отступа-аем, — равнодушно отвечает солдат, совершенно так же, как он бы сказал: «Вестимо, чай пьем».

Говорят, что и в последнюю нашу кампанию (турецкую, конечно) бывали случаи бегства отдельных полков

и даже целых отрядов. Между тем, и сейчас стойкость наших солдат превышает теоретически допускаемую: выбывает 75 и 80%, а солдаты наши все бьются! Почему же они не те, что были?

Солдат очень двинулся за последние двадцать пять лет: он уже очень и очень рассуждает; ему мало исполнять приказания, ему нужно и понимать, для чего он должен делать то или другое. Видимо, он задается даже вопросом, можно ли воевать вообще. Так, мне пришлось услышать конец разговора, где один солдат наставительно возражал другому или другим:

— Никакого греха тут нет: так Богом положено, чтобы бывать войнам.

Когда мы дрались с турками, мы проливали кровь за веру и за угнетаемых единоверцев и братьев. А из-за чего деремся мы теперь?

— Это господская война, — говорят, будто, солдаты.

Различные сектантские и политические агитаторы тоже посеяли свое семя. Наконец, и огромный процент запасных в войсках является большим злом. Все это люди, отставшие от своего дела, часто уже пожилые и болезненные, окончательно осевшие на землю или занимающиеся каким-нибудь промыслом. Привыкшие к покойной семейной жизни и постоянно, разумеется, о ней мечтающие. Как не подумать, «куда втекать?»! Немало, может быть, среди них и недовольных, и обиженных. Постоянные голодовки последних лет и обеднение мужика не могли не отразиться и на силе, и на здоровье, и на

выносливости солдата. Рядом с этим малая образованность делает его часто прямо вредным, например, в разведочном деле.

XXIII. О пленных японцах

Тавагауза. 12-е ноября 1904 г.

Сегодня я заночевал в 20-ти верстах от главной квартиры в нашем 7-м подвижном лазарете, куда приехал верхом, посмотреть заболевшую сестру И. Я бы мог уехать сегодня же, но мне хочется еще видеть ее утром, чтобы решить вопрос, нужно ли ее увозить куда-нибудь, или можно, согласно ее настойчивому желанию, оставить ее в том лазарете, в котором она работает.

Я выехал к ней в снежную метель; дорогой ветер стих, окрестность покрылась снегом, и воздух приобрел ту необычайную чистоту, которую вдыхаешь всегда с таким наслаждением после того, как небесная пыль прибьет к земле все скверные испарения человечества, слишком дерзко взвивающиеся ввысь. Я любовался закатом: сопки, с севера окаймляющие горизонт, снегом не покрылись и чудно выделялись на белом фоне персиковым отливом в косых лучах усталого светила...

Тавагауза — тихая деревня на Фушунской ветке железной дороги, и мне представляется, будто я приехал в гости к соседу помещику...

Мы все стоим с японцами лоб в лоб на расстоя-

нии нескольких сот шагов, будто играем в игру, когда два человека упорно смотрят друг другу в глаза, ожидая, кто первый отвернется; обе стороны укрепляются, — японцы, конечно, усиленнее нас, — и кто первый двинется, должен будет уложить несколько десятков тысяч жизней. На днях японцы попробовали сделать набег на Путиловскую сопку, убили у нас четырех, ранили четырнадцать, а своих уложили более ста человек.

Кажется, «*les vis-a-vis*»* скоро станут «*des amis*»**. По крайней мере, уже теперь, говорят, есть между обеими сторожевыми линиями колодезь, из которого черпаем воду и мы, и японцы. Если обе стороны встречаются у колодезя вооруженными, то стреляют, если же нет, то мирно делятся водой.

Я сам чувствую, как переменился к японцам. Ехал я с самыми кровожадными чувствами. Первые раненые японцы мне были неприятны, и я должен был заставлять себя подходить к ним так же, как к нашим. Когда я видел одного японца с отнятой рукой в Восточном отряде после нашего отступления от Холангоу, мне казалось, что его большие черные глаза с надменным торжеством и злорадством осматривают окружающую его массу наших страдальцев, и самодовольная душа его радуется нашему позору и несчастью. Когда В. И. Немирович-Данченко⁷² однажды спросил присутствующих: «А кто из нас чувствует непри-

* Противники (*франц.*).

** Друзьями (*франц.*).

язнь к японцам?»), я первый заявил, что я. Я объяснял это тем, что каждый наш солдат мне слишком родной, чтобы не чувствовать неприязни к тем, которые ему причиняют боль. Так, если бы какой-нибудь другой мальчик, даже мне симпатичный, обидел моего сына, например, то даже раньше, чем я бы знал, кто из них виноват, он был бы мне неприятен.

С тех пор я много перевидал раненых японцев, видел раз и нераненого. Мы ужинали на большом балконе дома Наместника в Мукдене, когда на огонек пришел казак с вопросом, куда отвести ему пленного японца. Привели и пленного. Это был небольшого роста, но плотно и хорошо сложенный юноша лет 16-ти, с едва пробивающимися усиками. Он держал в руке свое кепи, его непокрытая голова была немного опущена, и он исподлобья смотрел на нас с великим страхом. Сердце его часто билось, и весь он напоминал птенчика, выпавшего из гнезда и попавшего в большой человеческий кулак. Мне было жаль беднягу.

В Крестовоздвиженском госпитале видел и студента токийского университета, пошедшего на войну добровольцем; мы сделали с ним *shake-hands**, и он по-английски заявил мне про главного врача госпиталя, д-ра Бутца, что он очень к нему добр. Другого я погладил по голове и нашел, что у него очень мягкие волосы. Я рассказал об этом Р.

— Как! — воскликнул он. — Ты гладишь голову японца?! Теперь я всегда буду здороваться с тобой за левую руку.

* Рукопожатие (англ.).

Теперь у меня совсем нет дурного чувства к ним, и мне жаль их так же, как и наших.

В Евгениевском госпитале в Гудзядзах лежит раненый японец, страдающий вместе с тем «бери-бери»⁷³. Когда он слышит это слово, он откликается, как на собственное имя, и, ослабившись, кивает головой.

— Итай, итай, — повторяет он во время перевязки, что значит: «больно, больно».

Да, больно, очень больно! Пора кончать это взаимное истребление... Пора кончать и письмо; кругом меня все спят, и ноги начинают застывать.

Мукден. 19-е ноября 1904 г.

Сегодня целый день стреляли, и вообще, по-видимому, нам на днях придется принять бой — и раньше, пожалуй, чем мы ожидаем.

XXIV. Возвращение из отпуска, вызванного тяжелой болезнью сына

Челябинск. 20-е февраля 1905 г.

...В нашем поезде всего четверо военных: два офицера, один прапорщик запаса и один генерал, и как они все, бедные, унылы и угнетены! Какая страшная разница с настроением генерала и офицеров, ехавших со мною год назад! Тогда — бодрость и энергия, теперь — какая-то отчаянная безнадежность!

Генерал все свободное от еды время спит и любит повторять, что это очень полезно — урвать всякую минуту для сна, если она свободна. Когда я ему представился и спросил, куда он едет, он заявил, что в Мукден, и, несмотря на свой добродушный вид, с каким-то раздражением отчаяния прибавил:

— Попадусь к вам под ланцет, попадусь! — как будто я подвел под него какие-то мины, и он имеет только удовольствие меня в них обличить.

Прапорщик запаса — совершенно несчастный человек: служил, поддерживал старуху-мать и, кроме глубочайшего отвращения к войне, имеет не менее глубокое убеждение, что будет в первом же бою убит. Он очень хорошо играет на рояле, но до того расстроен, что, поиграв, выбегает из вагона-ресторана, не в силах владеть собой.

На какой-то станции покупаю я открытки; ко мне подходит офицер, идущий с эшелоном, несколько навеселе, и спрашивает:

— На войну, доктор, едете, или с войны?

— Я туда еду.

— За нами, значит, — мрачно протянул он, и я почувствовал в его тоне тот же оттенок раздражения и отчаяния, что и в «ланцете» генерала.

По счастью, солдаты идут совершенно в другом настроении — молодцами, бодрые, всем довольные, об одном только просят: «нельзя ли газет?» — и расхватывают их с голодной жадностью и искренней благодарностью. Святые, верующие люди! Как же нам-то не верить?!

Чита. 1-е марта 1905 г.

Сейчас прочел все последние телеграммы о падении Мукдена и об ужасном отступлении нашем к Тельину⁷⁴. Не могу передать тебе своих ощущений... Просто стон, громкий стон вырвался у меня из груди, и отчаяние охватывает меня. Нет, решительно чего-то нам не хватает, чего-то у нас недостает: у японцев, оказывается, и планы лучше, и силы больше, и стойкости — тоже. Отчаяние и безнадежность охватывают душу... Что-то будет теперь у нас в России...

Бедная, бедная родина!

Харбин. 8-е марта

Как не хочется и трудно описать то, что я здесь застал, приехав после мукденского боя! Напишу тебе об этом когда-нибудь потом, когда пройдет острая боль, всеми этими событиями причиняемая. Видно, велики силы России, что ей посылаются такие испытания.

Не хочется писать всего, что слышишь, потому что все равно — с чужих слов, и слишком тяжело на этом останавливаться...

Гунчжулин. 16-е марта

Куропаткин снова командует своей 1-й армией, став в подчинение тому, над кем прежде начальствовал.

Редко может резче обрисоваться все ничтожество земных благ: данные людьми, они так же условны и недолговечны, как и сами люди. А как увлекаются ими многие, постоянно забывая аксиому, и как часто, добравшись,

например, до власти, начинают мнить себя и бессмертными, и непогрешимыми! Другого бессмертия им не нужно, законы Бога они уже давно отклонили, как неудобные и несвоевременные, все благополучие свое они строят на людях, и каким прочным кажется им их здание, а вдруг... Сегодня — ты, а завтра — я!

Разумеется, все это рассуждение — характера чисто академического.

XXV. После Мукдена

19 марта 1905 г. Фандзятунь (проездом)

Тяжелое наследство досталось Линевичу. От всех армий, как ходят слухи, осталось всего 180.000. Подсчет, конечно, еще очень приблизительный, так как до сих пор еще понемногу отыскиваются кое-какие части. Потери, — тоже приблизительно, конечно, — высчитывают до 107.000! Раненых и больных считают до 65.000, убитых — тысяч 20, остальные же оставлены или взяты в плен. Целого полка (6-го Сибирского) нет! Одной батарее не досчитываются вместе со всеми людьми, хотя всего орудий оставлено относительно немного — тридцать одно. Японские потери считаются тысяч в 120. Один пленный японский полковник говорил, что уже числа 24-го они считали свои потери за 100.000, так что их официальная цифра в 50.000 или прямо фиктивна, или, как некоторые объясняют, подразумевает только безвозвратно выбывших из строя, т. е. убитых и тяжелораненных.

Ты представляешь себе, что это за погром, что за побоище! В каких-нибудь две недели времени тысяч сто убитых и изувеченных с обеих сторон; ты видишь эти сто тысяч семей без кормильцев и лучших надежд, эти сотни тысяч сирот!.. И, тем не менее, войну нельзя не продолжать, ее *необходимо* продолжать!

Четырнадцать, а в иных местах девятнадцать суток дрались наши. Как львы, отбивая одну атаку за другой. Не успевая есть и спать, они переутомились до такой степени, что некоторые засыпали с ружьем в руках на позиции. Под страшным огнем лежали наши в траншеях и вслух читали «Вестник Маньчжурской Армии»⁷⁵! Забирали пленных, отнимали орудия, и никто не сомневался в победе. Знали об обходе нашего правого фланга, но считали его слабым и готовились разбить обходную колонну. Ту же участь готовили и колонне, обходившей наш левый фланг. Но вдруг обнаружилось, что силы, обходящие нас, громадны, что они собираются замкнуть кольцо и устроить нам Седан⁷⁶. Был дан приказ к отступлению... Он (приказ) застал врагов, сомкнувших грудь с грудью; наши солдаты не хотели слушаться, начальники думали, что с ними шутят. Но это была правда, грустная, ужасная правда и все наши три армии должны были вылиться из мешка, в который попали, через единственный проход еще не совсем закрывшегося кольца. Произошло то, что происходит в любом театре, когда вся собравшаяся толпа, вследствие действительной или ложной тревоги, должна выйти из здания через его узкие проходы. Произошла давка, паника; люди, находившиеся в край-

нем нервном напряжении, совершенно обезумели: забыли родство, чины, душу, Бога, и только спасали свой живот. Реакция соответствовала героизму предшествовавших дней...

Чем объяснить эти явления, как не патологическим состоянием, когда рядом с этим мы знаем, что от целых полков оставалось по 100 и меньше человек, когда нам говорят, что в 24-м Сибирском стрелковом полку, состоявшем из 2500 человек, за время кампании выбыло 2700, что из всех офицеров, начавших войну, в нем не осталось ни одного, кроме командира, дважды тяжело контуженного (полковник Лечицкий)!..

Разумеется, не эти и им подобные люди причинили панику; они только, до последней крайности измотанные душой, могли поддаться ей, не в силах ей противостоять. Паника, как всегда, началась в бесчисленных обозах, столпившихся на одной дороге в тридцать рядов и попавших под перекрестный огонь неприятеля. Обозные люди — не строевые и к огню непривычные...

Снова, как всегда, поднимается вопрос, нужно ли было отступать, или надо было продолжать бой до конца? Кто знает, — что было бы лучше? Одни говорят, что мы могли отлично и долго отбиваться, даже совершенно окруженные; другие — что мы и потом могли всегда пробиться; но большинство, сколько мне заметно, все-таки считает, что было бы совсем скверно, если бы мы не ушли, что отступать было необходимо, что следовало даже отступить раньше.

Дело в том, что, кроме обхода, нас погубило еще и

то, что в центре наша, если не ошибаюсь, вторая армия была прорвана неприятелем. Страшная песчаная метель, бившая на нас в лицо и закрывавшая все непроницаемой мглой до такой степени, что соседа своего нельзя было различить, помогла японскому батальону прорвать наши силы. Против него было послано четыре батальона, но кто-то их, говорят, по дороге перехватил.

Конечно, как всегда, наши самые большие потери были при отступлении.

Жестоко треплются нервы с этого самого мукденского боя. Когда я приехал 5-го марта в Харбин, то он был в том нервном состоянии, в которое и мог прийти именно тыл, проживший целый год в районе действующих армий при совершенно мирной обстановке и вдруг почувствовавший, что он уже перестает быть тылом. Все стремились вон из Харбина, не чувствуя себя более в безопасности: старший врач Л-ского госпиталя Красного Креста просил отпустить его со всем инвентарем и ранеными, так как не считал возможным за них отвечать.

— Разве хорошо будет, если командир корпуса попадет у меня в плен?! — старался он запугать нас.

Другие госпитали просились в самый глубокий тыл. Собирались совещания о том, как бы возможно скорее освободить Харбин от застрявших в нем 22-х тысяч раненых и больных. Со станций, расположенных к востоку от Харбина, приезжали врачи с просьбой свернуть их лазареты и разрешить им уйти, так как они находятся в явной опасности и, вынужденные, в случае беды, эва-

куироваться через Харбин, не в состоянии будут спасти свои лазареты. Генерал Хрещатицкий⁷⁷ пришел на сборный пункт Креста около харбинского вокзала и подбодрил врачей следующей краткой, но выразительной речью:

— Что вы здесь делаете? Свертывайтесь поскорее и уходите!

Главкомандующий приказал всем госпиталям Красного Креста, расположенным к югу от Харбина, перейти в тыл. Относительно некоторых из них распоряжение это было исполнено, так как нужно было увеличить количество больничных мест в северо-западном и отчасти в северо-восточном районах, с которыми мы и поделились. Евангелисты и проф. Мантейфель выбрали себе прекрасное местечко на Хингане, станцию Джаллантунь, куда и перенесли свои госпитали, оставив в Гунчжулине только походное и безусловно необходимое для продолжения госпитальной работы оборудование; некоторым и харбинским госпиталям были найдены места в северо-западном районе, куда с этой целью была командирована целая комиссия.

Однако, оставлять юг без наших госпиталей нам казалось немыслимым, особенно ввиду возможности боя, и на заседании под председательством генерала Трепова мы просили его ходатайствовать перед Главкомандующим, чтобы он разрешил Кресту оставить на местах госпитали от Харбина до Куанчендзы включительно. Ф. Ф. Трепов, сам этому сочувствовавший, выхлопотал

нам это, а также удовлетворение другой просьбы — оставить три госпиталя в Гунчжулине и открыть один в Годзядане.

Тем временем эластический русский дух наш, которому так дивятся иностранцы, стал, как Ванька-встанька, снова подыматься. Впечатление Мукдена стало отходить в привычное прошлое; стали подходить тысячи людей, считавшихся пропавшими без вести; все более и более выяснялось, что японцы не хотят или не могут на нас наступать. Раненые усиленно эвакуировались, Харбин постепенно пустел, врачи перестали говорить об ответственности за безопасность своих больных, а те, которым, согласно их же желанию и намеченной на этом основании программе было предложено переехать в глубокий или близкий тыл, вдруг решительно запротестовали.

Не считая подвижных госпиталей и лазаретов, раскинутых у нас по всем трем армиям, нам удалось по железной дороге продвинуться и южнее Годзядана, даже до самой крайней, бывшей в нашем распоряжении, станции, т. е. до Сыпингая (Богородицкий госпиталь), ибо японцы сидели смирно, а мы ждали все прибывавших войск.

Настроение настолько изменилось, что при одном из позднейших своих посещений наших госпиталей в Гунчжулине Главнокомандующий, заметив, что в одном из них некоторая недостача кроватей, и узнав, что они отосланы в тыл, сказал:

— Зачем же?! Верните их, непременно, сейчас же верните!

XXVI. В Гунчжулине

Когда я приехал в Гунчжулин, тот самый Гунчжулин, который еще так недавно — осенью — своими идиллическими картинами с пасущимися гусями и маленькими девочками, в виде женщин, с платком на плечах, бегавшими в лавочку, при чисто деревенской тишине, — производил впечатление такого тыла, что не только забывался гром орудий, но получалось впечатление, будто ни один воинственный звук никогда не нарушит здесь людского благополучия, — этот самый Гунчжулин уже оказался совершенно зараженным боевой эпидемией и старался загримироваться Ляояном. Конечно, ему это трудно удавалось, так как новый Главнокомандующий предпочел ему маленькую, никому не известную станцию, брошенную в необитаемой пустыне, под пригорком, и называемую Годзяданем, или, как немцы перекрестили ее: «Gott sei Dank»*. Но все штабы и канцелярии, расположенные некогда в Ляояне, ютились теперь в Гунчжулине. Впоследствии Гунчжулин образовался в совсем милый городок.

Главную прелесть его составляет только что отстроенная великолепная железнодорожная больница, в отдельных зданиях которой и разместились наши госпитали: Императрицы Марии Федоровны, Евангелический, теперь еще и Голубевский имени Принцессы Е. М. Ольденбургской⁷⁸. К моему приезду в этих же зданиях, по-

* Слава Богу (нем.).

кинутых Финляндским лазаретом, отчасти и двумя первыми, расположились уже и канцелярия, и общежития наши.

Началось это тяжелое томление между жизнью и смертью, между миром и войной. Назначались дни боев, шли усиленные приготовления, и рядом с этим уже печатались известия о подготовительных работах к мирным переговорам. Впрочем, об этом стали писать только после Цусимского боя.

XXVII. Цусимский бой⁷⁹

О, этот бой, эта несчастная эскадра!

Было время, что о ней все забыли и перестали ею совсем интересоваться. Идет ли она вперед или назад, — не все ли это было равно: от нее никто ничего не ждал. Но вот, появилась она в японских водах и заставила о себе заговорить. Вдруг сразу все забылось: и слабосильность ее, и малочисленность, вся безнадежность ее предприятия. Неожиданный успех первой ее задачи — *прийти* — вскружил головы и вызвал у нас ничем, в сущности, не обоснованные надежды, а у японцев — страх. О, отчего мы тогда не заключили мира?!

...После обычных ложных слухов пришла весть о состоявшемся бое, весть, подтверждавшаяся и морским штабом Главнокомандующего. Но моряки умели держать секрет, никаких подробностей не передавали и на-

мекали только на то, что потери наши оказались меньше, чем можно было думать.

Эскадра наша ожидалась во Владивостоке. Город украсился, приготовлена музыка, население ликует, Красный Крест приехал встречать раненых. Наконец приходит «Алмаз»⁸⁰! Грянула музыка, летят цветы, раздаётся «Jubelgeschrei»*...

Вдруг — тсс...: на «Алмазе» — покойник... А где же другие?

Тихо, струйками начинает пробиваться шепотом зловеший слух... Но нет, вон множество дымков, эскадра идет, вот она уже видна... но... японская! Зловеший слух, ужасный слух подтвердился.

Ряд дней и ряд ночей приносили с собой все новые и новые подробности, над которыми наши моряки не разгибали своих спин, дешифрируя слово за словом, букву за буквой леденящие и разрывающие душу телеграммы и заливая их горячими слезами по родным, товарищам, по своему флоту, по тяжко раненой родине...

Я не был во Владивостоке и не дешифрировал телеграмм, но знаю все, что пишу, по рассказам очевидцев, и, даже сидя в Гунчжулине, был совершенно убит. У меня спрашивают по-прежнему, о том и о другом, я отдаю распоряжения, но с таким чувством, будто я хлопочу для покойника, которому больше ровно ничего не нужно... Надо одеть его в мундир! Ах, да! Надо его одеть, но не все ли равно — во что, — мундир, армяк, сюртук, халат, — не все ли это равно?! Его уж нет...

* «Крики восторга» (марш) (нем.).

XXVIII. Перед миром

Каталинза. 18-го августа 1905 г.

Мы пили дневной чай в большом шатре-столовой лаварета Великого Князя Андрея Владимировича⁸¹, в приятной тишине счастливой домашней обстановки, когда к самой палатке нашей подъехал верхом К. и, не слезая с коня, крикнул нам голосом, в котором слышалось, что все пропало и спасенья нет:

— Мир, мир!

Совершенно убитый, войдя в палатку, он бросил свою фуражку на землю.

— Мир! — повторил он, опускаясь на скамейку. — Сейчас я читал телеграмму начальнику штаба корпуса: японцы согласились на все наши условия.

Все приняли известие это молча, как будто оно касалось буров, но не нас. Ясно было, что в нашем обществе не нашлось полного единомышленника К., но настроение его было слишком определенное, чтобы кто-нибудь решился выдать свое. Чувство удовлетворения меня, однако, охватило настолько, что я сказал хозяйке:

— Слышите, японцы согласились на все наши условия.

К. сделал жест досады.

— Ты слишком гуманен, слишком любишь и жалеешь нас, потому ты и радуешься, — сказал он мне.

— Да, я очень жалею каждого из вас, — ответил я.

Но вестник мира не мог больше держаться: схватив

чужую фуражку, он убежал и разрыдался, как ребенок. Его реакция на мир вполне соответствовала его постоянным о нем суждениям, и, слушая его, я даже в самые малодушные минуты менял свое мнение и говорил себе: да, мы должны продолжать войну.

Этот вопрос о войне и мире обсуждается здесь горячо с самого мукденского боя, становясь все острее и больнее, и за последние три месяца измотал, казалось, и те немногие душевные силы, какие у кого из нас остались.

Тяжелое это было время, если оно действительно кончилось, — тягучее и более даже, может быть, мучительное в душевном смысле, чем периоды боев. Мучились и те, кто были за войну, и те, кто были за мир, мучились неизвестностью, неопределенностью и страхом за то, что вопрос разрешится не так, как они считали это необходимым, — кто в интересах родины, кто — чисто в личных.

Большинство, однако, из настроенных воинственно, считают, что мы сильнее, чем когда-либо, и так уверены в победе, что не могут примириться с прекращением военных действий именно теперь.

Но, спрашиваем мы их, какая гарантия, что мы действительно сильнее японцев или не наделаем в предполагаемом бою тех же ошибок, которые оказались для нас столь губительными? Гарантии, однако, никто не дает; они верят, они чувствуют, — и сам верю и чувствую, — но разве не верили мы и не чувствовали того же самого и перед Ляояном, и перед Мукденом?! Разве не желали

страстно иные, чтобы японцы пошли на Ляоян?! Мы получили, правда, массу новых войск, которые шли и идут теперь из России непрерывной волной; правда, это идут уже не полубольные пожилые бородачи, а идет молодежь, добровольцы, по жребию, — даже не запасные, а состоящие на действительной службе, — но не попадают ли именно они в особенно большом количестве в лазареты и госпитали, откуда так неохотно выписываются? Не говорят ли, что среди этой добровольной молодежи немало элементов, пришедших с определенной целью растлевать армию и восстанавливать ее против продолжения войны? Кто может утверждать, что война стала хоть сколько-нибудь в войсках популярнее? Во время переговоров в Портсмуте⁸² газеты и телеграммы раскупались солдатами с особой любознательностью; газета называлась хорошей, если она давала шансы на мир, и нехорошей, если более похоже было на возможность разрыва. Быть может, в сравнении с общей массой войск это было настроение меньшинства, но об этом слышно было с разных сторон, а рассказов противоположного направления не было вовсе. Нам говорят, что войска хотят драться, а разве не доходят до нас сетования, что бой хотят дать только для того, чтобы каким-нибудь лишним миллиардом рублей меньше заплатить?

— Что же, жизни-то наши не стоят разве этого миллиарда?! — логично задают вопрос мне.

Ты, разумеется, не заподозришь меня в сочувствии всем малодушным речам истомленных душой и телом

людей, — однако, при обсуждении вопроса, желательно или нежелательно продолжение войны, нельзя эти печальные явления не принимать в соображение.

Но допустим даже, что мы дали бой и одержали блестящую победу, — будем ли мы дальше добивать врага, до полного уничтожения его армии, как он уничтожил флот наш, или мы закончим на этом споре, чтобы только последнее слово было за нами? Я не говорю, конечно, что России нужен мир во что бы то ни стало, что она должна принять условия, которые вздумала бы ей предписывать Япония. Избави Бог! Если бы она не уступила нашим требованиям, то пусть знала бы вся Россия, что неприятель добивается унижения нашей родины, и тогда, надо надеяться, она подняла бы брошенную ей перчатку и вся приняла бы участие в самой отчаянной, остервенелой борьбе за свою честь. Если же Япония, в страхе перед новым боем и нашей силой, пошла на все, чего мы желали, — почему каждому гражданину земли русской не радоваться?

Но К. думает иначе. Он задается вопросом, как мы без победы вернемся домой, и уже представляет себе, что всякий прохожий будет считать себя вправе оскорблять нас, корить и чуть ли не смеяться над нами.

Я понимаю чувство, которое в нем говорит, и сам все время повторял, что *чувство* требует продолжения войны, тогда как *разум* желает ее прекращения. Я понимаю и уважаю чувство неудовлетворения, которое может и должно быть в душе каждого нашего офицера и солдата, вы-

нужденного положить оружие, ни разу не ощутив под его ударами сломленной силы неприятеля. Понимаю, что и блестящий мир, который может радовать его, как гражданина, должен огорчать его, как воина, еще не использовавшего всю свою силу и сознающего всю горечь пережитой войны, ничем не нейтрализованную и не одобренную. Каюсь, мне было бы симпатичнее, чтобы первая реакция в душе нашего солдата на известие о заключении мира была не крик «ура» или крестное знамение с облегченным вздохом: «Слава Богу!» (как это я пока повсюду наблюдал), — даже без всяких справок об условиях, — а, по крайней мере, хоть некоторое состояние досады и краткого обалдения, как у промахнувшегося охотника, которому собака все-таки приносит дичь, но подстреленную соседом. Пусть после этой первой минуты непосредственной реакции он быстро образумится, вспомнит, что теперь может успокоиться его многострадальная неповинная родина, что жена и дети его снова получают своего кормильца, а он увидит и обнимет их, которых считал уже навеки у него отнятыми, — и порадует; но это первое инстинктивное ощущение укола от слов: «мир заключен», означающих для него: «брось, ты все равно больше не можешь», — о! я бы его уважал и оценил, хотя и сознаю, что его отнюдь нельзя требовать. Думаю даже, что отсутствие такой реакции служит доказательством того, что пора кончать.

В глубине души я всецело присоединяюсь к заключительным словам славного санитаря Бараева, который дорогой между Маймайкаем и Бамьянченом расспрашивал меня об условиях преждевременно возвещенного

мира и которого я спросил, доволен ли он: «Все-таки для России позорец небольшой есть». Я сомневаюсь, чтобы в какой-нибудь русской душе не было хоть оттенка этого чувства. Недаром простые наши бабы, которые вообще, на мой взгляд, после искалеченных войной (убитых не считаю, ибо, как всегда, склонен думать, что они — наиболее счастливые) являются более всего пострадавшим элементом в нашем отечестве, говорили после Цусимского боя, что «разве можно с им мириться, когда он наш флот уничтожил». Они больше теряли родных в боях сухопутных, но только морским побоищем задел японец их национальное чувство. Оно, разумеется, задело у каждого, и только действительно тяжелое переутомление и перенапряжение помогают быть благоразумными, желать конца и утешаться блестящим успехом мирных переговоров, благодаря которым истощенная Япония, по-видимому, больше проиграла от своей победоносной войны, чем выиграла.

Но кто помог этому успеху? Рузвельт?⁸³ Европа? Я не сомневаюсь, что этот «gentleman»* и эта старая «lady»** были хорошими помощниками при рождении непропорционального ребенка, оказавшегося мальчиком и нареченного «Миром». Несомненно, эти добрые специалисты имели тоже, вопреки науке и обычаю, огромное влияние на пол новорожденного, но силы, на которые и они рассчитывали, силы, на которые опирался и Витте⁸⁴, — все-таки наша славная, доблестная ар-

* Джентльмен (англ.).

** Леди (англ.).

мия, явившая чудеса стойкости и самоотвержения, показавшая и неприятелю, и всему миру, на что она способна, и после каждого, сколько бы оно ни было несчастным, дела, как гидра лернейская, становившаяся все более и более многоголовой и грозной.

Я помню и никогда не забуду, как в начале мая ко мне приехал в Гунчжулин старший врач одного из летучих отрядов, Т., большой молодчина, отовсюду всегда уходивший последним, неоднократно бывавший в самых опасных передрягах, но никогда об этом не болтавший направо и налево. Еще совсем молодой человек, он, благодаря своей крупной фигуре и большой черной бороде, производил впечатление богатыря, и в черной мягкой шляпе на густых длинных волосах мне всегда представлялся похожим на Вильгельма Телля⁸⁵. И вдруг этот Телль приезжает ко мне и заявляет, что он больше не может, что он должен уехать, потому что устал до последней крайности. Если это говорит Т., то — я понимал — оставалось только помочь ему скорее уехать, хотя бы из одной признательности за его необыкновенную самоотверженную работу. Поэтому я не стал отговаривать его, только спросил, не решаясь настаивать, как это он хочет уезжать почти накануне боя, ожидавшегося числа седьмого.

— До никакого боя не будет, — спокойно отвечал он.

— Почему же вы так думаете, ведь все ожидают, — возражаю я.

— Но как же он может быть? — говорит Т. — Ведь

мы наступать еще не можем, а японцы не станут, потому что убедились, что они нас победить не могут.

Я чуть не вскочил с кресла, чтобы обнять и поцеловать этого молодчагу за его прекрасный объективный ответ русской души и за твердость и убежденность его тона.

Да, он совершенно прав: несмотря на все неудачи, на целый ряд ошибок отдельных лиц, на все недочеты общей организации, на вопиющие пробелы в предшествовавшей войне, — наша армия все-таки доказала еще раз свою непобедимость. Я горячо возражаю, поэтому, пессимистам, говорящим, что нас били, нас гнали, что им совестно будет вернуться в Россию и нельзя будет там прямо смотреть людям в глаза. Как это несправедливо и обидно за тысячи их товарищей, легших костями около них, за десятки тысяч самоотверженных, темных умом, но светлых душой, наших солдатиков, беззаветно и безропотно отдавших жизнь свою за доброе имя этой самой России! Как можно допускать мысль, что она может считать себя вправе бросить камень в свою армию?! Если нас били, то мы каждый раз били вдвое; если мы уходили, то не потому, что нас откуда-нибудь выгоняли, а по тем или другим, может быть, верным, а, может быть, и ошибочным, теоретическим соображениям.

Нет, с высоко поднятой головой должен вернуться в отчизну русский воин, и родина должна склонить перед ним голову, — голову повинную, что покинула его на далекой чужбине, что предоставила ему одному расхлебывать кашу, а сама, ворча и критикуя, принялась за стирку

накопившегося дома грязного белья. Благодарным сердцем и благоговейной душой должна она полететь ему навстречу и поскорее постараться залечить и успокоить раны его телесные и духовные, нас ради и нашего ради спасения принятые им, и с адским огнем, и с миртовой ветвью⁸⁶... Я благодарю Бога, что Он дал мне самому убедиться во всем, что я говорю, и говорить так, допустив пережить и прочувствовать все это.

Конечно, история не должна быть и не будет пристрастна; она выделит ошибки и скажет, кто в них виноват, и тогда эти ошибки послужат нам на пользу. Мне представляется даже очень благоприятным, что мы не кончили победоносным бравурным аккордом: он покрыл бы все фальшивые ноты, и снова мы, самодовольные, заснули бы на лаврах. Теперь же, сохранив в душе всю боль и остроту от наших ошибок, мы можем и должны исправиться, должны и будем совершенствоваться, — именно потому, что мы сохранили ее. Надо нам работать, много и сильно работать!

XXIX. Мир

Саншигоу. 26-20 августа

Итак, у вас мир, а у нас еще нет. Только сегодня получен здесь приказ Главнокомандующего прочесть повсюду телеграмму Государя о том, что он принял предварительные мирные условия, — но до сих пор, хоть

струйками, а все еще лилась у нас кровь, и каждую ночь ходили на разведки.

Мы давно читали телеграмму Витте, со всех сторон слышим, что мир заключен, что подписано перемирие, но до сегодняшнего вечера в нашей глухой деревне Тун-Кассия резиденцией начальника отряда, князя Орбелиани⁸⁷, больше говорилось о войне и ее продолжении.

— Что, будет мир? — спрашивает князь одного из всадников.

— Нэт, нз будит, — отвечает тот.

— Значит, война будет?

— Нэт, и война не будит.

— Что же будет тогда?

— Тэлэграмм будит.

Он оказался глубоко прав; телеграмма пришла, и мы все-таки чувствуем себя на войне и не видим мира, и вместе с тем видим, что война кончена, ибо подписан мир. Продолжается эта мучительнейшая тягучка, здесь, в самых передовых частях, особенно сильно и тяжело ощущаемая.

Понемногу выясняются и невеселые подробности мирного договора: Сыпингайские позиции, весьма сильные и хорошо укрепленные, те самые, про которые Линевич говорил: «Сыпингай я не отдам», Витте отдал. Не знаю, зачем он это сделал, почему уступил он эти последние, как некоторые утверждают, позиции перед Харбином, вместе с линией железной дороги до Куанченцзы, вместе с милым Гунчжулином, — словом, хороший кусок пути, еще не пройденный и не заработанный японца-

ми? Что получили мы в обмен? Почему же говорил он, что отдал только ту часть дороги, которую японцы завоевали?

Конечно, «la critique est aisee»*, но ведь, в сущности, мы все-таки еще очень мало что знаем об условиях мира, и обрадовались ему только, как люди с едва-едва заживающими ранами, боявшиеся, что вот-вот получают по ним новые удары, и заручившиеся, наконец, после долгой, мучительной душевной волокиты, уверенностью, что этого не будет; мы поступили, может быть, так же неосновательно и преждевременно, как и японцы, негодовавшие на те же, тоже неизвестные им, условия мира. Теперь они, подсчитав свои выгоды, успокоились, а мы... притихли, и каждый чувствует, как санитар Бараев: «позорец есть».

XXX. Красный Крест начинает свертываться

3-го сентября. Гунчжулин

...Из Каталинзы я переехал на 84-й разъезд, откуда очень счастливо, по только что установившейся конке «Дековильке», перескочил в Маймайкай. Я был в симпатичном Вятском отряде, когда вдруг приходит известие, что старший врач 5-го С.-Петербургского летучего отряда, П. П. А., отпустивший и второго врача, и обоих студентов, оставшийся, следовательно, совершенно один,

* Критиковать легко (франц.).

— заболел тифом. Надо тебе сказать, что мы только что потеряли двух врачей и двух сестер от брюшного тифа и одного студента от тяжелого воспаления кишок, и во всех случаях у меня осталось впечатление, что они не выдержали своей болезни, может быть, оттого, что продолжали работать больными и переутомили себя. Что мог, я сделал и для некоторых из них, но, к сожалению, каждый раз узнавал о болезни слишком поздно.

Ты, конечно, понимаешь, как взволновался я по этому известием о болезни этого прелестного, скромного, добросовестнейшего, симпатичнейшего и доблестного нашего труженика. Я живо представил себе, как он, заброшенный в самые передовые позиции, одинокий, больной, ходит, осматривает больных, — сам, может быть, более слабый, чем они... Забыв свои немощи, я сел на коня и пустился в только что еще казавшийся таким трудным и далеким шестидесятиверстный путь. К вечеру я приехал в Бамьянчен, стоящий приблизительно на полпути, где расположен наш 1-й С.-Петербургский летучий отряд, а на следующее утро в 7 час. я уже опять был на коне. Лошадь попалась мне мягкая, удобная, я с удовольствием снова втягивался в этот приятный способ передвижения, когда так наслаждаешься природой и так хорошо думается... в одиннадцатом часу я приехал в Сан-шигоу к А. и нашел его бледным, слабым и сильно истощенным...

По счастью, врач и сестра военного полутранспорта вели его больных, но он все-таки вставал и хлопотал по своему отряду. Я тотчас же уложил его и стал устранять

от всего, заменяя его во всех оставшихся на нем мелочах и радуясь тому, что могу служить и помогать хоть одному из тех многих и невидных работников, трудом, энергией и самоотверженностью которых стояло, двигалось и было сильно наше дело на войне.

Когда А. стал поправляться, я, сдав остающихся больных и часть имущества (белье, лекарства) военным врачам, свернул отряд, положил на выючные носилки А. и одного из санитаров, тоже проделавшего тиф и умолявшего не отрывать его от своего старшего врача, — двинулся в путь, благословляемый с неба легким дождичком...

Так начал Красный Крест свое возвращение на родину: послужив всем, чем он мог, отдав святому делу своему все, чем обладал, — последние силы и здоровье, — он бедные остатки свои положил на щит и «со щитом» пошел домой.

Это было 28-го августа, в тот день, когда у нас объявили о прекращении военных и враждебных действий.

Военные врачи часть пути провожали нашу трогательную процессию, лишний раз доказывая, вместо раздутого пресловутого антагонизма двух ведомств, дружескую и братскую между ними связь во врачах.

Дождь сопровождал нас всю дорогу, так что стало сыро и свежо. На середине пути мы в поле остановились, чтобы покормить лошадей, надо было покормить и А., а мне хотелось еще дать ему возможность полежать в сухом местечке.

Около самого места нашей стоянки была как-то изолированная от всей близлежащей деревни аккуратная фанза, в

которую я смело пошел за приютом. Во дворе красиво цвели белые с яркими розовыми полосами «belles de jour»*, во внутреннем дворике тоже были цветы, и все было аккуратно и чисто. Навстречу мне и санитару вышел хозяин с бородкой клинышком и интеллигентным лицом. Я объяснил ему, что нам нужно: «мало-мало сиди-сиди, и мало-мало кушь-кушь», и пошел в его мужскую половину. Но он не согласился на это, перевел туда всех «мадам» и детей, а нам предоставил их половину, чистую, прибранную, с тюфяками, ковриками и подушками на каннах. Когда он увидел у А. повязку с красным крестом, он показал рюмку и сказал:

— «Моя тайфу», — что означало, что он — доктор. Я объяснил тогда, что А. «мало-мало ломайло», т. е. немного болен, и он стал очень за ним ухаживать и заварил нам чудного цветочного чая. С своей стороны, мы налили ему вина, но он сказал, что «ханшин маю» — значит: он не пьет водки, — отлил себе вина в рюмку, остальное предложил выпить молодому китайцу, который сказал, что это не ханшин, а «хау, хау», — и очень похвалил. Тогда хозяин представил нам свою жену, сказав: «моя мадам», которая протянула нам руку. Я дал ей и другим женщинам и детям, которые постепенно вернулись в свою комнату, по куску хлеба с сардинкой, но они все куда-то унесли это угощение, и я не знаю, ели ли. Вероятно, им это так же подозрительно и неаппетитно, как нам их пища. Когда один русский сказал как-то китайцу, с которым был в хороших отношениях, что от них нехорошо пахнет (сногшибательный запах чеснока и бобового масла), он,

* «Лчевная красавица» (франц.) — лилейник, или краснодев.

находясь в дурном, но откровенном настроении, горячо ему ответил:

— А вы думаете, от вас не пахнет? Да как еще! И очень неприятно.

Мы растворили шоколад Gala-Peter и предложили нашему коллеге, но он не решился его попробовать. Когда, однако, женщины и молодежь его дома с удовольствием стали пить шоколад, он взял свою чашку, поднес ее ко лбу, помолился молча над ней и стал пить. Напиток ему понравился, и он допил его до конца. Зато, когда я угостил их арбузом, — колебаний не было, и они уплетали его все наперерыв.

Таким образом, и китайский, и русские «тайфу» остались очень довольны друг другом.

Благополучно и счастливо прошло также и все наше путешествие с милым А. до самого Маймайка.

Здесь я оставил своих больных в Вятском лазарете, в который стремился А., а сам, простившись с отрядами 2-й армии, пустился в последний объезд наших учреждений армии 1-й и 3-й, из которых некоторые уже свернулись, другие — свертываются, а третьи ожидают своей очереди.

Это первые шаги мои, по направлению к вам, домой...

Вглядимся в эти фотографии...

Фотографии, сделанные Е. С. Боткиным во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., которые он взял с собой в Екатеринбург

Эти снимки 1904–1905 гг. хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, в фонде Е. С. Боткина. Мы не стали иллюстрировать ими текст книги Евгения Сергеевича, несмотря на то, что фотографии перекликаются с тем, что рассказывает автор. Боткин не снабдил свою книгу изобразительным материалом, и мы не хотим нарушать его замысел. Как самое дорогое, вместе со всеми необходимыми вещами, он взял с собою в Сибирь, разделив с Царской Семьей изгнание, эти фотографии и письма дочери. В ГАРФ эти фотоснимки попали так же, как и другие дневниковые записи и документы казненных в Ипатьевском подвале — разграбив вещи, палачи тщательно спрятали от всего мира архив Царской Семьи и их близких.

Однако, история донесла до нас эти документы, чтобы почти через сто лет они свидетельствовали об их владельце. Фотографии и письма, публикуемые нами, — единственные свидетели последних дней жизни доктора Боткина.

Евгений Сергеевич Боткин среди руководителей Красного Креста

Вглядимся в эти кадры — на них он предстает молодым, деятельным, энергичным, и каждое изображение, пусть даже потускневшее и размытое временем, несет в себе удивительный свет высокой, святой души Христова воина, аристократа духа Евгения Сергеевича Боткина.

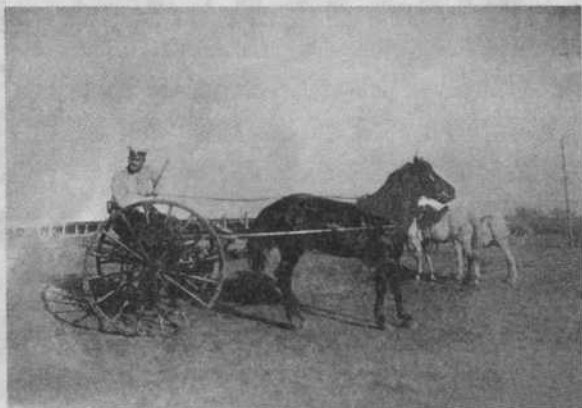
Сотрудники «Общины сестер милосердия св. Георгия»

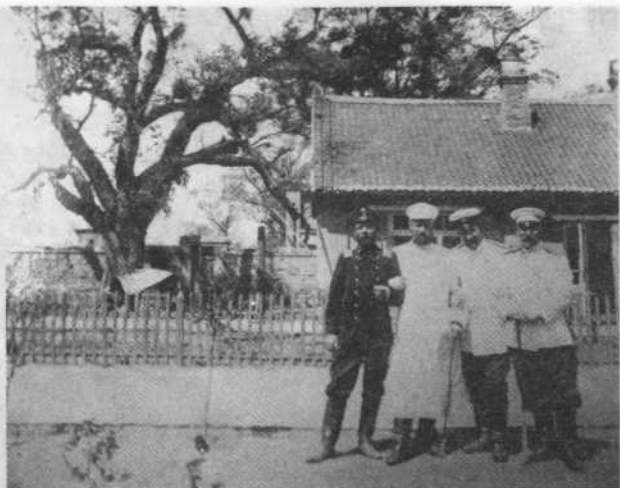
Так выглядели палаточные лазареты. Их можно было быстро развернуть, и, в случае необходимости, быстро эвакуировать

К главе X. Смерть есаула Власова

Е. С. Боткин на повозке-фудутунке. На заднем плане — платформа Георгиевского госпиталя. Сюда приходили санитарные поезда, чтобы забирать раненых

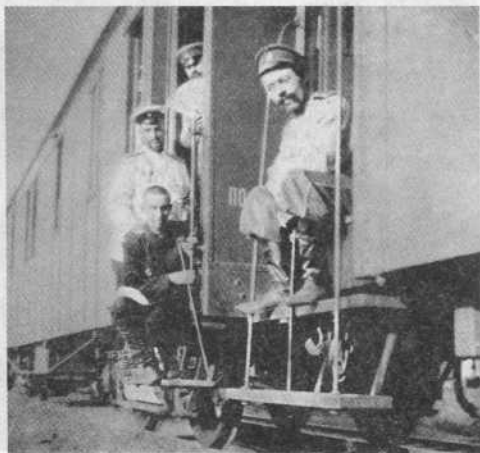
Е. С. Боткин среди сослуживцев на госпитальном дворе

Е. С. Боткин вместе с сослуживцем на госпитальном дворе

Праздник Рождества Христова в одном из госпиталей

Дороги войны

Е. С. Боткин с генерал-лейтенантом графом Ф. Э. Келлером

«Наша разведка». Подпись к снимку в альбоме Е. С. Боткина

ПРИМЕЧАНИЯ К ЧАСТИ I

¹О. Н. Куликовская-Романова главной задачей своей просветительской деятельности считает помощь России в возрождении нравственности, культуры, Православия. Ее трудами в России возрождаются храмы, издаются духовные книги, открываются художественные выставки, пропагандирующие утраченные Россией в XX веке духовные ценности.

²Куликовская-Романова О. Н. Под благодатным покровом, СПб., 2002. С. 88.

³Антоний, митрополит Сурожский. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Сурожская епархия, 1982. С. 58.

⁴*Мельник-Боткин Константин Константинович* (р. 1927) — сын дочери Евгения Сергеевича Боткина Татьяны Евгеньевны и Константина Семеновича Мельника, поручика 5-го Сибирского стрелкового полка. Родился во Франции, под Греноблем. При президенте Шарле де Голле был аналитиком политики Советского Союза. Автор и редактор книг по современной истории. Друг современной России, редактор данного издания.

⁵Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 682. Оп. 1. Д. 37–41; 115–116.

⁶*Келлер Федор Артурович (1857–1918)* — граф, генерал от кавалерии. Племянник героя Русско-японской войны графа Ф. Э. Келлера. В 1904 г. командовал 15-м драгунским Александрийским полком, а с ноября 1906 г. — лейб-

гвардии Драгунским полком. В 1905 г. временно исполняя обязанности Калишского генерал-губернатора во время усмирения Польши, был ранен и контужен взрывом брошенной в него террористами бомбы, лишь благодаря своей ловкости избежав смерти. В 1907 году — флигель-адъютант, генерал-майор. В 1910 г. назначен командиром 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии, в 1912 г. — начальник 10-й кавалерийской дивизии. С 1913 г. — генерал-лейтенант. Во время Первой мировой войны, с апреля 1915 г. по март 1917 г. — командир 3-го кавалерийского корпуса. Один из двух генералов императорской армии, оставшихся верными своей присяге (после отречения Императора от имени корпуса послал Ему телеграмму: «Третий конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя»). Отказался присягать Временному правительству и был уволен «за монархизм». В 1918 г. жил в Киеве, руководил Организацией монархистов, состоящей из части Белой армии. Убит петлюровцами в Киеве, на Софийской площади, у памятника Богдану Хмельницкому.

⁷ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.

⁸Например, ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 115.

⁹П. В. Мультигули (в книге «Свидетельства о Христе до смерти...» СПб., 2007. С. 124–125) приводит следующий полный список лиц, добровольно сопровождавших Царскую Семью в изгнание (со ссылкой на книгу «Письма Царской Семьи из заточения»):

1. Генерал-адъютант граф И. Л. Татищев.
2. Гофмаршал князь В. А. Долгоруков.
3. Графиня А. В. Гендрикова.
4. Лейб-медик Е. С. Боткин.
5. Наставник Наследника Цесаревича француз П. Жильяр.

6. Гоф-лектриса Е. А. Шнейдер.
7. Воспитательница графини Гендриковой В. В. Николаева.
8. Няня А. А. Теглева.
9. Помощница Теглевой Е. Н. Эрсберг.
10. Камер-юнгфера М. Г. Тутельберг.
11. Комнатная девушка Императрицы А. С. Демидова.
12. Камердинер Государя Т. И. Чемодуров.
13. Помощник Чемодурова С. Макаров.
14. Камердинер Государыни А. А. Волков.
15. Лакей Наследника Цесаревича С. И. Иванов.
16. Детский лакей И. Д. Седнев.
17. «Дядька» Наследника Цесаревича К. Г. Нагорный.
18. Лакей А. Е. Трупп.
19. Лакей Тютин.
20. Лакей Дормидонтов.
21. Лакей Киселев.
22. Лакей Е. Гусев.
23. Официант Журавский.
24. Старший повар И. М. Харитонов.
25. Повар Кокичев.
26. Повар Верещагин.
27. Поварской ученик Л. Седнев.
28. Служитель М. Карпов.
29. Кухонный служитель С. Михайлов.
30. Кухонный служитель Ф. Пюрковский.
31. Кухонный служитель Терехов.
32. Служитель Смирнов.
33. Писарь А. Кирпичников.
34. Парикмахер П. Н. Дмитриев.
35. Гардеробщик Ступель.
36. Заведующий погребом Рожков.

37. Прислуга графини Гендриковой П. Межанц.
38. Прислуга госпожи Шнейдер Е. Живая.
39. Прислуга госпожи Шнейдер Мария (фамилия неизвестна).

Позднее в Тобольск прибыли:

1. Преподаватель английского языка англичанин С. Гиббс.

2. Доктор медицины В. Н. Деревенко.

3. Фрейлина, баронесса С. К. Буксгевден.

4. Камер-юнгфера М. Ф. Занотти.

5. Комнатная девушка А. Я. Уткина.

6. Комнатная девушка А. П. Романова.

(Буксгевден, Занотти, Уткина и Романова не были допущены к Царской Семье)

¹⁰Т. Е. Мельник-Боткина. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 100.

¹¹Т. Е. Мельник-Боткина. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 101.

¹²О А. В. Гендриковой, Е. А. Шнейдер и других лицах см. раздел «Биографическая справка».

¹³А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Гл. 16.

¹⁴Охотничья резиденция русских Царей в Царстве Польском, в Лодзьском воеводстве.

¹⁵См. в кн. Пьер Жильяр. Император Николай и Его Семья. (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918). М., 1991.

¹⁶А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Введение.

¹⁷*Великая Княжна Мария Павловна (младшая) (1890–1958)* — дочь Великого Князя Павла Александровича, сына

Императора Александра II, и королевы греческой Александры Георгиевны, умершей при ее родах. Воспитывалась в семье Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. В эмиграции с 1917 г. Автор книг «Воспитание принцессы. Воспоминания» и «Принцесса в изгнании» (первоначально опубликованы на английском языке).

¹⁸А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Предисловие Е. П. Семенова.

¹⁹А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Гл. 6.

²⁰О Евфросинье Александровне Лычковой сообщил Михаил Бронский, Архангельская область.

²¹«Списки населенных мест Витебской губернии». Витебск, 1906. Раздел «Режицкий уезд, Борховская волость». №№7, 11, 31, 47. Раздел «Варклянская волость». №№46, 62. Раздел «Розентовская волость». №№39, 136.

²²ГАРФ. Ф. 102. 5 делопроизводство, 1909 г. Д. 5.

²³ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2077. (Дневник протоиерея Н. Беляева [о. Афанасия Беляева] о службе его при дворе (найденный в Феодоровском соборе), 1917 г. // Вече. Независимый русский альманах. № 37. С. 159).

²⁴Дом принадлежал Ордовскому-Танаевскому *Николаю Александровичу* (1863–1950). (Действительный статский советник, в 1915–1918 гг. последний губернатор Тобольска. Убежденный монархист. Был арестован ЧК в 1918 г. по так называемому офицерскому списку, находился в Петропавловской крепости в Петрограде, чудом остался жив. Эмигрировал в 1919 г. через Эстонию в Германию. В 1923 г. в Гамбурге рукоположен во священника. В 1928 г. принял монашество с именем Никон, впоследствии стал архимандритом. Ок. 1930 г. переехал в Сербию, где служил в различ-

ных городах и поселках. В 1945 г. снова переехал в Германию, жил в лагерях для перемещенных лиц. В 1948 г. помещен в великую схиму с именем Никодим. Умер в Баварии). Это было каменное здание с коридорной системой. На втором этаже в большой угловой комнате, к которой подходила лестница, размещался кабинет Императора. Через небольшой зал можно было пройти в коридор, деливший дом на две части. В первой половине находилась гостиная, царская спальня, комната Великих Княжон. Во второй половине — комната Цесаревича, уборная, ванная. Внизу, на первом этаже, в первой комнате находился дежурный офицер, в следующей жила А. С. Демидова, далее находилась комната П. Жильяра и столовая. По другую сторону коридора располагались Т. И. Чемодуров, М. Г. Тутельберг, А. А. Теглева, Е. Н. Эрсберг. На первом этаже находилась также буфетная. В доме купца Корнилова, где помещалась царская свита, в верхнем этаже проживали: генерал Татищев, гоф-лектриса Шнейдер, графиня Гендрикова, мистер Гиббс, князь Долгоруков, Доктор Деревенко с сыном Колей и три горничных. На первом этаже были размещены охрана, комиссар Панкратов с двумя помощниками (Никольским и прапорщиком Зимой). Две комнаты занимал доктор Боткин. В большой угловой комнате разместилась дочь Боткина — Татьяна, в маленькой, проходной, — он сам с сыном Глебом.

²⁵Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь-Мученик / Сост. С. В. Фомин. М., 2000. С. 84–98.

²⁶Дневник Императрицы Александры Феодоровны. 1918 г. ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 326.

²⁷Дневники Императора Николая II. М., 1992. С. 680.

²⁸См. кн. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.

²⁹Дневники Императора Николая II. М., 1992. С. 676, 679, 681, 683.

³⁰П. В. Мультиатули. «Свидетельства о Христе до смерти...». СПб., 2007. С. 508.

³¹См. кн. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.

³²См. в кн. Э. Риммер, М. Бородулин. Прогулки по Воскресенскому проспекту, Череповец, 2002.

³³См. в кн. Краткий очерк 50-летней деятельности Череповецкого Общества взаимного от огня страхования. 1865–1915 гг., Череповец, 1905.

³⁴См. в кн. Историческое описание Иоанно-Предтеченского первоклассного Леушинского монастыря. СПб., 1907.

³⁵Частный архив.

³⁶См. в кн. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.

³⁷См. в кн. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.

³⁸Частный архив.

³⁹Т. Е. Мельник-Боткина. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 49–50.

⁴⁰ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 59; Ф. 682. Оп. 1. Д. 37, 41.

⁴¹ГАРФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 66.

⁴²См. в кн. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.

⁴³См. в кн. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974. Например:

Письмо Императрицы Александры Феодоровны А. А. Вырубовой:

«20. XII. 1918. Тобольск.

Он [Государь Император, — *примеч. авт.*] прямо поразителен — какая крепость духа, хотя бесконечно страдает за

страну, но поражаюсь, глядя на него. Все остальные члены Семьи такие храбрые и хорошие, и никогда не жалуются...».

«23 янв. 1918. Тобольск.

...Доверяю всех в Ее святые руки, да покроет всех Она своим омофором. Благодарю день и ночь за то, что не разлучена со своими 6 душками, за много надо благодарить, за то, что Ты можешь писать, что не больна. Храни и спаси Тебя Господь, всем существом за тебя молюсь, а главное, что мы еще в России (это главное), что здесь тихо, не далеко от раки св. Иоанна. Не удивительно, что мы именно здесь».

⁴⁴С. К. Буксгевден. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 478.

⁴⁵ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2111. (Вече. Независимый русский альманах. Мюнхен, 1989. № 36. С. 182–192).

⁴⁶*Великий Князь Михаил Александрович (1878–1918)* — младший брат Государя Императора Николая II, член Государственного Совета, генерал-адъютант. Не принял престола после отречения Императора. Убит в окрестностях Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г.

⁴⁷*Великие Княжны Татьяна Николаевна (1897–1918), Мария Николаевна (1899–1918) и Анастасия Николаевна (1901–1918)* — Дочери Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны.

⁴⁸*Макаров Павел Михайлович (1872–192?)* — помощник комиссара Временного правительства над бывшим Министерством Императорского двора (1917). Активный деятель масонской ложи. Архитектурный критик. Редактор «Известий» и «Архитектурного ежегодника» ОГИ, член правления ОГИ. Техник главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей (1899). Директор правле-

ния Петроградского строительного товарищества на паях. Построил водокачку в парке принца Ольденбургского в Петергофе. После 1917 г. — в Константинополе, Чехословакии, Берлине.

⁴⁹*Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова.*

⁵⁰*Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич (1904–1918)* — сын Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны.

⁵¹*Тутельберг Мария Густавовна (1863–?)* — камер-юнгфера Императрицы Александры Феодоровны.

⁵²*Хитрово Маргарита Сергеевна (Рита) (1895–1952)* — фрейлина Императрицы Александры Феодоровны. Приехала в Тобольск через несколько дней по прибытии сюда Царской Семьи, но не была допущена в дом №1. После обыска, который проводился не только в доме Корнилова, но и в тобольской гостинице, где она остановилась, Хитрово была этапирована в Москву, в Судебную палату. Здесь ей было предъявлено обвинение в участии в заговоре по освобождению Царской Семьи. После допроса, который вел следователь по особо важным делам Александров, освобождена. В замужестве Эрдели. Эмигрировала, умерла в Нью-Йорке. Похоронена на кладбище монастыря в Ново-Дивеево.

⁵³См. раздел «Биографическая справка».

⁵⁴*Великая Княжна Ольга Николаевна (1895–1918)* — первая дочь Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны.

⁵⁵*Великая Княжна Мария Павловна (младшая).* В первом браке за принцем Вильгельмом Шведским, герцогом Зюдерманландским, сыном шведского короля Оскара II, во втором — за князем С. М. Путятиным.

⁵⁶*Путятин Сергей Михайлович (1893–1968)* — князь, сын князя М. С. Путятина, генерал-майора, начальника Цар-

скосельского дворцового управления. Капитан лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка.

⁵⁷*Великий Князь Павел Александрович (1860–1919)* — сын Императора Александра II, дядя Императора Николая II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, командир лейб-гвардии Конного полка. В 1902 г. из-за морганатического брака с О. В. Пистолькорс был уволен от всех должностей и лишен званий. В 1905 г. восстановлен в звании генерал-адъютанта. С 1916 г. командир 1-го гвардейского корпуса, генерал-инспектор войск гвардии. Расстрелян в Петропавловской крепости в Петрограде в январе 1919 г.

⁵⁸*Великая Княгиня Ольга Александровна (1882–1952)* — младшая сестра Императора Николая II. В первом браке за герцогом П. А. Ольденбургским, во втором — за Н. А. Куликовским. С 1918 г. в эмиграции. Умерла в Торонто.

⁵⁹*С. К. Буксгевден*. См. раздел «Биографическая справка».

⁶⁰*Екатерина Адольфовна Шнейдер*. См. раздел «Биографическая справка».

⁶¹*Битнер Клавдия Михайловна (1878–1937)* — в замужестве Кобылинская, супруга начальника отряда охраны Царской Семьи в Тобольске Е. С. Кобылинского. Из дворян, уроженка г. Петербурга. Начальница Мариинской гимназии в Царском Селе. В 1917–1918 гг. в Тобольске преподавала математику Царским Детям. После Гражданской войны вместе с мужем проживала в Рыбинске. После его расстрела в 1927 г. переехала в г. Орехово-Зуево Московской области, работала на заводе «Карболит». Арестована и расстреляна на Бутовском полигоне НКВД под Москвой.

⁶²*...пошли на гору...* — у узников это означало — пойти в Софийский собор Тобольска (расположенный на высоком холме над городом), чтобы поклониться мощам свт. Иоанна

Тобольского (общецерковная память 10/23 июня). Царственные Мученики благоговейно почитали свт. Иоанна. Молитвенное предстательство святого ошутимо помогало Наследнику в преодолении его тяжкого недуга. Впоследствии они сожалели о том, что, будучи в Тобольске, так и не смогли приложиться к его цельбоносным мощам «Ужасно было грустно, — писала Великая Княжна Мария Николаевна из Екатеринбурга, — что нам ни разу не удалось быть в соборе и приложиться к мощам св. Иоанна Тобольского». Примечательно, что в день памяти этого святого в 1918 году, (на этот же день выпал и праздник Святой Троицы) в доме Ипатьева была отслужена последняя в земной жизни Царственных Мучеников церковная служба.

⁶³*Объявлена «Республика»...* 1 сентября (ст. ст.) 1917 г., не дожидаясь созыва Учредительного собрания и его решения о форме государственного правления в России, Временное правительство противозаконно, вопреки Манифесту об отречении от престола Великого Князя Михаила Александровича, издало Постановление о провозглашении России республикой.

⁶⁴Правильно: *Николаева Викторина Владимировна* — воспитательница графини А. В. Гендриковой.

⁶⁵*Боткина Татьяна Евгеньевна (1898–1986)* — дочь Е. С. Боткина. Выехала из Тобольска в конце мая 1918 года. Вышла замуж за К. С. Мельника. Эмигрировала вместе с братом Глебом через Дальний Восток во Францию. В 1921 году опубликовала в Белграде книгу «Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции». Умерла в Париже. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

⁶⁶См. в кн. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.

⁶⁷См. в кн. Письма Царской Семьи из заточения. Джорданвилль, 1974.

⁶⁸В главе о И. М. Харитонове использованы личные воспоминания Валентина Михайловича Мультиатули, а также книги правнука И. М. Харитонova, сына В. М. Мультиатули Петра Валентиновича: Царский повар новомученик Иоанн Харитонов. СПб.: Леушинское издательство, 2006, и «Свидетельствуя о Христе до смерти...». СПб.: Сатисъ, Держава, 2007.

⁶⁹Солдатский чин, прикрепленный со дня рождения к военному ведомству и подготавливавшийся к несению солдатской службы в особой, низшей военной школе.

⁷⁰Дневники Императора Николая II. М., 1992. С. 647.

⁷¹Крылов А. Пребывание Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича в Тобольске // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: антология тобольской журналистики конца XIX — нач. XX вв. Тюмень, 2004. С. 350–358.

⁷²Дневники Императора Николая II. М., 1992. С. 681, 682, 683.

⁷³ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1 Д. 326.

⁷⁴См. в кн. Непеин Игорь Георгиевич. Перед расстрелом. Последние письма Царской Семьи. Омск, 1992.

⁷⁵См. в кн. Царский повар новомученик Иоанн Харитонов. Составил Петр Мультиатули. СПб.: Леушинское издательство, 2006.

⁷⁶См. в кн. Царский повар новомученик Иоанн Харитонов. Составил Петр Мультиатули. СПб.: Леушинское издательство, 2006.

⁷⁷Там же.

⁷⁸Там же.

⁷⁹Там же.

⁸⁰Там же.

⁸¹Там же.

⁸²*Гири Густав Иванович (1828–1907)* — врач, действительный тайный советник. Уроженец г. Гольденбаха Эстляндской губернии. Выпускник Императорской медико-хирургической академии (1853). Доктор медицины: защитил диссертацию в Медицинском совете царства Польского (1854). Участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны в 1855 г. в качестве врача Костромского егерского полка. В дальнейшем — ординатор лейб-гвардии Семеновского госпиталя (1859), и. о. главного врача Красносельского военного госпиталя (1865). В 1866 г. личный врач Наследника Цесаревича, Великого Князя Александра Александровича. С 1868 г. почетный лейб-хирург императорского двора. В этом звании принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1881–1882 гг. продолжал исполнение обязанностей лейб-хирурга, являлся совещательным членом военно-медицинского ученого комитета. С 1883 г. лейб-хирург Императора.

⁸³*Боткин Сергей Сергеевич (1859–1910)* — врач, брат Е. С. Боткина. Окончив курс в Петербургском университете, поступил в Военно-медицинскую академию. В 1892 г. избран заведующим отделением городской Боткинской барачной больницы и получил звание приват-доцента академии, в 1896 г. избран профессором по вновь учрежденной кафедре бактериологии и заразных болезней. В 1898 г. перешел по назначению ординарным профессором академической терапевтической клиники, которую занимал его отец, С. П. Боткин. Увлекаясь искусствами и музыкой, собрал ценные коллекции художественных произведений, был избран постоянным членом Императорской академии художеств. Принимал участие в Русско-японской войне в качестве уполномоченного Красного Креста.

⁸⁴*Боткин Сергей Петрович (1832–1889)* — выдающийся русский врач и ученый, один из основоположников терапии и клинической медицины. Профессор Военно-медицинской академии. Лейб-медик Императоров Александра II и Александра III.

⁸⁵Письма С. П. Боткина из Болгарии. СПб., 1877.

⁸⁶См. Преподобный Максим Исповедник. Мистагогия. В кн. Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I. Богословские и аскетические трактаты. М., 1993. С. 154–184.

⁸⁷Считающееся неизлечимым генетическое заболевание, связанное с несвертываемостью крови; при этом заболевании резко возрастает опасность гибели от массивной потери крови при незначительной ране либо гематоме. Появляется из-за изменения одного гена в хромосоме X. От гемофилии умерли дядя и два племянника Императрицы Александры Феодоровны.

⁸⁸*Федоров Сергей Петрович (1869–1936)* — известный хирург, уролог. В 1881 г. окончил медицинский факультет Московского университета. С 1895 г. доктор медицины. С 1903 г. профессор, начальник кафедры госпитальной хирургии Военно-медицинской академии. С 1913 г. — лейб-хирург. В 1915–1916 гг. сопровождал Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в Его поездках в Ставку и в действующую армию. В 1928 г. заслуженный деятель науки республики. В 1929–1936 гг. — директор Института хирургической невропатологии (ныне Нейрохирургический институт). Основатель крупнейшей хирургической школы в СССР. Похоронен на коммунистической площадке Александров-Невской Лавры.

⁸⁹См. в кн. Пьер Жильяр. Император Николай и Его Семья. (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918). М., 1991.

⁹⁰*Боткин Александр Сергеевич (1866–1936)* — морской офицер, брат Е. С. Боткина. Окончив Военно-медицинскую академию с занесением его имени на мраморную доску, пошел юнкером во флот и стал морским офицером. (Возможно, что именно к его биографии относятся следующие сведения: принимал участие в плаваниях в должности судового врача; в 1902 г. на собственные средства построил деревянную полуподводную лодку, которая передвигалась за счет энергии качки, а в годы Русско-японской войны построил на Балтийском заводе полуподводную лодку с бензиновым мотором.) Не один раз объехал вокруг света. Около 3-х лет провел в Северной Америке, был в Китае, Японии, Индии. Плавал по Амазонке и Миссисипи. Будучи военным, продолжал заниматься медициной, отличаясь исключительным даром и умением ставить диагноз, которые он унаследовал от отца. В эмиграции А. С. Боткин служил живым и ярким примером талантливости и одаренности русского человека. Умер в Италии, в Сан-Ремо.

⁹¹ГАРФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 101.

⁹²*Botkina Tatjana. Meine Erinnerungen an die Zarenfamilie. Muenchen-Wien: «Albert Langen, Georg Mueller», 1983. S. 159–160.* Перевод цитаты Н. Б. Ветошниковой.

⁹³Т. Е. Мельник-Боткина. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 25.

⁹⁴*Боткин Глеб Евгеньевич (1900 (1903?)–1969)* — младший сын Е. С. Боткина. В 1917–1918 гг. вместе со своей сестрой Татьяной Евгеньевной находился в Тобольске, рядом с отцом. С 1920 г. — в эмиграции, сначала в Японии, потом в США. Работал журналистом и художником-иллюстратором. Умер от сердечного приступа в Шарлотсвилле, штат Виргиния.

⁹⁵*Боткин Юрий (Георгий) Евгеньевич (1890–1941)* —

старший сын Е. С. Боткина. Капитан 4-го Стрелкового Императорской Фамилии полка. Участник Первой мировой войны. С 1920 г. в эмиграции. Скончался в Берлине.

⁹⁶*Боткин Дмитрий Евгеньевич (1894–1914)* — сын Е. С. Боткина. В 1914 г. хорунжий лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка. Погиб 3 декабря 1914 г., прикрывая отход разведывательного казачьего дозора. Награжден орденом св. Георгия IV степени (посмертно). О героической смерти Д. Е. Боткина рассказывается в письме флигель-адъютанта, полковника П. Орлова начальнику канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенанту А. А. Мосолову:

«13 XII 1914 г.

Дорогой Александр Александрович.

Хотел послать телеграмму, но в телеграмме не объяснишь всего, а кроме того умышленно оттягиваю минуту, в которую Е. С. Боткин должен узнать ужасную действительность. Сегодня у меня рухнула последняя надежда, что мальчик жив — он убит и смерть его одна из славнейших смертей в полку со времен его существования.

Начало драмы этой Е. С. знает из моих телеграмм. Дав направление и скомандовав «рассыпаться и марш марш разъезду», он скакал сзади, т. е. замыкал отступление разъезда. Казаки видели, как, доскакав почти до конца деревни, он остановился, оглянулся назад и затем поскакал опять. При выходе из деревни он был, очевидно, ранен, т. к. упал с лошади и остался лежать без движения. Немцы прекратили стрельбу; когда казаки делали попытку приблизиться, то немцы открывали опять огонь. Опасаясь, что если он только ранен, то может быть следующими пулями и убит, они решили лучше оставить эти попытки тем более, что огонь был сильный, вряд ли им удалось бы кому-нибудь

дойти до него, наступал пехотный полк. Так как их начинали охватывать, то им пришлось отойти еще дальше, откуда они не могли видеть дальнейшего.

Дальше произошло следующее. Говорю со слов пленного немецкого офицера, который хотя лично сам не видел ничего, но рассказывал со слов 1-го батальона своего (175 п.) полка.

“Полк наш 175 п. наступал из д. Рыбино. В занятую нашими передовыми частями деревню въехал кавалерийский разъезд, который попал под сильный огонь и стал уходить. Сзади скакал офицер, который при самом выходе из деревни был ранен и лишился сознания. На это место наступал 1-й батальон, я был во втором.

Когда подошли метров на 50 к месту, где лежал офицер, увидели, что он пришел в себя, встал и вынул револьвер. Батальонный адъютант 3 батальона, который был в этот день впереди, с цепью, лейтенант Левенбергер фон Шенгольц, 20 лет, закричал офицеру: “Не стреляйте! Мы ничего вам не сделаем. Бросьте револьвер – сдавайтесь!” На это ваш офицер ответил: “Сдаваться не буду”, поднял револьвер и пошел навстречу цепи...”

Пока до свидания, крепко жму твою руку, поцелуй от меня горячо Евг. Серг., у меня нет на языке слов утешения, ибо вообще слов таких нет, одно могу сказать: “На все воля Божия и если сын его умер, то Господу Богу угодно было наградить его славной, честной смертью”.

Твой П. Орлов

Место, где все это случилось – д. Швароцын.

8 в. к зап. от Сохачева

2 в. к югу от д. Рыбно».

(ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 2, Л. 1–2).

Е. С. Боткин чрезвычайно тяжело переживал смерть

сына. И только горячее участие Императора, Императрицы, всей Царской Семьи помогло ему пережить и осознать семейную трагедию. О его душевных страданиях говорит письмо брату:

«Царское Село, 30 ноября 1915 год.

Мой дорогой брат,

[...] Если уж ты не мог мне писать после того, как со мной произошло такое горе, можешь представить, каково было мне, и как я мучался, касаясь этой незаживающей в моем сердце раны.

Вот уже год прошел, как я потерял моего сына, прошли 365 дней, в течение которых я видел и разговаривал с сотнями сотен героев, я как бы проживал вместе с ними их жизни, лечил их, радовался вместе с ними.

Если мы, те которые остаются в живых, оплакиваем наши личные потери и наши печали, так это наши эгоистические страдания и боль, а сами мы в таком случае лишь пыль в событиях мирового значения. Сколько же поколений страдало и погибало в России, чтобы сделать ее такой наполненной радостью и счастьем, и тем, что могло бы радовать в течение какого-то определенного отрезка времени.

Теперь судьба выбрала нас, настала именно наша очередь достойно и честно страдать и умирать с тем, чтобы наше новое поколение смогло бы жить лучше [...]

Но я понимаю, что не могу считать себя несчастным, несмотря на то, что потерял много, не считая только моего сына, я потерял многих друзей, людей особенно дорогих мне. Нет, решительно нет, я самый счастливый человек на земле, потому что имел такого сына, как Митя, и счастлив, что могу гордиться им, таким юношей, который не колеблясь, прекрасным жестом отдал свою жизнь за честь своего отряда, Армии и своей Родины [...]» (Письмо Е. С. Боткина обраще-

но к брату Александру. См. в кн. Amelia Battistelli Zaoli. Il Dr. Aleksandr Sergeevič Botkin capitano di Fregata, addetto Scientifico Politico e Militare dello Zar Nicolo II. Edizioni Casa bianca. San-Remo, Maggio, 1996. Первод с итальянского И. Вашкинель.).

⁹⁷Имеется в виду детский мультфильм про робота, популярный во Франции в 1970-е годы.

⁹⁸Botkina Tatjana. Meine Erinnerungen an die Zarenfamilie. Muenchen-Wien: «Albert Langen, Georg Mueller», 1983. S. 435–436. Перевод цитаты Н. Б. Ветошниковой.

⁹⁹Боткин Петр Сергеевич (1861–1933) — русский дипломат, брат Е. С. Боткина. Работал в дипломатических представительствах в США (в качестве секретаря российского посольства в Вашингтоне), Брюсселе, Лондоне. В начале XX века принимал участие в реформировании МИДа Российской Империи, в частности, составил первоначальный проект реорганизации дипломатической службы. В 1907–1912 гг. — министр-резидент в Марокко, в 1912–1917 гг. — посланник в Португалии. С 1906 г. выступал в американской прессе, публиковал в газетах заметки «Мысли вслух», изданные в 1930 г. в Париже под названием «Картинки дипломатической жизни». Умер в эмиграции в Беве (Швейцария).

¹⁰⁰См. в кн. Amelia Battistelli Zaoli. Il Dr. Aleksandr Sergeevič Botkin capitano di Fregata, addetto Scientifico Politico e Militare dello Zar Nicolo II. Edizioni Casa bianca. San-Remo, Maggio, 1996. Первод с итальянского И. Вашкинель.).

¹⁰¹См. в кн. Пьер Жильяр. Император Николай и Его Семья. (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918). М., 1991.

¹⁰²Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача // Источник. №0. М., 1993. С.107–116.

¹⁰³Старшей медицинской сестрой госпиталя Большого дворца в Царском Селе во время Первой мировой войны была Императрица Александра Феодоровна.

¹⁰⁴Amelia Battistelli Zaoli. Il Dr. Aleksandr Sergeevič Botkin capitano di Fregata, addetto Scientifico Politico e Militare dello Zar Nicolo II. Edizioni Casa bianca. San-Remo, Maggio, 1996. P. 23–29. Перевод с итальянского И. Вашкинелъ.).

¹⁰⁵А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Гл. 14.

¹⁰⁶А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Гл. 14.

¹⁰⁷С. К. Буксгевден. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 500.

¹⁰⁸С. К. Буксгевден. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 501–503.

¹⁰⁹фон Ден Юлия Александровна (Лили) (1885–1963) — урожденная Селим-Бек Смольская (Смольская), близкая подруга Императрицы Александры Феодоровны, вдова капитана 1-го ранга в отставке Карла Иоакимовича (Карла Александра) фон Дена (1877–1932), служившего офицером на императорской яхте «Штандарт» и назначенного в 1916 г. командиром легендарного крейсера «Варяг», выкупленного у японцев русским правительством. Дочь потомственного дворянина Гродненской губернии, военного инженера (впоследствии помощника начальника Управления морской строительной части, отставного генерал-лейтенанта) А. А. Смольского и Е. Л. Хорват (брак был расторгнут в 1904 г.). (В своих воспоминаниях Ю. А. Ден называет отца Исмаилом Селим-Бексмольским.). Эмигрировала. Автор книги «Подлинная Царица», вышедшей в Лондоне в 1922 г. Умерла в Риме. Похоронена на кладбище Тестаччо.

¹¹⁰Из архива Т. Е. Боткиной.

¹¹¹Известно из сообщения К. К. Мельник-Боткина.

¹¹²См. в кн. Татьяна Мельник, рожденная Боткина. Воспоминания о Царской Семье и Ея жизни до и после революции. Белград, 1921.

¹¹³Т. Е. Мельник-Боткина. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 96.

¹¹⁴А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Гл. 14.

¹¹⁵А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Гл. 14.

¹¹⁶ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 26.

¹¹⁷ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 26.

¹¹⁸См. в кн. П. В. Мультиатули. «Свидетельствуя о Христе до смерти...». СПб., 2007.

¹¹⁹ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 26.

¹²⁰А. А. Волков. Около Царской Семьи. Париж, 1928. Гл. 14–15.

¹²¹См. в кн. И. П. Якобий. «Император Николай II и революция». СПб., 2005.

¹²²ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 1 об.

¹²³ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 37.

¹²⁴Н. А. Соколов. Убийство Царской Семьи. М., 1991. Гл. 14.

¹²⁵См. в кн. И. П. Якобий. «Император Николай II и революция». СПб., 2005.

¹²⁶Имеется в виду Боткин Дмитрий Евгеньевич, сын Е. С. Боткина, погибший на фронте в 1914 г. См. примечание 96.

¹²⁷ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–4.

¹²⁸Дневники Императора Николая II. М., 1992. С. 667–668.

¹²⁹С. Фомин. Русский инок. В кн. Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь-Мученик. Сост. С. В. Фомин. М., 2000. С. 258–259.

¹³⁰См. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2077. (Дневник протоиерея Н. Беляева [о. Афанасия Беляева] о службе его при дворе (найденный в Феодоровском соборе), 1917 г. // Вече. Независимый русский альманах. № 36. С. 155–173; № 37. С. 165–182).

КОММЕНТАРИЙ К ЧАСТИ II

(Составлен Л. Ф. Капрановой)

¹Община св. Георгия. Была открыта 26 ноября 1870 года. Официальное название — «Община сестер милосердия св. Георгия». Цель общины была чрезвычайно широкая: «Твердой ногой стать против напора бедствий, преследующих человечество в виде жалких гигиенических условий нашего быта, ежедневных болезней, эпидемий, а в случае войны, облегчить страдания раненых на поле битвы». Так охарактеризована задача общины в ее отчете за 1872 год. Первая и главная задача — создать санитарный персонал, который посвятил бы все свои силы бескорыстному, самоотверженному служению больному страдающему человеку, «создать достаточный кадр образцовых сестер милосердия, которые в случае войны были бы готовы двинуться на театр военных действий и своим любящим женским сердцем и разумной сознательной помощью смягчали бы участь несчастных жертв бедствий войны, а в мирное время употребляли бы свои силы на служение больным и страждущим беднейшего класса населения». Евгений Сергеевич Боткин служил главным врачом и руководителем Георгиевской общины.

²С 1935 г. — г. Куйбышев. Расположен в 315 км западнее Новосибирска.

³*Порт-Артур (Люйшунь)* — город и незамерзающий порт в Китае, в провинции Ляонин, на южной оконечности полуострова Ляодун, на берегу Желтого моря. По китай-

ско-русской конвенции 1898 передан России в аренду сроком на 25 лет. Русская военно-морская крепость, база 1-й Тихоокеанской эскадры. Героическая оборона Порт-Артура во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. (продолжалась с 27 января по 20 декабря (ст. ст.) 1904 г.) началась с нападения японского флота на корабли эскадры и последующих бомбардировок города. Город выдержал 4 штурма японцев. В 1905 г. по Портсмутскому мирному договору отошел к Японии. Занят советской армией в 1945 г. Использовался в качестве совместной советско-китайской базы. В 1955 г. безвозмездно передан правительству КНР. В городе сохранились кладбища русских воинов.

⁴*Алибер Жан-Пьер (Иван Петрович) (1820–1905)* — французский промышленник. Переехав в Сибирь, с середины 1840-х годов занимался разработкой первых сибирских графитовых месторождений в Восточных Саянах. Добываемый на Алиберовско-Мариинском прииске графит отличался высоким качеством и на мировом рынке завоевал славу лучшего карандашного графита. С 1859 года проживал во Франции.

⁵Община Красного Креста, названная в честь святой мученицы Евгении и созданная в 1893 году. Имела цели, сходные с задачами Георгиевской общины. Евгениевская община была основана Императрицей Марией Феодоровной, матерью Императора Николая II.

⁶Город и порт на реке Сунгари, расположенный на северо-востоке Маньчжурии, в провинции Хэйлунцзян. В начале XX в. был передан китайским правительством в долгосрочную аренду Российской Империи.

⁷*Александровский Сергей Васильевич (1863–1907)* — статский советник, камергер. Сын девятого пензенского губернатора В. П. Александровского. В 1877 г. поступил в

Пажеский корпус, откуда в 1886 г. произведен в корнеты Кавалергардского Ее Величества полка. В 1893 г. был назначен членом комиссии по довольствию войск Петербургского гарнизона мясом. В чине штаб-ротмистра в 1898 и 1899 гг., командирован от Общества Красного Креста в пострадавшие от неурожая Воронежскую, Тамбовскую, Уфимскую и Самарскую губернии. В 1899 г., по домашним обстоятельствам уволен от службы ротмистром и назначен чиновником особых поручений Министерства финансов. Во время Русско-японской войны — главноуполномоченный Красного Креста при действующих армиях, с января 1905 г. — начальник санитарной части 1-й Маньчжурской армии. На этих должностях принес очень много пользы военно-санитарному делу в русской армии. В 1906 г. назначен губернатором в Екатеринослав, а затем — в Пензу. Убит террористом. Похоронен на территории Александро-Невской Лавры в Петербурге.

⁸Так Е. С. Боткин называл своего маленького сына Дмитрия.

⁹Ходя — так русские, а также сами китайцы называли простых горожан. Название произошло, вероятно, от голландского *hodde* — носильщик тяжестей на плечах, отчего возникла своеобразная семенящая походка грузчиков-китайцев.

¹⁰Город на северо-востоке Китая, в провинции Ляонин, близ реки Тайцзыхэ.

¹¹Тюренченские высоты на правом берегу реки Ялу, где русские войска 18–19 апреля (ст. ст.) 1904 г. потерпели поражение от японцев. Потери русских составили около трех тысяч человек, японцев — около тысячи.

¹²Хунхузы (испорченное кит.) — разбойники.

¹³«Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние

Твое, победы Благоверному Императору нашему *Николаю Александровичу на сопротивных даруя*, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство» — так звучал тропарь Кресту Господню и молитва за отечество в Императорской России, в царствование Императора Николая II.

¹⁴*Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925)* — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1866 окончил курс Павловского военного училища (выпущен в чине подпоручика в 1-й Туркестанский батальон), в 1874 г. — Академию Генерального штаба. В 1874–1875 гг. получил годичную научную командировку по странам Европы и принял участие в экспедиции французских войск в пустыню Сахара. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. дважды был ранен, во время завоевания Туркмении в 1879–1883 гг. занимал штабные должности при генерале М. Д. Скобелеве. Проявил себя грамотным, инициативным, работоспособным штабным сотрудником. Тем не менее, известно, что, как к военачальнику, Скобелев относился к нему критически. Военный министр Российской Империи (1898–1904), с 1904 г. командующий Маньчжурской армией, впоследствии — Главнокомандующий вооруженными силами, участвовавшими в войне с Японией на Дальнем Востоке. Из-за нерешительной, по сути пораженческой, но внешне тщательно прикрытой тактики на театре военных действий, приведшей к тяжелому положению русской армии, получил прозвище «специалист по отступлениям». Во время Первой мировой войны командовал сначала корпусом, потом армией, затем в 1916 г. — Северным фронтом. В 1916 г. переведен на пост Туркестанского генерал-губернатора, с которого смещен после Февральского бунта, подвергся аресту, но был освобожден Временным правительством. Во время Гражданской войны занимал «нейтраль-

ную позицию», находился на преподавательской работе, написал несколько книг по военной истории и опубликовал некоторые свои дневники. Большевики сохранили ему жизнь. Убит бандитами в имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии.

¹⁵*Линевич Николай Петрович (1838–1908)* — генерал от инфантерии. Начал военную службу рядовым. Во время Русско-японской войны, до прибытия на театр военных действий Куропаткина, командовал Маньчжурской армией; затем был командующим войсками Приамурского военного округа. При образовании новых армий в октябре 1904 г. назначен командующим 1-й Маньчжурской армией. Когда бои при Мукдене сделали невозможным сохранение Куропаткина в должности Главнокомандующего, Линевич (3 марта 1905 г.) был назначен на его место. Он сохранил те позиции, до которых были отеснены русские после поражения при Мукдене, но не решался переходить в наступление, настаивая на присылке таких подкреплений, с которыми он был бы в 1 $\frac{1}{2}$ раза сильнее японцев. После заключения мира остался в Маньчжурии, заведывая эвакуацией войск, затрудненной забастовками и бунтами. В феврале 1906 г. уволен от должности главнокомандующего.

¹⁶Местность под Петербургом, где обычно находились летние военные лагеря и проходили маневры.

¹⁷Небольшое культовое сооружение, предназначенное для поклонения языческим богам и духам предков.

¹⁸Станция Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в районе которой 1–2 июня (ст. ст.) 1904 г. произошло сражение между 1-м Восточно-Сибирским корпусом русской армии, выдвинувшимся для оказания помощи отрезанному японцами на Квантунском полуострове Порт-Артуру, и 2-й японской армией. В результате двухдневных боев японские войска, имея зна-

чительное превосходство в пехоте и артиллерии, создали угрозу обхода правого фланга русских и вынудили их отступить. Потери русских войск составили 3500 чел.

¹⁹*Пытин Александр Николаевич (1833–1904)* — академик Российской Императорской Академии Наук, историк русской литературы, яркий представитель культурно-исторической школы. Автор четырехтомной «Истории русской литературы» и др. трудов.

²⁰*Возможно, Львов Николай Николаевич (1865–1940)* — князь, известный деятель земского движения 1904–1908 гг.

²¹*Кононович Николай Казимирович* — полковник. Командир Амурского Казачьего полка.

²²*Штакельберг Георгий Карлович (1850–1917)* — барон, генерал-лейтенант, генерал от кавалерии. В бою под Вафангоу командовал 1 Восточно-Сибирским корпусом. Член Военного совета. Убит взбунтовавшимися солдатами.

²³*Гернгросс Александр Алексеевич (1851–1925)* — генерал-лейтенант. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Проявил выдающееся личное мужество, отличился в боях под Пелишатом и Палевицей, при штурме Плевны (30 августа 1877 г.) и в бою при Шейново. С 1897 г. главный начальник охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги. В 1900 г. назначен начальником гарнизона Харбина. С 1902 г. начальник 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, которая после начала Русско-японской войны была развернута в дивизию. В первый день сражения при Вафангоу, обороняя левый фланг, был ранен осколком гранаты, но остался в строю. 2 июня по приказу командования перешел в наступление, но, не получив обещанной поддержки, был вынужден перейти к обороне. Своими действиями связал дивизию японского генерала Ошимы, не дав ей обойти правый фланг русских войск. Был популярен среди солдат.

²⁴Так назывались в просторечии: японский мелинит, который был создан химиком Шимозе и служил взрывчатым веществом в японских фугасных снарядах, а также сами эти снаряды.

²⁵«Очерки Русско-японской войны с февраля 1904 по апрель 1905 г.» так рассказывают об этом бое:

«1-й артиллерийской бригаде тяжело. Уже некоторые орудия молчат, у других нет прислуги. Раненого командира батареи сменяет офицер, но и он падает, вместо него становится другой... На взводах уже давно командуют нижние чины... Но батарея все так же мощно, властно и спокойно отвечает японцам, и каждый наш «гостинец» дает темное пятно на желто-зеленом склоне гор и холмов... — это трупы японцев.

Командир корпуса посылает спросить: «Тяжело ли им...». Посланный приезжает, глубоко взволнованный виденным. Лежат люди с оторванными головами, убитые с развороченным туловищем с исковерканными телами, пушки без колес...

— Держимся, — отвечает из этой каши и суматохи работающих на батарее людей молодой голос офицера, заменившего начальника батареи.

— А тяжело вам?

— Ничего! — звучит классический ответ русского человека и слышна команда — «очередь!»

Вечереет. По горным тропинкам на батареи к передовой цепи ползут летучие отряды «Красного Креста» штальмейстера Родзянко, доктора Боткина и хирурга Цеге фон Мантейфеля. На станцию вот-вот подойдет поезд с санитарями и сестрами.

Доктор Боткин на батарее под рвущимися шрапнелями перевязывает раненых. Санитары носят их в тыл, где еще

свистят пули, и там их ожидают сестры с ласковым уходом, поят настрадавшихся, потрясенных нервно, чаем и молоком, перевязывают легко раненных, работают, не разгибая спины, сами ничего с утра не евшие». (Очерки Русско-японской войны с февраля 1904 по апрель 1905 г. В кн.: Летописи войны с Японией. СПб., 1905. С. 326–330.)

²⁶*Цеге-фон-Мантейфель Максимилиан Фридрих-Вернер Германович (1857–1926)* — хирург. Образование получил на медицинском факультете Юрьевского (Дерптского) университета. Состоял профессором по кафедре хирургии в том же университете и директором факультетской хирургической клиники. Во время Русско-японской войны заведовал собственным летучим отрядом и госпиталем вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, состоял консультантом-хирургом Красного Креста.

²⁷*Родзянко Павел Владимирович (1852–1932)* — шталмейстер высочайшего двора, брат председателя IV Государственной Думы, лидера октябристов М. В. Родзянко.

²⁸Настольная папка с писчей или промокательной бумагой.

²⁹*Давыдов* — военный врач, главный врач одного из полевых подвижных госпиталей на Маньчжурском театре военных действий.

³⁰Растение семейства тыквенных, похожее на большой огурец, используется вместо губки.

³¹Правильно: *Дубельт Евгений Иванович* — полковник. Командир 35-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

³²Город на северо-востоке Маньчжурии, в провинции Ляонин. Другое название — Шэньян. Упоминается Е. С. Боткиным ранее — в главе V его книги.

³³*Ренненкампф Павел-Георг Карлович (1854–1918)* — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В 1905 г. командовал 7 Сибирским армейским корпусом, в 1906 г. — 3 Си-

бирским армейским корпусом. В начале Первой мировой войны, в 1914 г., получил в командование 1-ю армию, с которой наступал в Восточной Пруссии. После неудач под Лодзью в ноябре 1914 г. отставлен от командования и отчислен в распоряжение военного министра. Уволен в отставку в начале 1915 г. После Февральского переворота арестован. Расстрелян большевиками в Петрограде.

³⁴*Курлов Николай Иванович (отец Николай) (†1904)* — священник при госпитале Красного Креста в Ляояне, был командирован в действующую армию от церкви Преображения Господня, (что за Московской заставой), располагавшейся на Забалканском (ныне Московском) проспекте Петербурга. Храм уничтожен в 1932 г. Теперь на его месте сквер.

³⁵*Келлер Федор Эдуардович (1850–1904)* — граф, генерал-лейтенант, учился в Императорском Пажеском корпусе и Николаевской Академии Генерального штаба. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–78 гг., будучи начальником штаба болгарского ополчения, затем начальником штаба Иметлийского отряда и начальником штаба авангарда действующей армии. В 1878 г. назначен начальником 1-й гренадерской дивизии; в следующем году командирован на Балканский полуостров для участия в работах международной комиссии по определению границ Болгарии. В 1883 г. назначен командиром лейб-гвардии Стрелкового Императорской фамилии батальона. С 1894 по 1899 г. состоял директором Пажеского корпуса, затем Екатеринославским губернатором. В 1904 г. отправился в Маньчжурскую армию, где был начальником Восточного отряда. Убит 18 июля на Янзелинском перевале.

³⁶Вид сорго из семейства злаковых. Культивируется как пищевое зерно, кормовое и техническое растение. Широко распространен в Китае, Корее, Японии и на Дальнем Востоке. По кормовой ценности близок к кукурузе.

³⁷*Гершельман Сергей Константинович (1853–1910)* — генерал от инфантерии, военный писатель. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Произведенный в 1904 г. в генерал-лейтенанты, во главе 9-й пехотной дивизии был командирован на Дальний Восток. Прикрывал отход 2-й армии под Мукденом. Получил широкую известность в ходе Русско-японской войны. В 1906 г. назначен московским генерал-губернатором. В 1907 г. на его жизнь было совершено покушение, причем он случайно остался невредимым. В 1909 г. был назначен командующим войсками Виленского военного округа. Из его литературных трудов наиболее известны: «Нравственный элемент под Севастополем» (1897), «Нравственный элемент в руках Суворова» (1900) и «Нравственный элемент в руках М. Д. Скобелева» (1902).

³⁸*Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930)* — князь, государственный, общественно-политический и церковный деятель, выдающийся русский монархист, публицист. Окончил Императорское училище правоведения. Служил по ведомству Министерства внутренних дел. С 1890 г. — помощник юрисконсульта при обер-прокуроре Святейшего Синода, с 1894 г. — прокурор Московской Синодальной канцелярии. Руководил подготовкой торжеств, связанных с прославлением преподобного Серафима Саровского. С 1903 г. — тверской губернатор. Во время Русско-японской войны был уполномоченным Красного Креста в Маньчжурии. В мае 1905 г. — товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, в апреле-июле 1906 г. — обер-прокурор. С 1906 г. член Государственного совета. Один из организаторов «Русского собрания» и «Союза русского народа». Вице-председатель Императорского Православного Палестинского общества. Замечательный знаток русской иконо-

писи и церковных ремесел — в 1915 г. основал Общество возрождения художественной Руси. С осени 1916 г. председатель Особого комитета для борьбы с злоупотреблениями, порожденными тыловой обстановкой. После большевицкого переворота переехал в Москву, где участвовал в деятельности подпольных монархических организаций, пытался организовать спасение Царской Семьи. В 1920 г. эмигрировал. На съезде правых монархистов (1921 г., Рейхенгаль, Германия) был избран одним из трех членов Высшего монархического совета. В 1924 г. переехал в Париж. В 1928 г. был председателем президиума монархического съезда в Париже.

³⁹*Фудутунка* — тип повозки.

⁴⁰*Куроки Тамемото (1844 — после 1916)* — барон, затем граф. Японский генерал, участвовал в войне за императорскую династию против сегуната в 1868 году. В войне с Китаем 1894–95 гг. командовал дивизией и особенно отличился при взятии Вей-Хай-Вэя. В 1903 г. назначен членом императорского военного совета и командующим 1-й армией. В этом звании открыл военные действия (на суше) против русских войск в 1904 г. 17–19 апреля выдержал сильный бой под Тюренченом. Принял деятельное участие во многих сражениях, в том числе в битвах при Шахэ и Мукдене. За свои успехи получил графский титул.

⁴¹Прибор, служащий для передачи сигналов на дальние расстояния с помощью отражения солнечных лучей от зеркал. Дальность гелиографирования насчитывала 45 км и более.

⁴²Т. е. предназначенный для показа, или же показатель.

⁴³*Капиталинский Николай Александрович (1849–1917)* — генерал от инфантерии. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1904 г. назначен командующим 3-й Восточ-

но-Сибирской стрелковой дивизии. Во время Первой мировой войны с успехом командовал артиллерийскими корпусами. 22 мая — 12 июня 1916 г. блестяще провел операцию против австрийских войск в районе Луцка. Его войска взяли в плен 457 офицеров, 21 278 нижних чинов, 39 орудий и захватили 68 пулеметов. Убит в Петрограде психически больным солдатом.

⁴⁴*Орановский Владимир Алоизиевич (1866–1917)* — полковник, затем генерал от кавалерии (1914). С 1895 г. штаб-офицер при управлении 2-й Восточно-Сибирской линейной бригады. С ноября 1904 г. окружной генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа. С марта 1905 г. генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. В 1914 г. назначен начальником штаба армий Северо-Западного фронта. С 1915 г. командир 1 кавалерийского корпуса, потом — конной группы. В 1917 г. некоторое время — командир 42 отдельного артиллерийского корпуса, в состав которого входили все войска, расквартированные в Финляндии, в т. ч. в крепостях Свеаборг, Выборг и др. Арестован толпой солдат-бунтовщиков, подвергся истязаниям и оскорблениям и был сброшен в воду с моста в Або (ныне Выборг).

⁴⁵Вероятно, имеется в виду *Митрофан Греков* — генерал-майор, затем генерал-лейтенант Забайкальского казачьего войска, командир 1-й бригады Забайкальской казачьей дивизии.

⁴⁶*«Шанго»* — какое-то русско-монголо-китайско-манчжурское слово, смысл которого «хорошо». Слово, употребляемое только в разговоре с русскими // Гаршин Н. Г. Полное собрание сочинений. СПб., 1916. Т. VII, к. 15. С. 114, 39.

⁴⁷Специальный конный отряд полковника А. С. Мадритова занимался проведением тактической разведки на Маньчжурском театре военных действий, привлекая в свои ряды местное китайское население. Впоследствии А. С. Мадритов — генерал-лейтенант, военный губернатор Сырдарьинской области. В феврале 1917 г. назначен наказным атаманом Семиреченского казачьего войска и военным губернатором Семиреченской области с центром в г. Верный (ныне Алматы).

⁴⁸Главный врач Евгениевской общины Красного Креста.

⁴⁹*Апраксин Петр Николаевич (1876–1962)* — граф, флигель-адъютант, действительный статский советник, государственный и общественный деятель, монархист, один из руководителей «Русского Собрания» (его член с 1902 г.). Получил образование в Первом кадетском корпусе и в Пажеском корпусе. В 1900–1902 гг. состоял слушателем Императорского Археологического института в Петербурге. Во время Русско-японской войны был на театре военных действий в составе медицинского отряда общины св. Евгении, при осаде Порт-Артура, в боях под Ляояном и Мукденом, с апреля по август 1904 г. состоял при Восточном отряде гр. Келлера, затем был уполномоченным Красного Креста при 1-м Сибирском корпусе. После недолгой военной службы поступил в Министерство внутренних дел. Был Таврическим губернатором, гофмейстером высочайшего двора. С 1914 г. состоял при Императрице Александре Феодоровне для управления ее благотворительными комитетами и военными госпиталями. Не последовал за Царской Семьей после ее ареста. Член Всероссийского Поместного Собора 1917 г. (избран от Московской епархии как мирянин). В 1919 г. участвовал в Ставропольском «Юго-Восточном русском церковном Соборе». Эмигрировал через Кон-

стантинополь в Бельгию. В 1921 г. — член Карловацкого Всеаграничного церковного Собора. С 1945 г. — председатель комитета по строительству храма-памятника во имя Царя-Мученика Николая II в Брюсселе. Скончался в Брюсселе.

⁵⁰Мф. 18, 20.

⁵¹Наследник Цесаревич Великий Князь Алексей Николаевич, сын Императора Николая II, родившийся 30 июля (ст. ст.) 1904 г. был сразу назначен Высочайшим Шефом одной из частей действующей армии — 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, который получил наименование полка Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича.

⁵²В виде буквы «П» (в кириллице эта буква называется «Покой»).

⁵³*фон Бильдерлинг Александр Александрович (1846–1912)* — барон, генерал, военный писатель и скульптор. В 1877–78 гг. участвовал в Русско-турецкой войне, командуя 12 драгунским Стародубовским полком; затем был начальником Николаевского кавалерийского училища в Петербурге, помощником начальника главного штаба и командиром 17-го армейского корпуса, с которым находился на театре войны на Дальнем Востоке. 18 июля 1904 г. назначен начальником Восточного отряда, в составе III Сибирского, X и XVII армейских корпусов, занимавших укрепленную позицию под Ляндянсяном и Анпином до левого берега реки Тайцзыхе. С 1905 г. член Военного Совета. Много сделал для организации Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище. Его труды: «Германия. Вооруженные силы» (1875), «Пособие для военных разведок» (1875, 1883 и 1886), «Иппологический атлас для наглядного изучения верховой лошади» (1889), «Просветители России» (1894) и др. Проектировал памятники Корнилову на Малаховом кургане в Севастополе и

Нахимову — на Графской пристани и др. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге.

⁵⁴«Стража на Рейне» — немецкий патриотический гимн.

⁵⁵*Цыбульский Яков Викторович* — полковник. Командир 12-го Восточно-Сибирского Его Императорского Высочества Наследника-Цесаревича стрелкового полка.

⁵⁶*Иванов Николай Иудович (1851–1919)* — генерал-майор (1894), генерал-лейтенант (1901), генерал от артиллерии (1908), генерал-адъютант. Сын сверхсрочнослужащего, окончил 2-ю Петербургскую военную гимназию, Павловский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище (1869). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Во время Русско-японской войны был командиром 3-го Сибирского армейского и 1-го армейского корпусов. С 1906 г. — постоянный член Совета государственной обороны, с 1907 г. — начальник г. Кронштадта. Участник Первой мировой войны: главнокомандующий Юго-Западным фронтом в 1914–1916 гг. В Галицийской битве 1914 г., прорвав сильно укрепленные позиции австро-венгров, войска фронта нанесли им крупное поражение. Но этот успех был сведен на нет неудачными действиями войск фронта в мае-июне 1915 г. 27 февраля 1917 г. назначен Императором Николаем II главнокомандующим Петербургским военным округом с чрезвычайными полномочиями для подавления революционного бунта. 28 февраля во главе батальона Георгиевских кавалеров выехал из Ставки. Прибыл в Царское Село вечером 1 марта. Отвел батальон в Вырицу, отказавшись следовать в Петроград. В Белом движении — командующий начавшей формироваться Южной армией (Войска Донского атамана П. Н. Краснова). Умер на Дону от тифа.

⁵⁷*Лечицкий Платон Алексеевич (1856–1923)* — полков-

ник, впоследствии генерал от инфантерии. Сын священника. Участник Китайской кампании 1900–1902 гг., с ноября 1902 г. командир 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Во время Русско-японской войны заслужил репутацию выдающегося полкового командира. С октября 1910 г. командующий войсками Приамурского военного округа и войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск. В Первую мировую войну командовал 9-й армией; участник Галицийской битвы 1914 г., Ивановгородской операции, отступления 1915 г., Брусиловского наступления. После Февральского переворота вышел в отставку; после большевицкого переворота перешел в РККА. Был арестован и умер в тюрьме в Москве.

⁵⁸Ляоянское сражение происходило 17–30 августа (ст. ст.) 1904 г. Это было одно из крупнейших сражений Русско-японской войны. Японцы понесли большие потери в результате действий русских войск, но русские вынуждены были отступить к Мукдену.

⁵⁹*Трепов Федор Федорович (1854–1938)* — генерал от кавалерии (1908), генерал-адъютант, сенатор. Сын генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова. Образование получил в Пажеском корпусе (1873). Выпущен в лейб-гвардии Конный полк. В 1894 г. Вятский, в 1896 г. Волынский, с 1898 по 1903 г. Киевский губернатор. С февраля 1904 г. Главноуполномоченный Российского общества Красного Креста, с апреля 1904 по июнь 1905 г. начальник санитарной части Маньчжурской армии. Член Государственного совета. С 1908 по 1914 гг. одновременно Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор. После начала Первой мировой войны был помощником Верховного начальника санитарной и эвакуационной части в войсках принца А. П. Ольденбургского. С октября 1916 г. временный генерал-губернатор областей Австро-Венгрии, заня-

тых по праву войны. После большевицкого переворота эмигрировал во Францию. Умер в Ницце.

⁶⁰*Ширков Валентин Валентинович* — чиновник. Служил в Переселенческом управлении Министерства внутренних дел Российской Империи (в 1905 г. передано в ведомство Главного управления землеустройства и земледелия).

⁶¹Вдова *Хвастунова Сергея Спиридоновича*, полковника, командира 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Величества полка.

⁶²*Леман Александр Андреевич (1872–1932)* — подполковник. В 1899 г. командирован на Дальний Восток, где проводил рекогносцировку Ляодунского полуострова, переданного китайским правительством Российской Империи в долгосрочную аренду. Во время Русско-японской войны — уполномоченный Красного Креста при 4-м Сибирском корпусе генерала Линеви́ча.

⁶³Палатка была организована на средства муромского купца 2-й гильдии *Голубева Александра Диомидовича* (р. ок. 1854). В 1886 г. избран на трехлетие заведующим 2-м военно-конским участком в г. Муроме. В 1897 г. получил благодарность Муромской Городской думы за продолжительную и усердную службу в должности торгового депутата. В 1899 г. стал единоличным владельцем семейного предприятия «Торговый дом Голубевы В. и А.» в Муроме, избран председателем Сиротского суда. С 1903 г. — почетный блюститель Муромского Духовного училища.

⁶⁴*Гучков Александр Иванович (1862–1936)* — крупный предприниматель. Масон. Член Государственного Совета, действительный статский советник. В годы Русско-японской войны находился на фронте в качестве представителя Московской городской думы и Комитета Великой Княгини

Елисаветы Феодоровны, а также помощника Главноуполномоченного Российского общества Красного Креста при Маньчжурской армии. Весной 1905 г. попал в плен к японцам. Один из лидеров либералов, основатель и председатель ЦК «Союза 17 октября» — политической партии крупной буржуазии. В 1910 г. — председатель III Государственной Думы. С началом Первой мировой войны вынашивал планы дворцового переворота, насильственного устранения Императора Николая II и ареста Императрицы Александры Феодоровны. Один из активных участников Февральского бунта, 2 марта 1917 года вместе с В.В. Шульгиным принял отречение Императора Николая II, содействовал отречению Великого Князя Михаила Александровича и разрушению русской монархии. Со 2 марта по 30 апреля 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. Умер в эмиграции.

⁶⁵Город и железнодорожная станция на востоке Китая, в провинции Шаньдун.

⁶⁶Железнодорожная станция, расположенная недалеко от реки Шахэ, в непосредственной близости от так называемой «Путиловской сопки», которая во время многодневного сражения у этой реки, в ходе боя 3 октября 1904 г. была отбита у японцев пехотной бригадой 2-го Сибирского корпуса под командованием генерал-майора П. Н. Путилова. Впоследствии здесь находилось одно из крупнейших русских военных кладбищ в Маньчжурии.

⁶⁷*Алексеев Евгений Иванович (1843–1918)* — Наместник Императора на Дальнем Востоке (с 1903 г.), адмирал, генерал-адъютант (1901). В 1863 г. окончил Морской корпус. В 1863–1867 гг. участвовал в кругосветном плавании на корвете «Варяг». С 1878 г. командир крейсера «Африка», с 1883 г. — агент (атташе) Морского министерства во Фран-

ции, с 1886 г. командир крейсера «Адмирал Корнилов». В 1891 г. сопровождал Цесаревича Николая Александровича в его путешествии на Восток. С 1892 г. — помощник начальника Главного морского штаба. В 1895–97 гг. командовал эскадрой Тихого океана, с 1897 г. старший флагман Черноморской флотской дивизии. С августа 1899 г. Главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане. После начала Русско-японской войны с февраля по октябрь 1904 г. был Главнокомандующим сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке. Находился в Порт-Артуре, затем переехал в Мукден. С упразднением в 1905 г. наместничества назначен членом Государственного Совета. С апреля 1917 г. в отставке.

⁶⁸Возможно, *Андрес Никита Юльевич* — врач, или же *Андрес Виктор Юльевич* — лекарь.

⁶⁹*Долгоруков Павел Дмитриевич (1856–1927)* — князь, леволиберальный политический деятель, масон. Организатор земств. Во время Русско-японской войны возглавлял передовые санитарные отряды Московского земства, был корреспондентом газеты «Русские ведомости». Один из основателей т. н. «Союза освобождения» и Конституционно-демократической партии (партии кадетов). С 1905 г. председатель ЦК партии до 1909 г. В 1907 г. депутат II Государственной Думы от Москвы. Враг русской монархии и монархизма. После февраля 1917 г. поддерживал Временное правительство. Депутат Учредительного собрания. После его разгона большевиками подвергался арестам. В октябре 1918 г. выехал на юг, был одним из организаторов Белого движения на основе либерализма, что стало одной из причин поражения армии белых. Находясь (с осени 1920 г.) в эмиграции, участвовал в организации борьбы против большевистской власти. Предпринял две нелегальные поездки в СССР, во время второй поездки арес-

тован. Расстрелян большевиками в ответ на убийство в Варшаве советского посла П. Л. Войкова, активного участника расправы над Царской Семьей.

⁷⁰*Гескет Александр Давыдович (1862–1937)* — военный инженер. Впоследствии генерал-майор (1912). Из дворян Полтавской губернии. Окончил Николаевскую инженерную академию. Состоял при 1-м понтонном батальоне. Во время Русско-японской войны служил в полевом дорожном управлении Маньчжурских армий и при начальнике военных сообщений при главнокомандующем. В 1906–1907 гг. начальник службы пути Среднеазиатской железной дороги. В 1907–1910 гг. — начальник Среднеазиатской железной дороги. В 1910–1917 гг. — начальник Привисленских железных дорог. В 1917 г. руководил делами русского военного снабжения в Италии. Умер в эмиграции. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

⁷¹*Баттистини Маттиа (1856–1928)* — итальянский певец (баритон), представитель искусства бельканто. Часто гастролировал в России.

⁷²*Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936)* — прозаик, поэт, журналист. Военный корреспондент во время Русско-турецкой (1877–1878) и Первой мировой войн. В 1904–1905 гг., как корреспондент московской газеты «Русское слово», находился на фронтах Русско-японской войны, участвовал в боях под Ляояном, Порт-Артуром, Мукденом. Автор военных («Гроза», 1879, «Плевна и Шипка», 1881, и др.) и бытовых («Кулисы», 1886, и др.) романов, сборника «Стихотворения» (1882), мемуаров «На кладбищах» (1921). Ему также принадлежат сочинения: «На войну», «Из писем с дороги». После ряда статей о поражении под Вафангоу был удален из армии. В 1905 г. вступил в масонскую ложу «Mont Sinai» («Гора Синай»). С 1906 г. секретарь масонской ложи

«Возрождение». Умер в Праге. Брат Владимира Ивановича Немировича-Данченко, известного театрального деятеля.

⁷³Авитаминоз В₁, алиментарный полиневрит, болезнь, наблюдаемая у питающихся обрубленным (то есть, лишенным оболочек) рисом, а также и при преимущественном питании продуктами из пшеничной муки тонкого помола. Характеризуется нарушением углеводного обмена, что приводит к нервным, сердечно-сосудистым, желудочно-кишечным расстройствам и отекам.

⁷⁴Мукденское сражение — последнее и крупнейшее в ходе Русско-японской войны как по количеству участвовавших в нем войск, так и по накалу боевых действий. Продолжалось 19 суток (с 6 по 25 февраля (ст. ст.) 1905 г.) на фронте протяженностью 155 км и глубиной до 80 км. В общей сложности в нем участвовало около 560 тысяч человек. Потери русской армии составили 80 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными.

⁷⁵Издавался в 1904—1906 гг. 2—3 раза в неделю полевым штабом Маньчжурской армии, с №116 (1904) — штабом главнокомандующего, под названием «Вестник Маньчжурских армий». Далее с 1906 г. — «Вестник войск Дальнего Востока».

⁷⁶Город во Франции. Около Седана в сентябре 1870 г. немецкие войска окружили и разбили французскую армию, которая капитулировала во главе с Императором Наполеоном III.

⁷⁷*Хрециатицкий Ростислав Александрович (1841—1906)* — генерал от кавалерии (1904). Происходил из старинного казачьего рода — сын А. П. Хрециатицкого, походного атамана действовавших на Кавказе донских казачьих полков. Окончил Пажеский корпус. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — получил известность как доблестный военачаль-

ник, командуя 12-м Донским казачьим полком. С 1880 г. — генерал-майор. С 1888 г. по 1891 г. — окружной начальник Таганрогского округа Области войска Донского. С 1891 г. по 1893 г. — командир Гвардейской кавалерийской бригады. В 1893 г. назначен командиром 2-й Казачьей сводной дивизии с производством в чин генерал-лейтенанта. В 1898 г. — командир армейского корпуса. С 1904 г. — командующий войсками Приамурского военного округа и войсковой наказной атаман Приамурских казачьих войск. Был также известен как знаток и собиратель казачьих песен. Умер в Хабаровске. Похоронен в Новочеркасске.

⁷⁸*Ольденбургская Евгения Максимилиановна (1845–1925)* — принцесса царствующего Дома Романовых, урожденная герцогиня Лейхтенбергская, супруга принца А. П. Ольденбургского, племянница Императора Александра II. Попечительница комитета о сестрах Красного Креста, попечительница Общины св. Евгении и Максимилиановской лечебницы. Умерла в эмиграции.

⁷⁹Цусимское морское сражение происходило 14–15 мая (ст. ст.) 1905 г. в районе острова Цусима в Корейском проливе между 2-й Тихоокеанской эскадрой русского флота (командующие адмиралы З. П. Рожественский и Н. И. Небогатов), отправленной осенью 1904 г. в Порт-Артур, а после его падения получившей задачу идти во Владивосток, и японским флотом (командующий Х. Того). Из 30 русских боевых кораблей было потоплено 15, собственными командами 3, в плен сдались 5 кораблей.

⁸⁰Русский крейсер 2-го ранга. Вступил в строй в декабре 1903 г. В составе 2-й Тихоокеанской эскадры принял участие в Цусимском бою. Удачно действовал в бою, избежал крупных повреждений и сумел достичь Владивостока. С марта 1908 г. — посыльное судно, с 1908 г. —

императорская яхта. В 1911 г. вошел в состав Черноморского флота. Участвовал в Первой мировой войне как носитель гидросамолетов. В 1915 г. в составе группы кораблей участвовал в первой бомбардировке пролива Босфор. В апреле 1918 г. захвачен немецкими войсками в Севастополе, в ноябре 1918 года захвачен британскими войсками, передан Белой армии. В 1920 г. вместе с последними частями Белой армии ушел в Константинополь и далее в Бизерту (Тунис). В 1934 г. разобран на металл.

⁸¹*Великий Князь Андрей Владимирович (1879–1956)* — младший сын Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны (старшей). Двоюродный брат Императора Николая II.

⁸²Портсмутский мирный договор, завершивший Русско-японскую войну, был подписан в США, в г. Портсмут (штат Нью-Гемпшир) 25 августа (ст. ст.) 1905 г. Со стороны России договор подписали Председатель Комитета министров Российской Империи С. Ю. Витте и посол России в США Р. Р. Розен, со стороны Японии — министр иностранных дел Д. Камура и посланник в США К. Такахира. В результате Япония получила Корею, Порт-Артур, Порт Дальний, Южный Сахалин, утвердившись на Курильских островах и закрыв России большинство выходов в Тихий океан и к русским портам на Камчатке и Чукотке. Тем не менее, во время Первой мировой войны Японская Империя выступала как один из союзников Императорской России.

⁸³*Рузвельт Теодор (1858–1919)* — американский государственный деятель. Масон. Президент США в 1901–1912 гг. Во время Русско-японской войны поддерживал Японию. Выступил в качестве посредника на мирных переговорах между Россией и Японией.

⁸⁴*Витте Сергей Юльевич (1849–1915)* — граф, российский государственный деятель. С 1889 г. — директор департамента железных дорог Министерства финансов, с августа 1892 г. по 1903 г. — министр финансов, с августа 1903 г. — Председатель Комитета министров Российской Империи. В 1905 г. возглавлял русскую делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор России с Японией. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. — глава Совета министров. Член Государственного совета и председатель Комитета финансов до 1915 г.

⁸⁵Герой швейцарской народной легенды. Предводитель швейцарцев в их борьбе против ига австрийских феодалов в начале XIV века. Действующее лицо одноименной драмы немецкого драматурга Фридриха Шиллера.

⁸⁶Адский огонь — символ войны. Миртовая ветвь — символ мира.

⁸⁷*Джамбакуриан-Орбелиани Георгий Ильич (1853–1924)* — князь, генерал-лейтенант (1910). Окончил Пажеский корпус. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Офицер лейб-гвардии Гусарского полка. Был командирован на Афганскую разграничительную линию (1885–1886) и в Индию (1898–1899). С 1904 г. генерал-майор, начальник Кавказской конной бригады (Терско-кубанский и 2-й Дагестанский конные полки), с которой принимал участие в Русско-японской войне. В 1910 г. начальник Закаспийской конной бригады. С ноября 1913 г. в запасе. Во время Первой мировой войны принят на службу и назначен состоять при Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части в войсках принце А. П. Ольденбургском. Умер в эмиграции, во Франции, в чине генерала от кавалерии.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Бенкендорф Павел Константинович (Паулин) (1853–1921) — граф, обер-гофмаршал, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, гофмейстер, сенатор, Член Государственного Совета. Принадлежал к ближайшему окружению Царской Семьи. Накануне отъезда в Тобольск Императрица Александра Феодоровна писала ему: «Дорогой граф. От любящего сердца горячо благодарю Вас за все, все эти 23 года, да наградит Вас Господь Бог — мы это не умеем, да благословит Вас. Грустно без Вас и дом родной покидать — и вообще, но Господь милостив, я крепко Ему верю. Еще раз до свидания. Обнимаю Вас». (см. Якобий И. П. Император Николай II и революция. Сост. С. В. Фомин. М.: Общество святителя Василия Великого, 2005. С. 830). Автор воспоминаний «Последние дни в Царском Селе», опубликованных на английском языке в Лондоне, в 1927 г.

Боткин Евгений Сергеевич (27.5.1865–17.7.1918) — родился в Царском Селе в семье дворянина, в семье выдающегося врача С. П. Боткина — почетного лейб-медика Императоров Александра II и Александра III. После окончания гимназии поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, затем перешел в Военно-медицинскую академию, которую окончил в 1889 г. Доктор медицины, приват-доцент Военно-медицинской академии, действительный статский советник. Участник Русско-японской войны, где был помощником Главноуполно-

моченного Российского общества Красного Креста по южному району театра военных действий. За отличие в боях против японцев награжден орденом св. Владимира 3-й степени и 4-й степени с мечами, св. Анны 2-й степени, св. Станислава 3-й степени, сербского ордена св. Саввы 2-й степени и болгарского «За гражданские заслуги». С апреля 1908 г. — лейб-медик Императора Николая II, совещательный член Военно-санитарного Ученого комитета при Императорской Главной Квартире, член Главного управления Российского общества Красного Креста. В Тобольске, сопровождая Царскую Семью в изгнании, открыл бесплатную практику для населения города. Вместе с Императором, Императрицей и Великой Княжной Марией Николаевной в конце апреля 1918 г. оказался в Екатеринбурге, в доме Ипатьева. Погиб вместе с Царской Семьей. Герб рода Боткиных: «В червленом щите две накрест положенных серебряных грамоты с золотыми печатями. В серебряной главе щита три червленых чайных цветка. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: золотой возникающий барс с червленым языком. Намет: червленый с серебром. Девиз: «Верую, верностью, трудом» серебряными буквами на червленой ленте» (Общий Гербовник дворянских родов Российской Империи. Т. XX. С. 124.)

Буксгевден София-Матильда Карловна (Изи, Иза) (1884–1956) — баронесса, фрейлина Императрицы Александры Феодоровны. Добровольно последовала за Царской Семьей в изгнание. В Тобольск прибыла около 25 декабря 1918 г., задержавшись из-за операции аппендицита. Несмотря на имеющиеся разрешения от революционных властей, не была допущена в Корниловский дом, где проживала свита. Снимала жилье у местных жителей. В ожидании соединения с Царской Семьей давала уроки англий-

ского языка вместе с приехавшей с ней англичанкой. Сопровождала Августейших Детей в Екатеринбург. По приезде была разлучена с Ними. Отправлена на запасные пути, где скопилось около 35 тысяч беженцев. Избежала ареста. Эмигрировала в Копенгаген, к обосновавшейся там вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. Автор книг: «Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, Императрицы Всероссийской», «Перед бурей», «Оставленные» (все на англ. языке).

Волков Алексей Андреевич (30.10.1859–27.02.1929) — родился в селе Старом Юрьеве Тамбовской губернии, Козловского уезда, в крестьянской семье. Во время службы в лейб-гвардии Павловском полку и затем в Сводном батальоне был замечен как исполнительный и инициативный солдат, неоднократно повышался по службе. Был взят на должность камердинера Великим Князем Павлом Александровичем. Перед революцией 1917 г. в течение полутора лет служил личным камердинером Императрицы Александры Феодоровны. В 1917 г. добровольно отправился с Царской Семьей в Тобольск, где вместе с некоторыми другими слугами был помещен в бывшем губернаторском доме. В конце мая 1918 г., после переезда вместе с Великими Князнями и Цесаревичем в Екатеринбург, был доставлен в Екатеринбургскую тюрьму, так же, как генерал И. Л. Татищев, графиня А. В. Гендрикова и гоф-лектриса Е. А. Шнейдер. Находился в одной камере с Татищевым. В июле 1918 г. вместе с Гендриковой и Шнейдер был отправлен в Пермь и заключен в местную тюрьму. В ночь на 4 сентября (ст. ст.) 1918 г. вместе с другими десятью узниками, в числе которых были Гендрикова и Шнейдер, был вывезен на расстрел в пригород Перми, однако, в результате удачного побега остался жив. С большими трудностями пробрался через линию фронта в Екатеринбург,

занятый к тому времени войсками адмирала Колчака. Давал ценные показания следствию, которое вел Н. А. Соколов, по делу о гибели Царской Семьи. Эмигрировал через Дальний Восток и Манчжурию. В 1922 г. поселился с семьей в Эстонии. Получал пенсию от датского короля. В 1928 году в Париже опубликовал свои воспоминания «Около Царской Семьи», к которым написала предисловие Великая Княгиня Мария Павловна. Умер в Таллинне, похоронен в Тарту на Успенском кладбище.

Гендрикова Анастасия Васильевна (Настенька, Настя) (1886–1918) — графиня, из рода пожалованных во дворянство родственников Императрицы Екатерины I. Родилась в семье графа В. А. Гендрикова и С. П. Гагариной. В 1910 году назначена фрейлиной Императрицы Александры Феодоровны. Была одной из самых близких к Государыне особ. Добровольно сопровождала Царскую Семью в Тобольск, где преподавала историю Царским Детям. Увезена в Екатеринбург в мае 1918 г., помещена в тюрьму, в июле 1918 г. перемещена в Пермь, в пригороде которой была тайно расстреляна в ночь на 5 сентября 1918 г. Тело ее, совершенно неразложившееся, было найдено белогвардейцами 7. 5. 1919 г. и погребено 16 мая по православному обряду в деревянном склепе на Ново-Смоленском кладбище в Перми. Канонизирована в 1981 г. Русской Православной Церковью за границей как святая мученица Анастасия.

Гиббс Чарльз Сидней (Сидней Иванович, Сиг) (1876–1963) — англичанин, преподаватель английского языка Детей Императора Николая II, гувернер Цесаревича Алексея. Родился в г. Роттерхэм, в семье банковского служащего. Окончил Кембриджский университет по специальности «Искусствознание» (1899) и поступил на его богословский факультет. Перед принятием сана в Англиканской Церкви

принял решение в 1901 г. совершить поездку в Россию. Остался жить в России, в Петербурге, занимался преподаванием английского языка. Президент Петербургской гильдии преподавателей английского языка. С 1908 г. преподавал английский язык у Великих Княжон, Дочерей Императора Николая II, а затем и у Цесаревича Алексея Николаевича. В 1917 г. добровольно последовал за Царской Семьей в Тобольск, затем, в мае 1918 г., вместе с Цесаревичем и Великими Княжнами — в Екатеринбург. Как иностранец, избегал заключения в доме Ипатьева и гибели, хотя из Москвы в середине апреля 1918 г. и поступил приказ на этот счет. Предпринимал попытки освобождения Царской Семьи. В 1919 г. активно сотрудничал со следствием Н. А. Соколова, занимал пост секретаря в штабе британского верховного комиссара. После 1920 г. переехал в Китай, откуда отправился в Англию, где в 1928 году поступил на пастырский курс Оксфордского университета. Осознав, что не может служить Англиканской Церкви, вернулся в Харбин. Перевел на английский язык православный служебник и несколько православных богослужебных книг. Около года провел в синтоистских монастырях в Японии. Наконец, 25 апреля 1934 г. принял Православие через святое Миропомазание, с именем Алексей — в честь Цесаревича [Таинство совершал архиепископ Камчатский и Петропавловский Нестор (Анисимов)]. В 1935 г. (в день тезоименитства Императора Николая II) в Харбине принял монашеский постриг с именем Николай и в этом же году стал иеродиаконом и иеромонахом. На некоторое время был направлен в Русскую духовную миссию (РПЦЗ) в Иерусалиме. В 1938 г., в сане архимандрита, вернулся в Англию. Назначен на православные приходы храмов Всех святых и святителя Филиппа в Лондоне. В июне 1945 г. митрополитом

Николаем (Ярушевичем) принят в юрисдикцию Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). В 1940-е гг., основал в Оксфорде православный приход, освятив храм в честь свт. Николая Чудотворца. Вывез из России и сохранил некоторые предметы и иконы Царской Семьи, которые в дальнейшем поместил в алтаре этой церкви. Похоронен на оксфордском кладбище Хэдингтон.

Дерезенко Владимир Николаевич (1879–1936) — лейб-хирург, врач Цесаревича Алексея Николаевича (1912–1918 гг.). Родился в семье личного дворянина Белецкого уезда Бессарабской губернии. Окончил 1-ю Кишиневскую гимназию (1899), затем Петербургскую Военно-медицинскую академию (1904). В мае 1904 г. призван на действительную военную службу и назначен младшим врачом при Керченской крепостной артиллерии. Принимал участие в Русско-японской войне, работая на передовом перевязочном пункте, в том числе во время тяжелых боев под Мукденом. Работал ассистентом профессора С. П. Федорова, в течение трех лет готовился к профессорскому званию. С мая 1905 г. — ординатор при хирургической госпитальной клинике Военно-медицинской академии. С 1911 г. — приват-доцент по кафедре клинической хирургии. С июля 1917 г. — профессор Пермского университета. В июле 1919 г. эвакуирован в Томск, работал в качестве приват-доцента по кафедре факультетской хирургической клиники. Летом 1920 г. реэвакуирован в Пермь. С 1923 г. — в Днепропетровском мединституте, где до 1930 г. заведовал кафедрой хирургических болезней. Многократно арестовывался, был осужден на 5 лет тюремного заключения и погиб.

Дитерихс Михаил Константинович (1874–1937) — выходец из Дании. Родился в Петербурге в дворянской семье потомственных военных. Окончил Пажеский корпус (1894), Академию Генерального Штаба (1900). Участник Русско-

японской и Первой мировой войн. Начальник штаба 3-й армии, один из главных разработчиков плана так называемого Брусиловского прорыва (1916), генерал-квартирмейстер Ставки верховного главнокомандующего, начальник штаба Ставки русской армии (в ноябре 1917 г.), генерал-лейтенант. После захвата власти большевиками выехал в Киев, был назначен начальником штаба чехословацкого корпуса. С начала 1919 г. — на службе у верховного правителя России адмирала А. В. Колчака. В 1918–1919 гг. — начальник штаба Западного фронта колчаковских армий, в январе 1919 г. — главнокомандующий фронтом, затем генерал для особых поручений при Ставке Колчака. М. К. Дитерихсу было поручено общее руководство расследованием обстоятельств гибели Царской Семьи и других членов Дома Романовых на Урале; с назначением следователя Н. А. Соколова всемерно содействовал его работе. В ноябре 1919 г. выехал в Харбин. Руководил эвакуацией вещественных доказательств и следственных материалов по делу о гибели Царской Семьи. Сторонник восстановления монархии в России. В июне 1922 г. в Приморье на Земском Соборе избран единоличным правителем и воеводой Земской рати. В октябре 1922 г. эмигрировал в Китай. Был председателем Дальневосточного отдела Российского общевойскового союза (РОВС). Автор книги «Убийство Царской Семьи и членов дома Романовых на Урале». Умер в Шанхае.

Долгоруков Василий Александрович (Валя) (1868–1918) — князь из рода Рюриковичей. Пасынок П. К. Бенкендорфа. С 1890 г. — офицер лейб-гвардии Конно-гренадерского, затем Кавалергардского полков, с 1910 г. командир 3-го драгунского Новороссийского полка, с 1912 г. — лейб-гвардии Конно-гвардейского полка, в 1914 г. — 1-й бригады 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Участник Первой мировой

войны, состоял при Императорской Ставке. Генерал-майор по гвардейской кавалерии, генерал-майор Свиты Его Величества. Помощник гофмаршала, гофмаршал. Добровольно поехал с Царской Семьей в Тобольск. В ссылке был одним из трех доверенных лиц Императора Николая II, хранил общие деньги, в конце апреля 1918 г. вместе с Императором и Императрицей переехал в Екатеринбург и был заключен в тюрьму. Большую часть времени томился в одиночке. 10 июля 1918 г. расстрелян чекистом Г. П. Никулиным, помощником коменданта дома Ипатьева, участником расстрела Царской Семьи. Тело его впоследствии было найдено за Ивановским кладбищем, рядом с екатеринбургским тюремным замком. Канонизирован в 1981 г. Русской Православной Церковью за границей как святой мученик Василий.

Жильяр Пьер (Петр Андреевич) (1879–1962) — родился в Швейцарии. В 1904 г. окончил Лозаннский университет по отделению классической словесности. Приехал по приглашению для преподавания французского языка в Петербурге. С 1905 г. преподавал французский язык Великим Княжнам, затем, с 1913 г. — Наследнику. Гувернер Цесаревича Алексея Николаевича. В 1917 г. добровольно последовал с Царской Семьей в изгнание. Стал одним из доверенных лиц Императора и Императрицы. В Екатеринбург прибыл в мае 1918 г., вместе с Цесаревичем и Великими Княжнами. Избежал ареста, видимо, потому, что сохранил швейцарское подданство. При белых находился на Урале и в Сибири, затем эмигрировал через Харбин. В 1920 г. уехал в Швейцарию. Оказывал следователю Н. А. Соколову содействие в спасении следственных материалов по делу Романовых и вывозе документов в Европу. В начале 1930-х годов возобновил преподавательскую деятельность. Стал известным профессором Лозаннского университета. Автор книг «Трагическая судьба

русской Императорской Фамилии», «Император Николай II и его Семья».

Кобылинский Евгений Степанович (1879–1927) — полковник лейб-гвардии Петроградского полка. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. После ранений и контузии переведен в запасной батальон своего полка. После Февральского переворота начальник царскосельского гарнизона. Начальник караула, затем комендант Александровского дворца в Царском Селе, с 1 августа 1917 г. командир Отряда особого назначения по охране Царской Семьи в Тобольске (назначен А. Ф. Керенским), комендант губернаторского дома в Тобольске. Женат на Клавдии Михайловне Битнер, бывшей начальнице Царицынской женской гимназии в Царском Селе, преподавательнице Тобольской гимназии, дававшей уроки Царским Детям. После отправки Царской Семьи в Екатеринбург устранен большевиками от должности начальника Отряда особого назначения, замененного в начале мая красногвардейцами. Поступил на службу в армию адмирала А. В. Колчака. Во время отступления белых частей в 1919 г. попал в плен к красным партизанам под Красноярском, был арестован. После гражданской войны проживал с женой в Рыбинске. В 1927 г. был арестован по обвинению в антиправительственном заговоре и расстрелян. По другим источникам, в 1920 г. эмигрировал в Китай, но в 1927 г. провокационным путем вызван из Харбина в СССР, где и был казнен.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — адмирал, Верховный правитель и Верховный Главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России (1918–1919). Родился в Санкт-Петербурге в семье дворянина, офицера, в дальнейшем — генерал-майора. Окончил Морской кадетский корпус. Участвовал в плаваниях в водах Атлантики и

Тихого океана. В 1900–1904 гг. и 1909–1910 гг. участвовал в полярных экспедициях. Океанограф, полярный исследователь. Участник Русско-японской и Первой мировой войн (на Балтике), в 1916–1917 гг. — командующий Черноморским флотом, вице-адмирал. Занимая эту должность, во время Февральского бунта 1917 г. высказался за отречение Императора Николая II от престола. С лета 1917 г. — в зарубежной служебной командировке в качестве руководителя российской военно-морской миссии в США. В 1918 г. — член правления Восточно-Китайской железной дороги, участвовал на Дальнем Востоке в организации вооруженной борьбы с властью большевиков. С октября 1918 г. — военно-морской министр Директории — Временного всероссийского правительства. Расстрелян большевиками 7 февраля 1920 г. под Иркутском.

Нагорный Климентий Григорьевич (1887–1918) — крестьянин села Пустоваровка Антоновской волости Сквирского уезда Киевской губернии. Не женат. На военной службе — матрос Гвардейского экипажа, плававший на императорской яхте «Штандарт». Был назначен помощником «дядьки» Цесаревича Алексея Николаевича боцмана А. Е. Деревенько. В 1917 г., после удаления последнего, назначен «дядькой» Цесаревича. Разделял заботы по уходу за Наследником во время Его болезни. Добровольно отправился с Царской Семьей в Тобольск, оттуда в конце мая 1918 г. вместе с Детями Императора Николая II прибыл в Екатеринбург. Был помещен вместе с ними в дом Ипатьева. 27 мая за открытый протест против похищения охраной ценностей Царской Семьи вместе с И. Д. Седневым отправлен в Екатеринбургскую тюрьму. В ответ на письменный протест против заключения и просьбу об освобождении, подписанные вдвоем с Седневым, был вывезен за город и расстрелян. Канонизирован

в 1981 г. Русской Православной Церковью за границей как святой мученик Климент.

Седнев Иван Дмитриевич (1886–1918) — родился в городе Угличе. Матрос Гвардейского экипажа императорской яхты «Штандарт». Лакей Царских Детей и официант Их Величеств. В 1917 г. добровольно уехал с Царской Семьей в Тобольск. В конце апреля 1918 г. приехал в Екатеринбург вместе с Императором и Императрицей, был помещен вместе с ними в дом Ипатьева. Вместе с приехавшим позднее К. Г. Нагорным протестовал против расхищения охраной ценностей Царской Семьи. 27 мая был переведен в тюрьму. Расстрелян вместе с Нагорным. 1 ноября 1981 г. канонизирован Русской Православной Церковью за границей как святой мученик Иоанн.

Седнев Леонид Иванович (по документам охраны) (1904–1929) — племянник И. Д. Седнева, поварской ученик. Сверстник Цесаревича Алексея Николаевича. Играл с Ним, катал в инвалидной коляске. Находился вместе с Царской Семьей и своим дядей в Тобольске и Екатеринбурге. Оставался в доме Ипатьева и после того, как из него 27 мая был удален и помещен в тюрьму его дядя. 16 июля, перед казнью заключенных, под предлогом встречи с дядей (на деле уже расстрелянным) был выведен из дома Ипатьева и помещен в дом В. С. Попова, под караул. Плакал и в тот день, и в дальнейшем — возможно, почувствовал надвигающуюся беду сразу же, не увидев своего дяди, с которым ему была обещана встреча. 19 июля Я. Х. Юровский направил в облисполком записку с просьбой выдать Седневу удостоверение личности. С ним мальчик был отправлен на родину — в Ярославскую губернию, там жил и работал. В 1929 г. арестован и расстрелян. По другим сведениям, расстрелян через полгода после гибели Царской Семьи.

Соколов Николай Алексеевич (1882–1924) — родился в г. Мокшаны Пензенской губернии, в купеческой семье. Окончил Пензенскую мужскую гимназию, затем юридический факультет Харьковского университета. Служил по судебному ведомству в Пензе и в Пензенской губернии. Революция застала его в должности судебного следователя по особо важным делам в Пензе, в чине надворного советника. После большевицкого переворота в октябре 1917 г. перебрался в Саратов, в октябре 1918 г. — в Сибирь, был назначен товарищем (помощником) прокурора Иркутского окружного суда, а в ноябре — судебным следователем по особо важным делам Омского окружного суда. В феврале 1919 г. верховным правителем России А. В. Колчаком назначен следователем по выяснению обстоятельств убийства Царской Семьи. Вел эту работу по июль 1919 г. в районе Екатеринбурга, а затем и вне его. С учетом запутанности в ведении дела до него, упущений, утраты отдельных документов, исчезновения некоторых свидетелей, зимней поры, затянувшегося таяния снега и подсыхания почвы (это создавало затруднения для изучения пути следования автомобиля с трупами), характера мест захоронения, необходимо отметить, что работу Соколова отличал исключительно высокий профессионализм, что и дало следствию блестящие результаты. Соколов пришел к твердому убеждению о расстреле в доме Ипатьева всех членов Царской Семьи и сопровождавших Ее лиц. Он выяснил, что организация всей акции осуществлялась по приказу большевицкого центра, и указал на прямую причастность к убийству Я. М. Свердлова и, вероятно, В. И. Ленина. Соколов — один из тех, кто смог вывезти из России и спасти обширные следственные материалы и часть вещественных доказательств по делу об убийстве Царской Семьи. Продолжал расследование и при отступлении белых с Урала, затем в эмиг-

рации опубликовал основные результаты следствия. Скоропостижно скончался во Франции, похоронен в местечке Сальбри близ Парижа.

Сторожев Иван Владимирович (отец Иоанн,) (1878–1927) — родился в г. Арзамасе Нижегородской губернии в купеческой семье, рано лишился отца. Часть детских лет провел с матерью в Дивеевском монастыре, близ Саровской пустыни, что углубило и укрепило его веру. Окончил юридический факультет Киевского университета святого Владимира. Работал по специальности присяжным поверенным, помощником прокурора, затем занялся адвокатурой, проявил себя как блестящий оратор. Но гражданская профессия не удовлетворяла отца Иоанна, и он стал священником. С 1917 г. служил настоятелем Екатерининского Воскресенского собора в Екатеринбурге, в сане протоиерея. В 1918 г. отцу Иоанну суждено было стать последним, кто совершал богослужения (обедницу) в доме Ипатьева для заключенной Царской Семьи и Их слуг (2 и 14 июля, менее чем за трое суток до убийства). С приходом в город белых и началом следствия по делу о гибели Царской Семьи давал показания. С августа 1918 г. назначен священником 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков, в дальнейшем получившего наименование полка «Адмирала Колчака», позднее — благочинным 7-й Уральской дивизии горных стрелков, отступал с белыми войсками на Восток. После поражения армии А. В. Колчака в 1920 г. эмигрировал в Китай, в Харбин. Служил в двух храмах этого города — Софийской и Свято-Алексеевской (при коммерческом училище) церквях, вместе с тем преподавал Закон Божий в русских средних учебных заведениях. По воспоминаниям слушателей, его проповеди запоминались на всю жизнь, особенно те из них, которые

были посвящены памяти Императора Николая II и Его Семьи. Умер в Харбине.

Татищев Илья Леонидович (1859–1918) — происходил из древнего рода Рюриковичей, потомок одного из сподвижников Петра I — русского историка В. Н. Татищева. Генерал-лейтенант, числился по гвардейской кавалерии, генерал-адъютант. Некоторое время состоял адъютантом великого князя Владимира Александровича (сына Императора Александра II), затем — в свите Императора Николая II. В 1905–1911 гг. был личным представителем Государя при германском Императоре Вильгельме II. Был русским посланником в Берлине. Участвовал в событиях Первой мировой войны. Когда выяснилось, что граф П. К. Бенкендорф не сможет сопровождать Царскую Семью в Тобольск, Император остановил свой выбор на генерале Татищеве, который несколько раз изъявлял желание разделить с Ними заключение. На его попечении в Тобольске оставались Царские Дети, когда Императорская Чета с дочерью, Великой Княжной Марией Николаевной, была отправлена в Екатеринбург. По прибытии в Екатеринбург был заключен в тюрьму. Момент гибели Татищева точно не зафиксирован. А. А. Волков и С. К. Буксгевден рассказывают, что он погиб в Екатеринбурге в июле 1918 г. Непогребенное тело И. Л. Татищева найдено за Ивановским кладбищем Екатеринбурга 1 ноября 1918 г. Русской Православной Церковью за границей канонизирован как святой мученик воин Илия.

Чемодуров Терентий Иванович (1849–1919) — в течение 10 лет личный камердинер Императора Николая II. Добровольно поехал с Царской Семьей в Тобольск. Принимал, в качестве посредника, участие в выносе и сохранении царских ценностей. Из Тобольска вместе с Императором и Императрицей был перевезен в Екатеринбург. Помогал чле-

нам Семьи и повару в приготовлении пищи. Заболел, 24 мая из дома Ипатьева отправлен в Екатеринбургскую тюрьму, но, в связи с болезнью, вскоре был помещен в тюремную больницу. С вступлением 25 июля в город белых оказался на свободе. Уехал в Тюмень, потом в Тобольск. В начале 1919 г. умер в Тобольске.

Шнейдер Екатерина Адольфовна (Трина) (1856–1918) — гоф-лектриса Императрицы Александры Феодоровны, преподаватель русского языка. Состояла учительницей Великой Княгини Елисаветы Феодоровны с момента ее прибытия в Россию, с 1894 г. — преподавала русский язык принцессе Алисе Гессенской — Императрице Александре Феодоровне. Некоторое время была учительницей Царских Детей, пока те не достигли среднего школьного возраста. В 1917 г. добровольно сопровождала Царскую Семью в Тобольск. Вместе с Великими Княжнами прибыла в Екатеринбург, была арестована и отправлена в тюрьму, откуда 20 июля увезена в Пермь. В ночь на 5 сентября 1918 г. расстреляна на ассенизационном поле вместе с А. В. Гендриковой. Канонизирована в 1981 г. Русской Православной Церковью за границей как святая мученица Екатерина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ Главного Государственного санитарного врача РФ Г. Г. Онищенко	4
--	---

ЧАСТЬ I

Ольга Ковалевская. Слуги Царской Семьи Вступление. ЗАБЫТЫЕ НОВОМУЧЕНИКИ	7
--	---

АЛОИЗИЙ (АЛЕКСЕЙ) ЕГОРОВИЧ ТРУПП	21
АННА СТЕПАНОВНА ДЕМИДОВА	39
ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ХАРИТОНОВ	75
ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ БОТКИН	95

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГОЛГОФА

Переписка узников	123
«Со святыми упокой....»	153

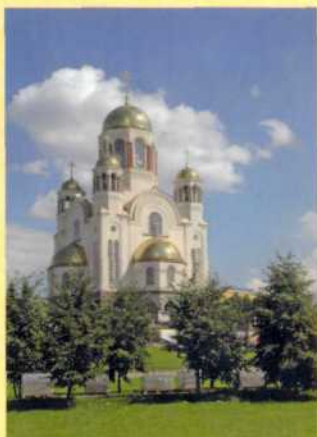
Заключение. ЧЕТЫРЕ ОПОРЫ	181
--------------------------------	-----

ЧАСТЬ II

«ДОБРОВОЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСКОЕ ПОКАЗАНИЕ ПЕРЕД СУДОМ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ»

Д-р Евг. Серг. Боткин. Свет и Тени Русско-японской войны 1904-1905 гг. (Из писем к жене).....	195
Вглядимся в эти фотографии.....	347

Примечания к Части I О. Т. Ковалевской	354
Комментарий к Части II Л. Ф. Капраловой	376
Биографическая справка.....	400

Эта книга посвящена одной из неизученных тем — Царским слугам, погибшим в Екатеринбурге в подвале дома Ипатьева вместе с Царственными Узниками. Однажды попав на Государеву службу, эти люди добровольно остались с Царем до конца. Мы знаем трагические слова Императора Николая II, записанные Им в день отречения в дневнике: «Кругом измена и трусость, и обман!». Действительно, Государя предали почти все Его вельможи, генералы, даже родственники, двор. И лишь несколько человек остались

верными «даже до смерти». В этой книге — рассказ о четырех верных Царю и Отечеству людях — о Евгении Боткине, Алоизии (Алексее) Труппе, Анне Демидовой и Иване Харитонове. Для нас чрезвычайно важно, раскрывая личности этих четырех верных слуг, великих в своей скромности, героических в своей верности, показать неизмеримую высоту духа простого русского человека.

Через судьбу каждого из них открываются все ясней и ясней лики Царственных Мучеников, сокрытые от нас в течение многих десятилетий под ложью и клеветой безбожного государства. Сегодня, в год 90-летия со дня злодейского убийства Царской Семьи, когда мы молитвенно вспоминаем Ее мученическую кончину, нам как никогда необходимо знать всю правду об Их подвиге, чтобы, наконец, опомниться и обратиться всем сердцем к духовному и историческому наследию Великой России.

В издании впервые с момента выхода в свет в 1908 г. публикуется книга «Свет и тени Русско-японской войны», написанная доктором Евгением Сергеевичем Боткиным, одним из погибших вместе с Царской Семьей мучеников. Эта книга, созданная не просто военным врачом, но и талантливым писателем, — замечательное, точное как диагноз свидетельство о времени, событиях и современниках.